КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. (*Продолженіе*). **Ив. Ротара**. . . . . 189—217

II. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1862—1869). **М. Чалаго**. . . . . 218—224

III. ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (Ш). **Вл. Каллаша** . . . 245—282

IV. ПЕРВАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛТАВСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ. . . . . 283—290

V. ПЕРЕСЕЛЬЦИ (ЗЪ ДОМУ И ДО-ДОМУ). Оповиданя. **Грыцька Грыгоренка** . . . . . 291—325

VI. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ И О ЗАДАЧАХЪ ЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ. **Е. Кузьмина**. 326—332

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ? б) Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; г) Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши; д) Письмо въ редакцію. **Н. В. Стороженка**. . . . . 69—77

Текущія извѣстія . . . . . 78—82

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства імени Шевченка т. т. XXXIII и XXXIV. **В. Д**; б) Петръ Гильтеб андтъ (Рязанскій): Гедеонъ Балабанъ и его три книги. **И. Каманина**; в) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. **Н. Ш**; г) Краткій историческій очеркъ Кіевской губенской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. **Н. М.**; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 83—122

Археологическая лѣтопись. . . . . 123—136

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 7 и 8-й. . . . . 97—128

„Кіевская Старина“,

Ежемѣсячный Историческій журналъ

въ 1901-мъ году

(20-й годъ изданія)

будетъ по прежнему посвященъ разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три основные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библіографія. Сверхъ того, въ каждой книжкѣ будутъ печататься *археологическая лѣтопись* и *приложенія*, въ которыя войдутъ: а) научные матеріалы, б) по мѣрѣ надобности — рисунки. Каждая книга журнала будетъ давать статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равнымъ образомъ—цѣнные матеріалы, касающіеся той-же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также по возможности полныя библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи и Галицкой Руси.

Объемъ каждой книжки журнала *не менѣе 12 печатныхъ листовъ*.

Въ 1900 году, въ №№ 1—11, на страницахъ „Кіевской Старины“ были помѣщены слѣдующія изслѣдованія, статьи и беллетристическія произведенія:

1) *Ор. Левицкій.* Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ 16 и 17 ст.

2) *П. Житецкій.* Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея.

3) *В. Милорадовичъ.* Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

4) *Его-же.* Лѣсная Лубенщина.

5) *Н. Молчановскій.* Донесеніе Венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ.

6) *В. Науменко.* Рѣшенъ-ли проф. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

7) *К. Оберучевъ.* Къ біографіи Т. Г. Шевченка (пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи).

8) *В. Береншгамъ.* Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній).

9) *М. Комаровъ.* Къ біографіи А. П. Стороженка.

10) *В. Антоновичъ.* Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

11) *П. Гавриловъ.* Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти 17 вѣка.

12) *М. Чалый.* Вторая Кіевская Гимназія.

13) *Его-же.* Бѣлоцерковская Гимназія.

14) *И. Лучицкій.* По поводу одного научнаго открытія.

15) *Н. Бѣляшевскій.* Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

16) *В. Каллашъ.* Къ исторіи малорусской литературы 20 хъ и 30-хъ годовъ 19 го вѣка.

17) *В. Храневичъ.* Выборное начало въ средѣ волынскаго духовенства въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка.

18) *А. Лотоцкій.* Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича.

19) *С. Яремичъ.* Памятники искусства 16 и 17 ст. въ Кіево-Печерской Лаврѣ (двѣ статьи).

20) Записки прот. П. Г. Лебединцева о козащинѣ 1855 года.

21) Воспоминанія прот. *Андрея Лебединцева.*

22) *К. Харламповичъ.* Новая библіографическая находка.

23) *Ѳ. Волковъ.* По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ церамикой до-микенскаго типа.

24) *Н. И. Стороженко.* Новые матеріалы для біографіи Шевченка.

25) *П. Борзаковскій.* Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній).

26) *И. Ротарь.* Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель 17 вѣка.

27) *Ѳ. Кудринскій.* Неудачныя предпріятія народолюбки (къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской).

28) Письма *митр. Арсенія* къ прот. П. Г. Лебединцеву.

29) Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института.

30) *Е. М. Кузьминъ.* Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованія.

31) *Любка* или сватанье въ с. Рихмахъ. Старинная малорусская оперетта.

32) *Б. Познанскій.* Картынки сучасного селянського побыту.

33) *Его-же.* Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ (Разсказъ).

34) *Л. Яновская.* Смерть Макарыхы.

35) *Ея-же.* На Зеленый клынъ (Комедія).

36) *Ея-же.* Идеальный батько (Разсказъ).

37) *М. Кропивницкій.* Передъ волею (Драма)

38) *В. Чыгрынецъ.* Злодій. (Разсказъ).

39) *В. Левенко.* Старе и нове (Повѣсть).

40) *Б. Гринченко.* Хвесь, преславный гайдамака (Стихотв).

41) *Его-же.* Паліи (Разсказъ).

42) *Его-же.* Покупка (Разсказъ).

43) *Грыцько Грыгоренко.* Пересельци (зъ дому и до-дому). (Очеркъ).

44) *А. Лазаревскій.* Описаніе старой Малороссіи. Т. 3-й. Прилуцкій полкъ. (Въ приложеніяхъ; будетъ продолжаться въ 1901 году).

Подписная цѣна на журналъ *10 руб. въ годъ* съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ *8 руб. 50 к.*; за границу — *12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книжки журнала по *1 рублю.*

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за прежніе годы: 1883—1885 и 1887 годы—*по 10 рублей за годъ* (1882 и 1886 г. въ продажѣ нѣтъ), а начиная съ 1888 года до 1900 г. включительно—по 8 руб. за годъ. При покупкѣ нѣсколькихъ годовъ дѣлается уступка. Отдѣльныя книжки за эти-же годы—*по 1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина„ (Тарасовская, 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Книжная торговля „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14) значительно расширена сравнительно съ прежними годами, имѣя для продажи всѣ изданія, выходящія въ Россіи и касающіяся нашего южно-русскаго края. Здѣсь-же находится главный складъ „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка, изданнаго редакціей „Кіевской Старины“ въ 1889 году въ двухъ видахъ: дешевое—*35 коп. за экз.*, а въ обыкновенномъ переплетѣ—*50 коп.*, и на лучшей бумагѣ большаго формата—*1 р. 50 к.* Выписывающимъ *не менѣе 1000 экз.* дешеваго изданія дѣлается *уступка 30 %, не менѣе 500 экз.*—25%; выписывающимъ *не менѣе 100 экз.* лучшаго изданія дѣлается *уступка*—30%. Уступка на экземпляры въ меньшемъ количествѣ—по соглашенію.

Издатель К. Гамалѣй. Редакторъ В. Науменко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

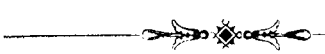
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

НОЯБРЬ.



КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 октября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава III [1]).

Вліяніе Епифанія Славинецкаго на Никона въ рѣшимости послѣдняго предпринять исправленіе книгъ по греческимъ подлинникамъ. Показаніе предисловія къ Служебнику 1655 года. Какъ оно должно быть понимаемо. Первыя исправленныя при Никонѣ книги: слѣдованная псалтирь и часословъ 1653 года. Отправленіе на Аѳонъ за рукописями Арсенія Суханова. Служебникъ 1655 года и предисловіе къ нему. Хронологическія неточности послѣдняго. Скрижаль. Статьи, принадлежащія въ немъ Епифанію. Обозрѣніе содержанія ихъ. Остальныя изданныя при участіи Епифанія Славинецкаго въ патріаршество Никона книги. Книги, изданныя послѣ Никона, въ исправленіи которыхъ Епифаній принималъ участіе. Печатаніе Епифаніевыхъ переводовъ святоотеческихъ твореній.

Съ вступленіемъ Никона на патріаршій престолъ вліяніе Епифанія Славинецкаго въ дѣлѣ книжнаго исправленія усилилось. Еще до занятія патріаршаго престола, Никонъ, какъ мы видѣли, уже отрѣшился отъ старорусскаго взгляда на грековъ. За этимъ первымъ шагомъ съ логической необходимостью долженъ былъ послѣдовать и второй—убѣжденіе въ необходимости издавать печатныя книги, правленныя по греческимъ оригиналамъ. Это-то убѣжденіе онъ и пріобрѣлъ подъ сильнымъ вліяніемъ Епифанія. Что это было такъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ совре-

[1]) См. Кіев. Ст. № 10.

менной Епифанію записи, принадлежащей, какъ принято пока думать, иноку Евѳимію. Здѣсь читаемъ: „Святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги славенскія *по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и возвѣщанію*, яко книга Литургіаріонъ премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи".[1])

Какъ-же, какимъ путемъ велъ Епифаній Никона къ усвоенію этого убѣжденія?

Помимо рѣчей, „во слухи многихъ наипаче-же честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразумныхъ", въ отношеніи къ Никону путь этотъ былъ особенный. Въ предисловіи къ новоисправленному служебнику 1655 года, написанному самимъ Епифаніемъ, путь этотъ изображенъ, правда, не детально, но въ общихъ существенныхъ моментахъ.

По вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ пожелалъ ближе и основательнѣе познакомиться съ обстоятельствами занимавшаго его дѣла упорядоченія церковно-обрядовой и богослужебной практики. Въ этихъ видахъ онъ началъ знакомиться съ драгоцѣнными сокровищами патріаршей библіотеки. „Возшедъ на престолъ великія и святыя церкви,—говоритъ о немъ Епифаній въ предисловіи,—(Никонъ) вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ расмотреніи положи."[2])

Здѣсь онъ нашелъ подлинныя грамоты, за подписью восточныхъ патріарховъ, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу, описанныя греческимъ языкомъ.

Чтеніе этихъ рукописей познакомило Никона со взглядомъ восточныхъ патріарховъ на всякія новшества въ религіозной области. „Праведно есть намъ—писали патріархи—всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ новины всегда виновны бывати церковнаго смятенія же и разлученія, по уста-

---

[1]) Евгеній. Словарь Историч. 179 стр.

[2]) Предисловіе къ Служеб. 1655 г., стр. 4.

вомъ послѣдовати святыхъ отецъ и яже на ученная невредима безъ приложенія коего либо и отъятія пріемлющихъ". [1])

Завѣтъ восточныхъ патріарховъ своему собрату—Московскому патріарху—блюсти „яко да во всемъ великая Россія православная со вселенскими патріархами согласна будетъ"—повергъ Никона въ великое смущеніе. „Прочетъ сію книгу",—свидѣтельствуетъ Епифаній,—„Государь Святѣйшій патріархъ Никонъ въ страхъ великъ впаде, не есть-ли что погрѣшно отъ ихъ православнаго греческаго закона, и нача въ нуждныхъ разсмотряти, еже есть символъ православныя вѣры, и узрѣ на сакѣ святительскомъ, его же отъ грекъ въ царствующій градъ Москву прежде 250 лѣта принесе Фотій Россійской митрополитъ, символъ православныя вѣры воображенъ греческими шитыми письмены, во всемъ согласующся святѣй восточнѣй церкви.—Потомъ узрѣ той-же символъ въ московскихъ въ новыхъ въ печатныхъ книгахъ: и много обрѣте несогласія. Также и святую литургію разсмотривъ, обрѣте въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено. По семъ и во иныхъ книгахъ узрѣ многая несходства". [2])

Убѣдившись путемъ сличеній славянскаго текста съ греческимъ, что въ церковно-славянскихъ книгахъ „ово прибавлено, ово же отъято и превращено"; проникнувшись сознаніемъ лежащаго на немъ, какъ главѣ русской церкви, долга—блюсти, чтобы православная Русь была во всемъ согласна съ вселенскими восточными патріархами,—Никонъ обратился къ царю съ просьбой созвать соборъ, „вся ему сказавъ, коея ради вины".

Такъ изображаетъ предисловіе къ Служебнику 1655 года обстоятельства дѣла. Но признавать, что все происходило такъ именно, какъ писано въ этомъ предисловіи,—нельзя.

За несомнѣнное можетъ быть принято только слѣдующее: во-первыхъ, что Никонъ началъ съ изученія нужныхъ для него рукописей патріаршей библіотеки; что по его желанію ему чи-

---

[1]) Ibidem, стр. 7.

[2]) Ibidem, стр. 8—10.

тали (самъ Никонъ не зналъ греческаго языка настолько, чтобы читать греческія рукописи) грамоту восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи патріаршества на Руси и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу; что онъ познакомился этимъ путемъ съ несогласіями русской церкви съ греческой въ символѣ вѣры, литургіи и другихъ книгахъ.

Все это мы должны принять какъ несомнѣнное. Но вопросъ въ томъ, сколько самостоятельности проявилъ въ этомъ Никонъ.

Если сопоставить показанія предисловія съ другими современными-же свидѣтельствами, то увидимъ, что часть того, что предисловіемъ приписано *исключительно* Никону, должно быть отнесено на долю другихъ.

Предисловіе говоритъ, что мысль о сличеніи символа вѣры, напечатаннаго въ московскихъ новыхъ книгахъ, съ символомъ греческой церкви возникла у Никона самостоятельно.

Посланіе-же Константинопольскаго патріарха Паисія, изъ котораго выдержки приведены немного ниже въ томъ-же предисловіи, свидѣтельствуетъ, что о прилогахъ въ символѣ вѣры Никонъ узналъ благодаря указаніямъ другихъ лицъ. Предисловіе далѣе говоритъ: тоже и святую литургію разсмотривъ, обрѣте (Никонъ) въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено.“

А въ современной запискѣ объ Епифаніи, напечатанной въ Словарѣ Евгенія, сказано, что „по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія *разсмотрѣнію* и *возвѣщанію*“ Никонъ узналъ, „яко книга Литургіарій премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святыя литургіи“.[1])

Такимъ образомъ, показанія предисловія, написаннаго Епифаніемъ, съ одной стороны, и посланія Паисія Константинопольскаго, вмѣстѣ съ запиской объ Епифаніи, съ другой—расходятся между собой: первое представляетъ дѣло такъ, что Никонъ вполнѣ самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ рѣшенію исправлять обряды

---

[1]) Евгеній. Словарь Историч., стр. 479.

и богослужебныя книги, руководясь практикой греческой церкви; вторыя, напротивъ, на долю Никона въ этомъ дѣлѣ оставляютъ только желаніе внимать убѣжденію другихъ и рѣшимость реализировать свое новое убѣжденіе, пріобрѣтенное подъ сильнымъ стороннимъ вліяніемъ.

Какой-же изъ этихъ двухъ взглядовъ долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ, болѣе близкимъ къ истинѣ?

Е. Е. Голубинскій и проф. Николаевскій признаютъ таковымъ второй взглядъ.

Признавая болѣе достовѣрности за свидѣтельствами Паисіеваго посланія къ Никону и записки Евфимія объ Епифаніи, Е. Е. Голубинскій даетъ и свое объясненіе того, почему въ предисловіи къ служебнику дѣло представляется совершенно не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности.

„Представлять его такъ, какъ оно было"—говоритъ онъ—„т. е., что почти все зависѣло отъ прихода въ Москву кіевскаго монаха (въ данномъ случаѣ Голубинскій разумѣетъ Епифанія Славинецкаго), должно было-бы казаться оскорбительнымъ для чести московскихъ русскихъ и для чести самого Никона и вообще было-бы неудобно". [1])

Итакъ Голубинскій въ вопросѣ о принятіи Никономъ рѣшенія исправлять обряды и богослужебныя книги значительную долю вліянія приписываетъ Епифанію.

То же должно сказать и о проф. Николаевскомъ. Въ своемъ сочиненіи о Московскомъ печатномъ дворѣ при патріархѣ Никонѣ онъ еще детальнѣе старается изобразить участіе Епифанія въ занимающемъ насъ вопросѣ. „Вмѣстѣ съ лицами, знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ ученый инокъ Епифаній Славинецкій, патріархъ, „входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ разсмотреніи положи". [2])

---

[1]) Голуб. Къ нашей полемикѣ. Богос. Вѣстн. т. I. стр. 294 примѣч.

[2]) Николаевскій. Моск. Печ. Двор. при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г. т. II, стр. 153.

Что это было дѣйствительно такъ, т. е. что Епифаній вмѣстѣ съ Никономъ разбиралъ греческія рукописи, хранившіяся въ патріаршей библіотекѣ и нужныя для Никона по обстоятельствамъ того времени, на это имѣются прямыя указанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

А) Переводъ дѣяній Константинопольскаго собора 1593 г. принадлежитъ Славинецкому. Въ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ" прямо сказано, что „Соборное дѣяніе о Іовѣ патріархѣ" переведено Епифаніемъ „отъ еллинска (языка) лѣта 7160 (т. е. въ 1652 году)". [1])

Выше мы видѣли, что эти Дѣянія были найдены и прочитаны Никономъ въ то время, когда онъ, „входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ многи дни въ разсмотреніи положи". Если сопоставить эти два обстоятельства, то невольно напрашивается единственно возможный изъ нихъ выводъ, именно, что прежде чѣмъ перевести эти дѣянія для всеобщаго ознакомленія, онѣ были читаны и переводимы для Никона во время его занятій въ патріаршей библіотекѣ; что, слѣдовательно, Никонъ не одинъ „ходилъ въ книгохранительницу", а вмѣстѣ съ лицами, знавшими греческій языкъ.

Кто-же ихъ читалъ и переводилъ Никону?

Естественнѣе всего предположить, что тотъ, кто перевелъ эти дѣянія для напечатанія, т. е. Епифаній Славинецкій.

Б) Въ служебникѣ, изданномъ въ Москвѣ 1658 г., есть прямое указаніе на то, что Никонъ не самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости править богослужебныя книги по греческимъ рукописямъ.

Между „послѣдованіемъ утрени" и „чиномъ божественной литургіи Іоанна Златоустаго" находятся двѣ статьи. Вторая озаглавлена такъ: „Сказаніе вкратцѣ, како и кимъ исправился чинъ проскомидіи, божественныя литургіи въ велицей Россіи и въ кая лѣта".

---

[1]) «Оглавленіе...» 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епифанія Славин.»; Рук. Кіев.-Печер. лавры № 145, стр. 923.

Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ и слѣдующее: Никонъ „*не отъ себе на сіе* (т. е. чтобы привести въ согласіе чины и богослужеб. книги русской церкви съ чинами и богослужебными книгами церкви греческой) *мыслію превзятся*... но отъ духа премудрости и кротости подвигся не токмо отъ Бога наставляемъ, но и *иноплименнича* совѣта употребляя". [1])

Такъ Никонъ пришелъ къ убѣжденію—исправлять книги по греческимъ подлинникамъ.

Послѣ этого исправленіе нашихъ книгъ было поведено съ особенной энергіею.

11-го февраля 1653 года вышла налойная или Слѣдованная псалтирь. Въ ней выпущены по сравненію съ прежними изданіями: а) статья о 12 великихъ поклонахъ (вмѣсто четырехъ) при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина и б) статья о двоеперстіи для крестнаго знаменія, какъ несогласныя съ древнепечатными и рукописными книгами (Хрис. Чт. 1891 г. т. II, стр. 160. См. о послѣдов. Филарета. Обз. дух. лит.).

Въ часословъ, изданный въ 1653 г. (печатался съ 21 марта по 22-е іюля), внесены измѣненія сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ 1652 года.

Измѣненія эти сдѣланы „противъ древнихъ греческихъ печатныхъ переводовъ" Епифаніемъ Славинецкимъ. [2])

Въ этомъ-же году была переведена Епифаніемъ книга Арменопула (кормчая), но не была напечатана, такъ какъ „Божіемъ попущеніемъ, наставшю чрезъ тлетворный воздухъ моровому губительству, изгибла". Вторично переведенная Епифаніемъ-же, она могла появиться въ печати только въ 1677 г. (См. бар. Розенкампфъ. Обозрѣн. Кормчей. Прибавл. № III стр. 91—92).

Большимъ затрудненіемъ къ приведенію этого намѣренія въ исполненіе должно было служить то обстоятельство, что въ

---

[1]) Служеб. 1658 года, стр. 156 - 157. Экземп. Румянц. музея $16^{82}/_{83}$.

[2]) Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223 стр. 340 Послѣс. перепеч. у. Н. М. Строева въ «Описан. Старопеч. книгъ Царскаго» № 178.

Москвѣ мало было греческихъ оригиналовъ рукописей. Относительно только что помянутаго часослова послѣсловіе прямо свидѣтельствуетъ, что при исправленіи его имѣлись „Древніе греческіе *печатные* переводы". Относительно-же исправленія другихъ книгъ мы можемъ такъ думать на томъ основаніи, что Епифаній совершалъ свои переводы съ *печатныхъ* книгъ, какъ это видно изъ „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ". [1])

Но къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ „въ Венецыи и во Аглинской землѣ," русскіе относились съ большимъ недовѣріемъ, считая ихъ испорченными. Самымъ типичнымъ выразителемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить Арсеній Сухановъ.

Въ своихъ „преніяхъ съ греками о вѣрѣ" онъ высказываетъ такія мысли: „А все то (т. е. всѣ бѣды, какія онъ нашелъ у грековъ) вамъ прилучилося отъ римлянъ занеже еллинскаго ученія печатной дворъ у себя не имате и *книги вамъ печатаютъ въ Венеціи и во Англіи*, и еллинскому писанію ходите учитись въ Римъ и Венецію". (Бѣлокуровъ. „Арсеній Сухановъ", ч. II „пренія о вѣрѣ" стр. 92).

Поэтому, чтобы устранить лишніе поводы для всякихъ упрековъ и нареканій со стороны лицъ, не сочувствовавшихъ предпринимавшемуся новому исправленію славянскихъ богослужебныхъ книгъ, для власти Московской настояла нужда восполнить пробѣлъ—пріобрѣсти въ возможно большемъ количествѣ греческія рукописи.

Мысль о собраніи греческихъ рукописей была подана патр. Никону, нужно думать, тѣми лицами, которыхъ это ближе всего касалось, кому патр. Никонъ довѣрилъ все дѣло исправленія слав. богослужеб. книгъ, т. е. Епифаніемъ Славинецкимъ. Такъ думать даетъ полное право приведенное нами выше свидѣтельство современной Епифанію записки, что „Святѣйшій Никонъ патр. нача съ греческихъ правити книги славенскія по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія" *разсмотрѣнію* и *возвѣщанію* (Евгеній.

---

[1]) Оглавленіе книгъ, § 79. о большинствѣ переводовъ Епифанія сказано здѣсь: «преведено отъ книги *изданныя въ...*»

Слов. Истор. I, 179 стр.; Викторовъ. Очеркъ собр. рукописей В. М. Ундольскаго, что при каталогѣ славяно-русск. рукописей В. Н. Ундольск. стр. 5). Въ этихъ видахъ былъ отправленъ Никономъ старецъ Арсеній Сухановъ за рукописями „въ Афонскую гору и во иныя святыя старожитныя мѣста, къ держащимъ еще греческаго закона уставы непреложно". [1])

Въ предисловіи къ служебнику 1655 г. Епифаній говоритъ, что Сухановъ отправился на Аѳонъ послѣ собора 1655 г. Но это показаніе невѣрно. С. Бѣлокуровъ, основываясь на оффиціальныхъ документахъ (греческія дѣла Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д.), неопровержимо доказалъ, что Сухановъ выѣхалъ изъ Москвы за рукописями въ октябрѣ 1653 года (см. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 335, примѣч. 18). Моровое повѣтріе, бывшее въ Москвѣ, на время прекратило дѣятельность печатнаго двора: онъ былъ закрытъ съ 3 авг. 1653 г. по мартъ 1654 г. [2]). Но послѣ этого дѣло книжнаго исправленія было начато съ особенной энергіей. Уже на пятой недѣлѣ Великаго поста (25—31 марта [3]) былъ созванъ по дѣлу книжнаго исправленія второй соборъ. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ соборомъ на печатномъ дворѣ исправлялся и готовился къ печати Служебникъ: справщики спѣшили съ нимъ, чтобы представить на одобреніе и утвержденіе собора.

Предисловіе къ этому служебнику написалъ Епифаній. Въ немъ онъ подробно изложилъ исторію того, какъ постепенно въ Москвѣ пришли къ убѣжденію исправить церковно-богослужебныя книги по греческимъ оригиналамъ.

Изложимъ вкратцѣ содержаніе его.

О многихъ „несогласіяхъ" въ слав. богослужебныхъ книгахъ узналъ сперва Никонъ (какъ слѣдуетъ представлять дѣло— мы выше сказали). Объ этомъ онъ сообщилъ царю. Царь и Патріархъ, „совѣтъ сотворивше", рѣшили созвать соборъ (1654 г.). На

---

[1]) Предисловіе къ служебн. 1655 года, стр. 30.

[2]) Николаевскій. Христ. Чт. 1891 г. II, стр. 176.

[3]) Смирновъ. Истор. раск. стр. 44.

соборѣ Никонъ въ своей рѣчи указалъ на поврежденность богослужебныхъ книгъ, напомнилъ объ обязанности іерарховъ заботиться о чистотѣ и правильности книгъ и предложилъ на соборное рѣшеніе вопросъ: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, или древнимъ греческимъ и славенскимъ". Соборъ постановилъ: „достойно и праведно исправити противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ." Послѣ этого соборъ рѣшилъ собрать изъ русскихъ монастырей нужныя для исправленія книги, харатейныя „за 500 лѣтъ, и вящше преведенныя, а къ восточнымъ патріархамъ съ Мануиломъ грекомъ отправить грамоты съ вопрошеніями о погрѣшенныхъ въ книгахъ". Въ слѣдующемъ году этотъ грекъ возвратился съ грамотой патріарха Паисія Константинопольскаго, и на соборѣ 1655 г. была прочитана грамота Паисія къ Никону, побудившая царя и патріарха послать съ великою милостію Арсенія Суханова на Аѳонскую гору за старинными греческими рукописями (перечисляются монастыри, въ которыхъ побывалъ Сухановъ, и рукописи, вывезенныя имъ оттуда).

Такъ излагаетъ дѣло Епифаній въ своемъ предисловіи. Должно замѣтить, что въ немъ есть хронологическія неточности. Во-первыхъ, старинныя книги изъ русскихъ монастырей были собраны въ Москву Никономъ въ 1653 году, слѣдовательно до собора 1654 г., на которомъ поэтому и не могло быть рѣчи объ этомъ. Въ „описи книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся", читаемъ: 161 (т. е. 1653) году генваря въ 11 день, по указу Великаго господина, святѣйшаго Никона патр. Московскаго и всея Россіи, выписано степенныхъ монастырей, изъ отписныхъ книгъ, въ которыхъ монастыряхъ обрѣтаются церковныя книги четьи, книгъ печатново дѣла исправленія ради". [1]) Во 2-хъ, грамота Патр. Паисія Никону была получена въ Москвѣ 14 мая 1655 года, слѣдовательно спустя полтора мѣсяца послѣ Московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта (Макарій. Ист. Русск. церк. т. XII стр. 179); и въ 3-хъ, Ар-

[1]) Ундольскій. Библіографическія разъясненія.

сеній Сухановъ выѣхалъ на Аѳонъ за рукописями до собора 1654 г., въ 1653 году (см. Бѣлокуровъ. Арсен. Сухан. т. I, 335).

Соборъ, какъ гласитъ предисловіе къ Служебнику, „отъ греческихъ и словенскихъ древнихъ книгъ истинное избравше и сію святую книгу Служебникъ во всемъ справя, и согласну сотворя древнимъ греческимъ и славянскимъ повелѣша въ царствующемъ градѣ Москвѣ напечатати въ лѣто 7163 (1655) [1]).

Постановленіе собора было исполнено: книга была напечатана 31 августа.

Вѣроятно, въ періодъ времени отъ 20 декаб. 1654 г., когда закончились засѣданія перваго (1654 г.) собора [2]) по августъ 1655 г. включительно, Епифаній или самъ занимался сличеніемъ Служебника прежней Москов. печати съ Служебниками греческими, или наблюдалъ за нимъ.

Послѣ изданія новоисправленнаго чина литургіи предстояла потребность, въ объясненіе сдѣланныхъ въ немъ измѣненій, дать толкованіе на него. Еще въ 1653 году патріар. Іерусалимскій прислалъ Никону Скрижаль Іоанна Наѳанаила [3]).

Такъ какъ она вполнѣ удовлетворяла этой нуждѣ, то Никонъ велѣлъ Арсенію греку перевести ее на славянскій языкъ [4]).

А Епифаній въ это время переводилъ для напечатанія при ней нѣкоторыя изъ твореній Аѳанасія Александрійскаго.

Чтобы опредѣлить, насколько близкое и дѣятельное участіе принималъ Епифаній въ изданіи этой книги, обратимся къ составу ея. Изъ статей Скрижали однѣ принадлежатъ Арсенію греку, другія—Епифанію Славинецкому.

Послѣднему должны быть приписаны:—1) „Предисловіе къ читателю“, начинающееся словами: „чинъ благолѣпный“... (Скрижаль, стр. 1—18). [5]). 2) „Соборное дѣяніе, еже бысть въ Кон-

---

[1]) Предисловіе, стр. 38.

[2]) Смирн. Истр.-раск. 42 стр.

[3]) «Оглавленіе книгъ», § 99.

[4]) Ibidem.

[5]) Ундольскій. Ученые труды Епиф. Слав.: Cfr. Ркп. Кіево-Печер. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) на стр. 947—951; здѣсь

стантинополи, написася убо тамо еллиногрецкимъ діалектомъ; внь же облеченно притече въ преславный православноцарствующій градъ Москву, въ немъ же стяжа си словенска діалекта одѣяніе, его же красоту да зритъ всяко вѣрныхъ состояніе"; къ нему приложено краткое изображеніе дѣяній собора, бывшаго въ Москвѣ, при державѣ великаго Государя Алексіа Михайловича" (1654 г.) [1]); и переводныя статьи Аѳанасія Александрійскаго:

а) „Ко Антіоху начальнику о множайшихъ и нужныхъ вопросахъ, въ божественныхъ писаніяхъ недоумываемыхъ, и отъ всѣхъ христіанъ вѣдомымъ быти должнствуемыхъ". [2])

б) „Реченія и толкованія притчей святаго евангелія. [3]).

находится «каталогъ на словеса, сочиненная Епифаніемъ Іером. Славинецкимъ, яже здѣ не положишася», буквально сходный съ тѣмъ современнымъ реестромъ трудовъ Епифаніевыхъ, который приводится у Ундольскаго. У Филарета (Обз. дух. литер. § 223) вм. «чинъ благолѣпный»—«Титъ благолѣпный». «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» приписываетъ «предисловіе къ читателю», повидимому, самому Никону (§ 99, 2), но изъ содержанія предисловія, къ которому мы немного ниже обратимся, видно, что оно не могло принадлежать Никону.

[1]) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ». § 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епиф. Слав.», Ркп. Кіево-Печерской лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) стр. 923—941.

[2]) Напечатаны въ приложеніи къ Скрижали послѣ «Соборнаго дѣянія»... стр. 1—232; переведены съ греческаго изданія Montfaucon'a Opp. s. Athanasii, t. II, 161. «Προς Αντιοχον ἄρχοντα περὶ πλείστου καὶ αναγκαίων ζητημάτων, τῶν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς ἀπορουμένων, καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς γινώσκεσθαι ὑφειλομένων». Объ этихъ вопросахъ къ князю Антіоху (всѣхъ вопросовъ 137) должно замѣтить, что всѣ они не Аѳанасіевы, а какого-нибудь позднѣйшаго писателя, потому что въ нихъ упоминается І. Лѣствичникъ, Максимъ и Никифоръ Константинопольскій, жившіе послѣ св. Аѳанасія.

[3]) Напечатаны въ Скрижали послѣ вопросо-отвѣтовъ къ Антіоху (стр. 1—144). Переведены съ Парижскаго изданія 1627 года (См. Opp. s. Athanasii Alexandr. Parisiis, 1627, t. II, стр. 394—435: Ρήσεις καὶ ἑρμηνείαι παραβαλῶν του ἁγίου ἐναγγελίου»). Эти притчи евангельскія также не Аѳанасіевы, а подложны. Обозрѣніе содержанія

и в) вопросы о божествѣ и воплощеніи сына Божія. [1]).

Первыя двѣ статьи—предисловіе и соборное дѣяніе—отличаются апологетическимъ характеромъ: въ нихъ Епифаній старается объяснить и оправдать предпринятое Никономъ книжное исправленіе.

Чтобы рельефнѣе отмѣтить великое значеніе для церкви дѣятельности Никона, Епифаній раскрываетъ предъ читателемъ въ своемъ предисловіи громадное литургическое значеніе издаваемой книги (скрижали), которая вызвала въ обществѣ „пагубносное—по выраженію Епифанія—роптаніе".

Она сообщаетъ христіанамъ вѣдѣніе того, „что (есть) святая, соборная, апостольская, одушевленная церковь, съ вещественною церковію въ ней же божественныя тайны совершаются; что—божественный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная жертва всеблагому Богу приносится; что катапетасма трапезная, литонъ священный.....; что хлѣбъ и вино ихже овъ убо въ пречестное тѣло Христово дѣйствомъ всесвятаго Духа пресуществляется, ово же въ пречестную кровь Христову прилагается [2]) и т. д. въ этомъ родѣ.

„Сего ради (т. е. ради такого великаго значенія Скрижали для русской церкви) пресвѣтлый, православный, христолюбивый и боговѣнчанный государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ

этихъ толкованій обнаруживаетъ плохое знакомство ихъ неизвѣстнаго автора съ синоптическими евангеліями. Въ отвѣтѣ на 41-й вопросъ (Скрижаль, стр. 31) излагается фактъ, о которомъ ничего не говорится въ евангеліяхъ; достаточно сопоставить разсказъ XX-й главы евангелія Іоанна съ 43 вопросомъ (Скрижаль, стр. 34), чтобы видѣть всю нелѣпость послѣдняго. Этотъ вопросъ читается такъ: «Како видѣ Марія (Магдалина) Господа и коимъ образомъ; ибо стояше плачющи во гробѣ предъ ангелы, скорбнымъ обычаемъ и смиреннымъ лицемъ, како убо видѣ его вслѣдъ ея ходяща и грядуща».

[1]) Напечатаны послѣ притчей евангельскихъ стр. 146—195. Переведены съ того же Парижскаго изданія 1627 года, гдѣ (на стр. 436—450, т. II-й) они озаглавлены Αθανάσιου... ἑτέραι τινες ἐρώτησεις (у Епифанія—*иныя* вопросы).

[2]) Ibidem. 6—7 стр.

о защищеніи православныя церкве благоревностнѣ пекійся, и патр. Никонъ, богоданный въ свѣтоводительство всея великія и малыя и бѣлыя Россіи свѣтоводитель [1]) сію благополезную книгу—божественныя литургіи толкованіе—въ велію духовную всего священнаго православнаго Россійскія церкви причта ползу, типомъ издати повелѣли" [2]).

Поэтому должно принять эту книгу съ благодарностію и съ убѣжденіемъ въ ея пользѣ и необходимости для Русской церкви, ибо „сей первопрестольный священоначальникъ (Никонъ) гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное правы творити стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творитъ, скривленное исправляетъ, косвенное отмѣтаетъ и стропотное соглаждаетъ; любяй благолѣпіе дому Божія....., о благолѣпіи дому Божія опасно печется", памятуя завѣтъ ап. Павла—„вся благообразно и по чину да бываетъ,—о благолѣпномъ учиненіи чина церковнаго прилежно тщится" [3]).

Казалось-бы, что нужно радоваться такой ревности верховнаго начальника русской церкви: „Кому нѣсть благопріятно—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Епифаній?—Кому нѣсть радостворно? Кому нѣсть любезно? А между тѣмъ, „на первопрестольнаго священноначальника, свѣтоводителнаго таинника (Никона) въ пагубоносное души своея повреждение злокозненнѣ роптати дерзаютъ". Этимъ ропотникамъ Епифаній напоминаетъ объ участіи Корея, Даѳана и Авирона, которые, „возставъ на Богоизбраннаго священноначальника Аарона, погибоша,—яко живы во адъ снидоша".

Гибелью можетъ окончиться ропотъ и новыхъ израильтянъ, помраченныхъ „умовредною завистью", и „дебелымъ невѣжествомъ". Чтобъ избѣжать имъ этого, Епифаній совѣтуетъ въ заключеніи своего предисловія, „истребить (въ себѣ) многокозненную зависть, насадить въ сердцѣ своемъ искреннюю любовь,

---

[1]) Предисловіе къ Скрижали, стр. 7—8.
[2]) Ibidem. стр. 10—11.
[3]) Ibidem, стр. 11—13.

возненавидѣть богомерзкое безчиніе, а боголюбезное благочиніе возлюбить, самому же первопрестольному чиноначальнику во всемъ покориться и воздавать благодареніе за то, что онъ заботится о благочиніи церковномъ и о истовомъ исправленіи книжномъ.[1]) Вторая Епифаніева статья въ Скрижали—соборное утвержденіе 1593 г. въ Константинополѣ патріаршества на Руси и дѣянія Московскаго собора 1654 г.—также апологія Никона.

Первая половина о Константинопольскомъ соборѣ 1593 г. по поводу утвержденія на Руси патріаршества (переводъ съ греческаго—см. выше) имѣетъ цѣлью напомнить русскому обществу того времени о правахъ и власти Московскаго патріарха; вторая (оригинальная)—указать, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія Никонъ не вышелъ изъ предѣловъ полномочій и власти, данныхъ ему, какъ патріарху, Константинопольскимъ соборомъ патріарховъ въ 1593 году.

На Константинопольскомъ соборѣ были опредѣлены власть, права и полномочія патріарха Московскаго.

По авторитету своему онъ равенъ патріархамъ восточной церкви: „во священныхъ помянникахъ и въ церковныхъ собраніяхъ онъ долженъ имѣти мѣсто свое по всесвятѣйшемъ Іерусалимскомъ патріархѣ;[2]) чиномъ и достоинствомъ равенъ патріархамъ восточнымъ и называется ихъ братомъ.[3]) Онъ—глава всея Россіи и сѣверныхъ странъ, поэтому епископамъ должно имѣти его яко главу, и ничтоже творити излишнее безъ оного мысли.“ Но чтобы сохранялось единомысліе и патріархъ „безъ всѣхъ мысли ниже что да творитъ.“[4])

Какъ верховный глава церкви, патр. Московскій долженъ „всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видя новины всегда виновны быти церковнаго смятенія же и разлученія[5])

---

[1]) Предисловіе, стр. 16—17.

[2]) «Соборное дѣяніе въ прилож. къ Скрижали, стр. 30.

[3]) Ibidem, стр. 32.

[4]) Ibidem, стр. 31.

[5]) Ibidem, стр. 14.

Вторая половина статьи стоитъ въ непосредственной связи съ изложеніемъ дѣяній Константинопольскаго собора, и начинается поэтому словами: сего ради, т. е. ради тѣхъ правъ и полномочій, какія даны патріарху Московскому Константинопольскимъ соборомъ, долженъ есмь—говорится отъ лица Никона—нововводныя чины церковныя къ намъ объявити [1]) и далѣе излагаются вопрошенія патр. Никона на соборѣ 1654 г.

Выраженіе: „долженъ есть“ еще не даетъ основанія думать, что статья эта приготовлена къ печатанію самимъ Никономъ; въ этомъ видно только желаніе автора этой статьи, Епифанія Славинецкаго, приводить рѣчи Никона, говоренныя имъ на соборѣ, въ подлинномъ ихъ видѣ. Что это такъ, можно ясно видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія соборныхъ дѣяній: предъ каждымъ новымъ вопрошеніемъ слѣдуетъ замѣчаніе автора статьи: „патріархъ рече“.

Епифаній этою статьею желаетъ привести читателя къ убѣжденію, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія патріархъ Никонъ является не самочиннымъ новаторомъ, а исполнителемъ завѣта св. отцовъ, о которомъ (завѣтѣ—„всякую церковныхъ огражденій новину потребляти“ напоминали патріархамъ Московскимъ восточные вселенскіе патріархи на соборѣ константинопол. 1593 года. Начать же „потребляти новины“ могъ только тотъ, кто облеченъ въ церкви наивысшими правами и полномочіями, т. е. патріархъ.

Недовольные могли указать на то, что патріархъ безъ мысли всѣхъ ничего не можетъ творить.

И въ этомъ пунктѣ патріархъ былъ вполнѣ свободенъ отъ упрека. Рѣшеніе „впредь быти исправленію въ печатномъ тисненіи Божественнымъ книгамъ противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ, потребниковъ, служебниковъ же и часослововъ“,—это рѣшеніе не одного Никона, а соборное; митрополиты, архіепископы и епископы со архимандриты, и

[1]) Ibidem., стр. 45.

игумены и съ протопопы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ своими святительскими руками подписаніемъ затвердили, яко да имать въ предъидущія лѣта непремѣнно сему быти.[1])

Переводныя статьи, помѣщенныя въ Скрижали, чужды всякихъ апологетическихъ задачъ: первыя двѣ изъ нихъ—вопросо-отвѣты ко кн. Антіоху (1—232 стр. приложенія Скрижали), и притчи евангельскія (1—144 стр. новаго счета)—это compendium богословскихъ свѣдѣній въ духѣ средневѣковыхъ, таковы, напр. вопросы: „колико убо ангеловъ число есть“, (6-й вопросъ); „должно-ли ослята цѣловати, понеже на осля Христосъ всѣде?“ (40 в.); „кому предвчинятися: дню ли прежде нощи, или нощи прежде дне?“ (52 в.); „чесо ради множшіи отъ человѣкъ въ нощи раждаются, и вонощи скончаются?“ (105 в.) и мн. другіе въ этомъ родѣ.

Есть здѣсь вопросы и изъ области психологіи, напр. вопросъ 10-й: «что сама вещь есть душа человѣча, и откуда сія составляется въ тѣлеси и когда и како отъ тѣла разлучается?» Видно въ этихъ вопросахъ знакомство автора и съ философскими теоріями; таковъ, напримѣръ, вопросъ 133: какъ смотрѣть на ученіе нѣкоторыхъ суемудрыхъ, что душевное существо человѣка смертно?

Притчи евангельскія—подложныя, какъ мы уже выше указали—представляютъ собою мистико-аллегорическое толкованіе отдѣльныхъ евангельскихъ изреченій совершенно въ духѣ схоластическаго богословствованія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Слова Спасителя къ апостоламъ: „идите во преднюю весь, и обрящете человѣка въ скудели воду носяща“—такъ толкуется: „Кій градъ?“—церковь. Что скудель водный?—Святое крещеніе. Кто человѣкъ?—Предтеча. Что горница?—Царство небесное (вопр. 1-й). Еще примѣръ: „человѣка нѣкоего богата угобзися нива“. Кто человѣкъ?—„Іуда и по немъ лихоимца и сребролюбцы“ (притча 4).

---

[1]) «Соборное дѣяніе» въ прил. къ Скрижали, р.ст 58—5.

Третья переводная статья о божествѣ и воплощеніи Сына Божьяго—вполнѣ удовлетворяла потребности того времени: она являлась необходимымъ богословскимъ комментаріемъ къ символу вѣры, который въ исправленномъ видѣ былъ тогда напечатанъ въ Скрижали.

Изъ обозрѣнія состава Скрижали видно, что Епифаній принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ изданіи ея. Правда, положительно утверждать это можно было-бы только въ томъ случаѣ, если-бы было доказано, что на корректурныхъ экземплярахъ, служившихъ оригиналами при печатаніи, имѣются поправки и замѣтки, сдѣланныя рукою Епифанія; но все-таки въ качествѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія можно думать, что наблюденіе за справой и печатаніемъ переводовъ естественнѣе всего было поручить тому, кѣмъ эти переводы были сдѣланы, т. е. самому Славинецкому.

Скрижаль была окончена печатаніемъ въ октябрѣ 1655 года, [1]) а вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1656 г., послѣ соборнаго утвержденія ея 23 апрѣля 1656 г. [2])

Вслѣдъ за Служебникомъ и Скрижалью продолжалось исправленіе и печатаніе другихъ богослужебныхъ книгъ. При участіи Епифанія были исправлены и изданы слѣдующія книги: въ 1656 году тріодь постная [3]) въ листъ, и евангеліе напрестольное, въ первый разъ изданное съ раздѣленіемъ на главы и стихи [4]). Въ 1657 году былъ пересмотрѣнъ Букварь и съ перемѣнами, между прочимъ—съ прибавленіемъ посланія патр·

---

[1]) Мк. т. XII, 188 стр.

[2]) Ibidem, 191 стр.

[3]) Фил. Обз. дух. лит. Cfr. Сопиковъ. Рос. библіогр. I, 1517. Строевъ. Допол. къ Опис. № 91. Въ послѣсловіи, принадлежащ. Епифанію, воздается похв. Алексію Михайловичу и Никону за духъ разума и ревности, съ какимъ ведется книжное исправленіе, затѣмъ указывается, чего касалось это исправленіе, именно: «чиновъ, реченій, орѳографіи, именъ и глаголовъ и прочихъ частей словеснаго любомудрія»...

[4]) Смирнов. Истор. раск. стр. 49.

Паисія къ Никону о крестномъ сложеніи. (Филаретъ. Обз. дух. лит.) Всѣ измѣненія, внесенныя въ него при печатаніи, принадлежатъ Епифанію Славинецкому, такъ какъ въ корректурномъ экземплярѣ эти измѣненія писаны его рукою. [1]) Въ 1658 г. „псалтирь слѣдованная [2]) прежде множицею изданная," а въ этотъ разъ „съ прилежнымъ писаніемъ съ греческихъ книгъ исправленная" [3]), и цвѣтная тріодь. [4]).

Послѣ добровольнаго удаленія Никона отъ дѣлъ правленія, дѣло книжнаго исправленія, начатое имъ, не прекратилось; книги по прежнему издавались въ исправленномъ видѣ, повелѣніемъ Тишайшаго, благословеніемъ же преосвященнѣйшихъ митрополитовъ и архіепископовъ и боголюбивѣйшихъ епископовъ межъ патріаршества [5]). Печатный дворъ все время (1659—1666 г.) работалъ въ Никоновскомъ направленіи.

При участіи Епифанія за этотъ періодъ времени были изданы слѣдующія книги.

Въ 1660 г.: а) Минея общая въ десть; начата бысть сія богодохновенная книга въ лѣто 7168, мѣсяца марта въ 1 день; совершена же бысть, того же лѣта, мѣсяца августа въ 17 день" [6]). По сравненію съ предыдущимъ изданіемъ, въ этомъ „не положенны седмичныя службы въ среду и четвертокъ и въ субботу для того, что есть общая седмичная служба; а мѣсяцесловъ и уставъ вкратцѣ не положенъ для того, что уставъ зъ греческимъ и съ прежнимъ Московскимъ уставы во многихъ мѣстахъ не сходенъ. [7])

---

[1]) Бѣлокур. Арсен. Сух. ч. I стр. 436 прим. 45.

[2]) Филар. Обз. дух. лит. § 223.

[3]) Строевъ. Допол. № 94. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. библіогр., I, 998.

[4]) Филаретъ. Об. дух. лит. § 223.

[5]) См. Предислов. къ твор. Григор. Богос., Вас. Вел., Іоанна Дам., изданнымъ въ Москвѣ., 1665 г. № 69 Троиц. Серг. Лавра.

[6]) Строевъ. Опис. (старопечатныхъ) кн. библіот. гр. Толстого № 123. Cfr. Обз. дух. л. § 223.

[7]) Бѣлокуровъ. Ар. Сух. ч I, прил. къ VI главѣ № 3. Б. М. С. Б. Приходо-расх. книги Моск. печат. двора № 69 л. 73 об. 75.)

Вначалѣ Минеи напечатано сказаніе о пользѣ и употребленіи этой книги (Строевъ. Опис. старо-печ. кн. Толстого № 124).

и б) Шестодневъ, „рекше вкратцѣ избранное отъ книги октоиха написанное правило церковное, повседневнаго ради пѣнія и моленія.[1])

1662 годъ.

Каноникъ,[2]—начатъ печатаніемъ въ 7170 (1662) году 12 мая, а оконченъ въ томъ же году 30 іюня, въ 8 долю листа.[3])

1663 годъ.

а) Библія, вышедшая изъ печати 12 декабря.[4]) Сопиковъ въ своемъ опытѣ Россійской библіографіи приводитъ мнѣніе проф. Миллера, что эту библію исправлялъ патр. Никонъ.[5])

Едвали-ли это мнѣніе можетъ быть принято, потому что Никонъ устранилъ себя отъ дѣлъ. Болѣе достовѣрнымъ должно быть признано мнѣніе Филарета, по которому исправленіемъ библіи, изданной въ 1663 году, занимался Епифаній Славинецкій. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, то, что Епифаній былъ вызванъ въ Москву Московскимъ правительствомъ спеціально для „справки Библіи греческія на Словенскую рѣчь,[6]) тѣмъ болѣе что въ двѣнадцать лѣтъ, прожитыхъ въ Москвѣ до времени исправленія и печатанія библіи, онъ успѣлъ пріобрѣсти въ средѣ Москвичей славу знатока греческаго языка. Проф. Пѣвницкій полагаетъ,[7]) что Славинецкій не участвовалъ въ этомъ изданіи, потому что, по мысли Епифанія, требовалось совершенное обнов-

---

[1]) Строевъ. Допол. № 95, Cfr. Филар. Обз. дух. лит.

[2]) Филар. Об. дух. лит. § 223.

[3]) Строевъ. Опис. старопеч. кн. Толстого № 120. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, № 521.

[4]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

[5]) Сопиковъ. I, № 110.

[6]) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. III, № 136.

[7]) Труды Кіев. Дух. Ак. 1861 г. т. II, стр. 427—429.

леніе славянск. текста библіи, т. е. ея новый переводъ". Очень возможно, что такое изданіе, какъ Московское 1663, не нравилось ему, но трудно допустить, чтобы Епифаній совершенно устранилъ себя отъ всякаго сотрудничества въ этомъ дѣлѣ. Епифаній смотрѣлъ на переводъ библіи, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на вѣнецъ своихъ трудовъ, и московскіе люди прекрасно понимали, что для дѣла не безразлично лишиться руководства и указаній такого свѣдущаго въ Св. Писаніи лица, какимъ былъ Епифаній. Думать такъ намъ даетъ полное основаніе современная записка объ Епифаніи.[1]) „Іеромонахъ Епифаній, „живый сый въ царствующемъ градѣ Москвѣ",—повѣствуетъ она—„по времени между иныхъ дѣлъ, яко есть обычай мудрымъ мужемъ, читаше книгу библію Ветхій и Новый Завѣтъ Еллинскій печатный, семдесятыми преводники преведенный, спущая съ Славенскою библіею, въ Острозѣ градѣ и на Москвѣ (1581 и 1653) печатными, испытуя и толкованіе Святыхъ Отецъ на нѣкая реченія и разумѣнія, глаголаше во многихъ мужи, наипаче честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ, яко грѣхъ величайшій есть намъ Славеномъ Православнымъ и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, совершенно добрѣ знающихъ Еллинскій и отчасти Славенскій, и укоряющихъ ны, яко не имамы Библіи добрѣ преведенныя, паче же въ Священномъ Евангеліи премногая суть погрѣшенія, въ нихъ же самъ превѣчное слово Пребезначальнаго Бога Отца Іисусъ Христосъ глаголаше Боговѣщанная своя словеса". Самъ Епифаній называетъ себя трудившимся въ исправленіи этой Библіи (1663 г.), а другихъ участниковъ сотрудниками—„сотруждающимися" (См. первое предисловіе къ Библіи. Строевъ. Опис. старопеч. книгъ биб. гр. Толстого, № 133).

Такимъ образомъ мысль о напечатаніи исправленной Библіи всегда занимала Епифанія. Если же теперь, въ 1663 г., была издана библія, отличающаяся отъ Острожской только немногими

---

[1]) М. Евгеній. Словарь истор. т. I стр. 176—177.

орѳографическими поправками,[1]) то это объясняется наличностію трудно устранимыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отодвинувшихъ ученый переводъ библіи, основанный на сличеніи съ греческими подлинниками, до 1674 года. Во второмъ предисловіи къ библіи[2]) Епифаній перечисляетъ эти обстоятельства. Таковы, во-первыхъ, неимѣніе „переводовъ добрыхъ, древнихъ писаній глубочайшаго языка и письма Еллинскаго, еже отъ самыхъ 72 богомудрыхъ преводниковъ отъ языка Еврейскаго преведен-

---

[1]) Эти поправки заключаются въ постановкѣ гласныхъ буквъ на мѣсто полугласныхъ (напр. «сотворимъ» вм. сътворимъ), въ замѣнѣ архаизмовъ новыми словами и въ нѣкоторыхъ поправкахъ перевода, напр: «изыдоша седмь кравъ» вм. «изъядоша седмь кравъ», «жреца иліопольскаго», вм. «жерца града солнечна» (Быт. 41, 45.), и др. См. объ этомъ Гор. и Нев. «Опис. рукоп». I, 1 стр. 167—176.

[2]) За первымъ, такъ называемымъ выходнымъ, листомъ слѣдуютъ на оборотѣ «Стихи на гробъ» (числомъ 12), затѣмъ *первое* предисловіе, чрезвычайно важное для характеристики его составителя Епифанія. Изъ него видно, что Славянецкій на переводъ библіи смотрѣлъ, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на жертву человѣческаго ума и знаній Богу. «Боже Отче Вседержителю, ты вѣси, единъ свѣдый сердечная, яко на твою великую силу надѣющеся, коснухомся пречестному дѣлу (приготов. къ печати библіи)... дерзнухомъ на сіе, уповающе на милосердіе твое, вѣдуще, яко неудобно человѣкомъ спастися, токмо храненіемъ заповѣдей Твоихъ, ихъ-же роду человѣческому благоизволилъ еси предложити и возвѣстити божествомъ и всесвѣтлымъ писаніемъ... И аще, за немощь прегрѣшеній нашихъ и *намъ сотруждающихся дѣлателей* недоумѣніемъ уѣратися, или преложися или отмѣнися, самъ исправи дѣйствомъ пресвятаго Духа» (3—4 стр.) Между первымъ и вторымъ предисловіемъ находятся стихи къ читателю (числомъ 20). Такъ какъ оба предисловія принадлежатъ перу Епифанія, то можно думать, что авторомъ стиховъ является онъ-же. Внутреннія признаки принадлежности предисловія Епифанію таковы: широковѣщательность изложенія, когда при изложеніи главной мысли въ нее вводится много второстепенныхъ опредѣлительныхъ (параллелизмъ церковныхъ пѣснопѣній, акафистовъ); конструкція рѣчи близко подходитъ къ языку церковныхъ книгъ; наличность словъ, которыя Епифаній часто употребляетъ въ другихъ своихъ трудахъ, напр.— истинствовати и др.

пыхъ въ Еллинскій; во-вторыхъ, недостатокъ лицъ, знающихъ греческій языкъ (преводникомъ греческимъ немнозѣмъ сущимъ обрѣтатися); въ третьихъ, „неудобоносимое время, сіе есть настоятельство браней", слѣдствіемъ чего было оскудѣніе матеріальныхъ средствъ, потребныхъ для широкой постановки дѣла исправленія библіи, такъ что для всякаго было очевиднымъ, яко никакоже удобно понуждатися кому къ начинанію зданія, сіе есть исправленія божественныя сея книги". Таковы причины внѣшнія.

Къ внутреннимъ причинамъ, тормозившимъ дѣло исправленія библіи по греческимъ оригиналамъ,—принадлежалъ господствовавшій въ то время предразсудокъ, что у грековъ повредилось благочестіе, что ихъ книги испорчены и самый правильный текстъ заключается въ старыхъ славянскихъ переводахъ: „Народи сему (т. е. исправленію славян. книгъ по греческимъ подлинникамъ) усомлѣвахуся" — свидѣтельствуетъ Епифаній— мняще неистинны быти за порабощеніе странъ ихъ, обычаемъ паче влекущеся, на древнее права своего склоняхуся, первыя изданныя книги похваляху, настоящія-же (исправленныя) презираху и хуляху.[1])

Между тѣмъ потребность имѣть вновь отпечатанную библію сильно давала себя чувствовать: „рукописныя бо (библіи) отнюдь обрѣтахуся вмалѣ же едва гдѣ уже печатнымъ Острозскимъ обрѣстися, имъ-же отъ многа времени оскудѣти". Поэтому-то рѣшено было „исправити ю (вполнѣ) *въ прочее время*, егда вся поспѣшатся вкупѣ въ благое", а пока Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ *вскорѣ* издати съ готоваго перевода, князя Константина Острозскаго печати, неизмѣнно, кромѣ орфографіи и нѣкихъ вмалѣ именъ и реченій нуждѣйшихъ, явственныхъ погрѣшеній".

Какъ видно изъ этого предисловія, Епифаній прекрасно былъ освѣдомленъ съ положеніемъ дѣла и ясно сознавалъ, что

---

[1]) Предисловіе (второе) къ библіи 1663 г. Строевъ. Описан. старопеч. кн. Толстого № 133.

неотложная нужда Русской церкви [1]) должна быть удовлетворена „*вскорѣ*". Поэтому, повторяемъ, онъ принялъ живое участіе въ переизданіи библіи, и, какъ одинъ изъ видныхъ участниковъ въ приготовленіи ея къ напечатанію, считаетъ нужнымъ просить прощенія (въ предисловіи) за тѣ отмѣны и несогласія (съ греческою библіей), какія въ новоизданной библіи не могли быть устранены только вслѣдствіе неотложности и поспѣшности работы.

„Когда, вникнувъ въ эту Божественную книгу—обращается Епифаній къ читателю—ты найдешъ въ ней, помимо исправленнаго въ текстѣ (внутрь лежащая) и на поляхъ (на краяхъ страницъ) еще много несогласнаго съ греческимъ, то умоляемъ тебя: не ставь этого намъ въ вину, думая, что это оставлено такъ по небреженію; или когда сличишь славянскую вновь отпечатанную библію съ греческой, то не спѣши возглашать съ недоумѣніемъ: „если не исправлено во всемъ съ греческою библіею, то зачѣмъ было и издавать ее", но прежде узнай причину этого. А причина такова, что едва гдѣ уже печатнымъ Острозскимъ (библіямъ) обрѣстися". [2])

Если-бы Епифаній устранился отъ переизданія библіи, какъ думаетъ проф. Пѣвницкій, то едва-ли бы онъ счелъ нужнымъ умолять читателя о снисхожденіи и неосужденіи трудившихся надъ переизданіемъ библіи.

Второй, изданной въ этомъ 1663 году, книгой, въ которой принималъ участіе Епифаній, была Общая Минея въ 4-ку, напечатанная въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1663, мѣсяца іунія въ 1-й день. [3]) Предисловіе, принадлежащее Епифанію, перепечатано у Строева. (Дополн. 97).

---

[1]) Печатной Острожской библіи не было и въ библіотекѣ Моск. печат. двора; для переизданія этой библіи пользовались экземпляромъ, принадлежавшимъ чтецу печ. двора стар. Ѳеодосію. См. проф. Николаевскій. Моск. печат. дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г.т. I, стр. 170.

[2]) Предисловіе. Строевъ. Опис. Толстого, № 133

[3]) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

Въ *1664* г. при участіи Епифанія была издана книга о священствѣ, въ которой содержится: „1) Житіе св. Іоанна Златоустаго, 2) Шесть словъ о священствѣ, 3) Разныя статьи, приличныя священству, 4) Посланіе св. Василія Великаго о хиротоніи на мздѣ бываемой, также Геннадія Патріарха и другихъ о томже".

Всѣ эти статьи переведены съ греческаго Епифаніемъ.[1]) Эти святоотеческія творенія были напечатаны въ Москвѣ первый разъ („первое изобразися печатнымъ тисненіемъ"), въ количествѣ 2400 экз.[2]) Вышли изъ печати 5 августа.

Въ 1665 г. были изданы въ одной книгѣ, наконецъ, творенія Григорія Богослова (50 словъ), Аѳанасія Александрійскаго 4 слова противъ Аріанъ, Василія Великаго Бесѣды на Шестодневъ и Догматика Іоанна Дамаскина.[3])

Переводомъ этихъ твореній Епифаній занимался уже давно. Изъ „Оглавленія книгъ" мы узнаемъ, что переводъ ихъ напечатанъ еще въ 1656 году. Здѣсь читаемъ: „4. Преложи (разум. Епифаній) Слова св. Григорія Богослова отъ Елинска, съ книги изданныя въ Парисѣ: лѣта M D C XXX (1630) нача 7164 (т. е. 1656), соверши же 7165 (1657) Іун. 5. Преложи св. Аѳанасія Александрійска слова 4 на Аріа лѣта 7164 (1656). Со-

---

[1]) Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, 477; Cfr. м. Евгеній. Словар. Истор. т. I, 173 стр. Строевъ. Опис. кн. Царск. № 190; Его-же. Опис. кн. Толст. № 134.

[2]) Б. М. С. Т. Приходорасх. книга печ. двора № 69, л. 79—81 (см. приложенія къ шестой главѣ изслѣд. Бѣлокурова: Арсеній Сухановъ, прилож. первое.

[3]) См. Сопиковъ. Опытъ библіогр. I, 247. Здѣсь приводится подлинное заглавіе книги и прилагается для показанія слога выписка изъ 2-й бесѣды Василія Великаго: о еже невидима бѣ земля и не устроена» Cfr. Строевъ. Описаніе старопеч. книгъ биб. гр. Толстого № 136, гдѣ перепечатанъ весь выходной листъ. Его же. Опис. книгъ биб. Царскаго № 193. Мы пользовались экземпляромъ изъ библіотеки Троиц.-Сергіев. Лавры, который въ описанномъ реестрѣ этого книгохранилища значится подъ № 69 V отдѣла (печатныя святоотеческія творенія).

верши-же Апріліа съ книги, изданныя въ...; 20. Книгъ 4 о православной вѣрѣ преложи отъ Еллинска. Нача лѣта 7168 (1660) св. Іоанна Дамаскина, отъ книги изданныя въ...; 25. Св. Василія вел. Кесарійскаго бесѣда 11 на Шестодневъ. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю,—преложи отъ книги друкованныя въ Бастиліи M D LI (1551) Opera Graeca cum gratia et privillegio Imp. Majestatis ad annos: V. Froben, въ десть". [1])

—

Чтобы опредѣлить все громадное значеніе этого труда Епифаніева, должно представить себѣ, въ какомъ положеніи была Русская церковь того времени въ этомъ отношеніи. До патріарха Никона святительскія творенія являлись въ Русской церкви *случайно*, переводились онѣ въ тиши монастырей по почину и благочестивому усердію частныхъ лицъ, безъ объединеннаго контроля высшей центральной іерархической власти; распространялись путемъ переписыванія, въ рукописяхъ; при переписываніи часто искажались; при списываніи и составленіи новаго списка нерѣдко вносилось много подложныхъ сочиненій, апокрифовъ, которые однако выдавались за твореніе того или иного отца и потому пользовались авторитетомъ наравнѣ съ подлинными святительскими твореніями.

Вполнѣ естественно, что такія сочиненія только разносили по всей Руси много суевѣрныхъ преданій и понятій. Насколько велика была спутанность агіографическихъ свѣдѣній, можно судить по тому, что въ русскихъ лѣчебникахъ первой половины XVII в. Аристотель называется „преподобнымъ". [2])

Въ виду такого состоянія святоотеческой литературы въ то время, переводъ четырехъ важнѣйшихъ отцевъ восточной церкви былъ громадною услугой для чадъ Русской церкви. Ближе всего

---

[1]) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» § 79; Cfr. м. Евгеній: Словарь Историческій, стр. 173—174; Филаретъ. Обзоръ духов. литер. § 223.

[2]) Архангельскій. Образ. и литер. въ Моск. Госуд. XV—XVII в. Ученыя Записки Казан. Универ. 1898 г. кн. VII—VIII, стр. 233.

къ истинѣ, кажется намъ, думать, что выборъ святоотеческихъ твореній для перевода принадлежалъ самому Епифанію, потому что въ немъ обнаружилось прекрасное знакомство съ относительнымъ достоинствомъ разныхъ отеческихъ произведеній.

Значеніе труда Епифаніева еще болѣе увеличивается отъ того, что онъ получилъ высшую оффиціальную санкцію отъ патріарха и такимъ образомъ получилъ право на всеобщее распространеніе. [1]) Въ увѣщаніи отъ лица патріарха сказано: „сіи, (т. е. митр. Алексій, Максимъ грекъ и Епифаній Славинецкій,— о которыхъ рѣчь была выше) опасно храняху реченій, искреность діалектовъ, каноны сочиненія и чиноположеніе правописанія, просодіи, и препинанія реченій. Сего ради сія рекошася нами, да не возмнитъ кто-либо таковая (т. е. нѣкая реченія не тождесловна суща реченіемъ прежде погрѣшенію написаннымъ) отъ самомнѣнія преводника самосмышленно положена быти, и новая нѣкако и необычна. Ни убо, никако. Но истинно и праведно, исправлена бо суть сія вся (разум. Новый Завѣтъ митр. Алексія, бесѣда св. Іоанна Злат. на евангеліе—переводъ Максима Грека и переводы твореній Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія, Александра и догматика Іоанна Дамаскина) по свойству обѣихъ діалектовъ, славенскаго и греческаго, имже діалектомъ греческимъ, явленно писаша святіи евангелисти самая устоглаголанная Христова словеса и апостоли, и селенстіи синоди, и отцы святіи и оттуду переведены суть на славенскій языкъ искренно и истинно досточюдными и мудрыми мужи“. [2])

Разсмотримъ теперь, насколько близко было участіе Епифанія въ самомъ печатаніи ихъ.

Уже апріорно можно заключать, что такъ какъ перевелъ эти святоотеч. творенія Епифаній, то при печатаніи ихъ онъ-же, а не кто-либо иной, долженъ былъ наблюдать за справой ихъ

---

[1]) Книга (святоот.) твореній 4 отцевъ вост. церкви была издана въ количествѣ 2400 экземпл. Приходорас. книги печат. двора № 69 л. 79—81 (Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, I прил. къ шестой главѣ).

[2]) Горск. и Нев. Описан. Слав. рукоп. II, 2. № 196, л. 19.

на печатномъ дворѣ, за самымъ печатаніемъ. Болѣе подробное обслѣдованіе этого вполнѣ подтверждаетъ справедливость апріорнаго заключенія.

Въ Москов. Синодальн. библіотекѣ есть рукопись, [1]) содержащая въ себѣ Епифаніевъ переводъ словъ св. Григорія Богослова. Изъ типографскихъ помѣтокъ, имѣющихся на ней, видно, что она служила оригиналомъ при печатаніи. На поляхъ, и частію надъ строками, встрѣчаются очень часто, поправки, сдѣланныя рукою Епифанія. Правда, эти поправки—по свидѣтельству Горскаго и Невоструева—не приняты въ печатное изданіе; но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это, а то, что на корректурномъ оригиналѣ имѣются Епифаніевы замѣтки и поправки: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что Епифаній посѣщалъ печатный дворъ и слѣдилъ за печатаніемъ своихъ переводовъ.

При напечатаніи словъ св. Аѳанасія Александр. на рукописи, служившей оригиналомъ для этого изданія, [2]) также имѣются собственноручныя поправки Епифанія Славинецкаго, таковы напр., л. 27, вмѣсто „ходатайствоваше“ имъ исправлено „средствоваше“; л. 77. об. вм. „хулити“—вредословити“; л. 78 вм. „распясте“—„укрестовасте“.

То же должно сказать и о рукописномъ славянскомъ оригиналѣ догматики Іоанна Дамаскина, съ котораго производилось печатаніе ея. [3])

Послѣдней книгой, напечатанной при участіи въ ея исправленіи Епифанія Славинецкаго, была служебная минея на сентябрьскую четверть, напечатанная въ 1666 году мѣсяца ноемврія вь 15 день“. [4])

---

[1]) По каталогу Саввы № 594. У Горск. и Нев. II, 2, № 124.

[2]) См. Гор. и Нев. II, 2. № 112 (по прежнему кат. № 360).

[3]) Ibidem, № 157 (прежн. кат. 441).

[4]) Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223. Cfr. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, 647. У него сказано, что Минея мѣсячныя изданы на цѣлый годъ, а не по сентябрьскую только четверть. Но это не вѣрно: въ приходорасходной книгѣ печат. двора № 69 л. 79—81,—читаемъ:

Послѣ этого года не видно, чтобы Епифаній принималъ участіе въ исправленіи книгъ, выходившихъ съ Московскаго печатнаго Двора.

Обобщая все сказанное нами о дѣятельности и значеніи Епифанія въ книжномъ исправленіи Моск. Руси второй половины XVII в., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Епифаній окончательно разрушилъ и уничтожилъ въ высшихъ слояхъ Моск. общества еще раньше поколебленное предубѣжденіе противъ грековъ; 2) то направленіе, какое Никонъ далъ дѣлу книжнаго исправленія, въ значительной мѣрѣ должно быть объяснено вліяніемъ Епифанія; 3) съ самаго начала исправленія, съ первыхъ его попытокъ еще до Никона, вплоть до 1666 г., Епифаній принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ печатнаго двора, и 4) наконецъ, онъ слѣдилъ за печатаніемъ не только своихъ переводовъ, но и исправлялъ богослужебныя книги, какъ это ясно показываютъ его поправки на корректурномъ экземплярѣ напрестольнаго евангелія 1657 года.

Ив. Ротаръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Минеи съ сентября 3 мѣсяца 2400 кн. (Бѣлокуровъ. Арсен. Сухан. ч. I., прилож. въ VI главѣ); см. также Строевъ. Опис. кн. Царскаго № 195.

Ѣлоцерковская гимназія.

(1862—1869).

Оставляя Винницкую гимназію въ 1845 году, я не думалъ, что черезъ 17 слишкомъ лѣтъ мнѣ придется снова встрѣтиться на службѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, но уже не въ качествѣ „попыхача“, параллельнаго учителя, а въ роли начальника заведенія.

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ очерковъ я имѣлъ случай сообщить, въ какомъ жалкомъ состояніи находилась Винницкая гимназія въ началѣ 40-хъ годовъ. Занимаемое ею помѣщеніе въ поіезуитскихъ „мурахъ“ ничѣмъ не отличалось отъ солдатскихъ казармъ самаго низшаго разбора, на постройку же для нея приличнаго зданія, по ограниченности средствъ, отпускаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, нечего было и думать. На помощь казнѣ явилась частная благотворительность. Извѣстный польскій магнатъ графъ В. С. Браницкій, унаслѣдовавшій отъ своей матери колоссальныя Потемкинскія богатства, [1]) прел-

[1]) Гр. Вл. Ст. Браницкій, старшій изъ четырехъ братьевъ, по раздѣлу получилъ: въ Васильковскомъ уѣздѣ мѣстечко Бѣлую Церковь, и 79 селъ и деревень; въ Сквирскомъ у.—2, въ Радомысльск.—2, въ Черкасскомъ—3, въ Херсонскомъ—3, въ Звенигородск.—11, а всего 100 селеній.

ложилъ министерству свои услуги, если только Правительство согласится перевесть гимназію изъ Винницы въ Бѣлую Церковь. Заручившись его согласіемъ, графъ выстроилъ зданіе, въ которомъ должна была помѣститься гимназія съ общею ученической квартирой на 150 человѣкъ.

Такое капитальное пожертвованіе графа ва пользу просвѣщенія, превознесенное и препрославленное какъ высокопатріотическій подвигъ, въ сущности было коммерческое предпріятіе; ибо съ переводомъ гимназіи въ Бѣлую Церковь, мѣстечко это, во-первыхъ, стало приносить ему въ пять разъ больше дохода, а во-вторыхъ, дало возможность множеству оффиціалистовъ дать образованіе своимъ дѣтямъ.

Построивъ зданіе, графъ обусловилъ свое пожертвованіе между прочимъ такимъ пунктомъ, что зданіе останется собственностію Министерства до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ помѣщаться гимназія, „а закроютъ гимназію,—какъ выразился графъ,—я въ немъ заводъ устрою“.

Бѣлоцерковская гимназія долго слыла въ народѣ подъ именемъ „Графской“, въ которой существованіе служащихъ—отъ сторожа до директора включительно—яко-бы зависѣло отъ щедротъ Его Сіятельства наравнѣ съ его оффиціалистами.

Какъ бы тамъ ни было, а въ 1847 году Винницкая гимназія съ ея многосемейнымъ директоромъ Аристархомъ Александровичемъ Яковлевымъ и старымъ холостякомъ инспекторомъ Андріевскимъ (онъ же Барилко), замѣнившимъ Мазепича Минича Самойленка, съ любителемъ шарпанины Персидскимъ, скаредомъ фонъ-Мерсомъ, Омегой Осмоловскимъ,[1])—переселилась въ Бѣлую Церковь. Четырнадцатилѣтнее существованіе этого заведенія съ 1847 по 1862-й годъ, при трехъ директорахъ, Яковлевѣ, Науменкѣ и Вилуевѣ, до моего назначенія не входитъ въ предѣлы моихъ воспоминаній, и я перехожу прямо къ началу своего директорства.

---

[1]) См. о всѣхъ этихъ лицахъ въ Кіев. Стар. 1894 г. № 12.

Переселеніе мое изъ Богоспасаемаго града въ жидовское мѣстечко совершилось въ самое ужасное время года—въ началѣ февраля 1862 года. Зима въ этомъ году была жестокая, обильная снѣгами и сугробами. Почтовый 80-тиверстный трактъ оказался почти непроѣзднымъ; а между тѣмъ ждать тепла, оставаясь въ Кіевѣ, не было никакой возможности. Новое начальство 2-й гимназіи, пользовавшейся со времени Гренковской исторіи кличкою „мятежной", въ лицѣ директора Вилуева и инспектора Слѣпушкина, поспѣшило занять квартиры, оставивъ для меня съ женой и со всѣмъ моимъ скарбомъ одну лишь комнату, и то съ условіемъ очистить ее къ извѣстному, ими же назначенному сроку. По всему было видно, что меня колѣномъ выпирали изъ Кіева, считая дальнѣйшее мое пребываніе въ гимназіи почему то небезопаснымъ,—такъ по крайней мѣрѣ доложено было бар. Николаи новой администраціей, и потому nolens-volens, для пользы службы, я долженъ былъ при 15° мороза пуститься въ путь на двухъ жидовскихъ балагулахъ, съ женой, прислугой и коровами, по страшнымъ сугробамъ. Ну, развѣ мое якобы повышеніе, не было ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя?

Переночевавъ въ Васильковѣ въ заѣздномъ жидовскомъ домѣ, мы на другой день, 2 февраля прибыли въ мѣстечко и поселились въ квартирѣ страшно запущенной, нѣсколько лѣтъ остававшейся безъ всякаго ремонта. Поутру въ квартиру мою явился безносый экономъ общей квартиры и гнусявымъ голосомъ повелъ такую рѣчь:

— Я пришелъ спросить, вешескородіе, сколько прикажете доставлять вамъ на кухню говядины?

— А что, развѣ у васъ собственная мясная лавка?

— Нѣтъ, г. директоръ, но я беру у мясника говядину для воспитанниковъ въ большомъ количествѣ, изъ котораго есть возможность выбрать лучшіе куски.

— Куда жъ у васъ идутъ эти лучшіе кутки?

Для гг. директора и инспектора—такъ у насъ всегда дѣлалось въ прежнія времена.

— И что-же? вамъ, конечно, уплачивалось за лучшую говядину дороже базарной цѣны?

— Помилуйте, г. директоръ, какъ можно, развѣ я осмѣлился бы требовать платы?

— Ну, такъ я вамъ разъ навсегда приказываю: лучшіе куски мяса оставлять для воспитанниковъ, а остатки для вашего семейства и прислуги; о директорѣ же и инспекторѣ не заботьтесь: они сами должны думать о своемъ продовольствіи.

Экономъ сдѣлалъ большіе глаза: повидимому его очень удивило такое странное распоряженіе новаго начальства. Сказавши обычное „слушаю-съ“, онъ повернулся къ выходу, но, вспомнивъ, что еще не все сказалъ, воротился и предложилъ мнѣ еще одинъ вопросъ:

— А хлѣба сколько прикажете доставлять на кухню?

— Какъ? неужели вы и хлѣбомъ довольствуете начальство? да вы, почтеннѣйшій, и сами останетесь безъ хлѣба! А интересно знать, однако-жъ, сколько фунтовъ хлѣба вы обыкновенно отправляли на кухни ежедневно?

— Директору Аристарху Александровичу, такъ какъ у нихъ было большое семейство и нѣсколько пансіонеровъ, требовалось порядочное количество и говядины и хлѣба, а другимъ гораздо меньше, смотря по числу пансіонеровъ.

Первый день моего пребыванія въ гимназіи былъ посвященъ бѣглому осмотру зданія, посѣщенію классовъ и закрытаго заведенія. Зданія состоятъ изъ трехъ корпусовъ: главнаго—трехъ-этажнаго, въ которомъ помѣщались классы, библіотека, физическій кабинетъ и квартира инспектора, и двухъ двухъ-этажныхъ флигелей, гдѣ помѣщалось закрытое заведеніе. При постройкѣ зданій, инспекторъ случился холостякъ, и потому для инспекторской квартиры, не заботясь о будущемъ, назначены были три комнаты, безъ кухни и кладовой, а когда Барилку смѣнилъ семейный человѣкъ Токарскій, то онъ долженъ былъ служительскую комнату обратить въ кухню, а парадныя сѣни, заколотивъ наглухо роскошное entrée съ колоннами, превратить въ кладовую, гдѣ хранилась не только вся провизія, но и разнаго рода живность, отъ курицы до поросенка включительно. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ инспекторской квартиры, помѣщались три

первые класса, а насупротивъ дверей передней—сборная учительская. По корридору безпрерывно шмыгала не только женская прислуга, но и самая барыня въ дезабилье—другого выхода въ кухню не имѣлось, а во время уроковъ по корридору постоянно доносился пискливый бабій крикъ, а иногда раздавались и звонкія пощечины, которыми щедро надѣляла своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ г-жа инспекторша.

Поднявшись на 2-й этажъ, я вошелъ въ парадный залъ для торжественныхъ собраній—и моему изумленію не было границъ, когда я на желѣзныхъ крючьяхъ, поддерживавшихъ царскій портретъ, увидѣлъ двѣ женскія юбки съ широчайшими кринолинами! Изъ этого, между прочимъ, можно усмотрѣть, до какой халатности дошли отношенія бѣлоцерковской администраціи ко ввѣренному ей заведенію и до какой крайности дошло пренебреженіе къ внѣшнему декоруму благодаря своеобразно понятому принципу Пирогова объ уничтоженіи мундирной выставки и высокоторжественныхъ актовъ, послѣ чего парадныя залы оказались годными лишь для гардеробныхъ.

Общая ученическая квартира занимала обширное помѣщеніе, но воспитанниковъ въ ней, какъ и вообще во всей гимназіи, оказалось весьма немного. Трехъ надзирателей, ни за чѣмъ не надзиравшихъ, для такого количества вовсе не требовалось; ни одинъ изъ нихъ не заглядывалъ во время своего дежурства ни въ столовую во время обѣда, ни въ учебныя комнаты во время занятій, возложивъ эту обязанность на инспектора. Дѣло въ томъ, что надзирательскія должности исполняли учителя; получая по 300 рублей добавочныхъ и пользуясь казенными квартирами со столомъ, они по цѣлымъ ночамъ лишь рѣзались въ карты.

Вникнувъ въ экономическую часть закрытаго заведенія, всецѣло находившуюся въ рукахъ инспектора, я ужаснулся: безбожная, безсовѣстная эксплуатація! Постройка одежды и обуви, носильнаго и постельнаго бѣлья, письменныя принадлежности, освѣщеніе, отопленіе—сколько матеріала для хищенія!

„Дайте намъ,—говоритъ русская поговорка,—только за хвостъ казеннаго козла подержать—мы шубу сошьемъ“.

Не будучи, подобно инспектору, математикомъ, я не берусь высчитать точный процентъ по каждой изъ статей расхода на содержаніе закрытаго заведенія, остававшійся ежегодно въ его карманахъ, а ограничусь на сей разъ самымъ незначительнымъ. Спрашиваю надзирателя Лятошинскаго: кѣмъ и какъ снабжаются ученики чернилами? И получаю курьезный отвѣтъ, что чернила собственноручно приготовляетъ инспекторша и получаетъ за то изъ суммъ общей квартиры 75 руб. серебромъ ежегодно.

— А вы, Николай Леонтьичъ, умѣете дѣлать чернила?

— О, еще какія!

— А сколько вамъ нужно денегъ на изготовленіе годовой пропорціи чернилъ для гимназіи и для закрытаго заведенія?

— Дайте, говоритъ, пока рубля три на матеріалъ, а тамъ, если будетъ мало, еще попрошу.

И что же? Двѣ громадныя сулеи превосходныхъ чернилъ обошлись въ четыре съ полтиной. По этой одной ничтожной операціи можно заключить о болѣе серьезныхъ. 70 рублей, заработанныхъ г-жею инспекторшей на чернилахъ, были каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что выручалось ея супругомъ отъ постройки одежды, освѣщенія, отопленія и т. д.

Въ общей квартирѣ, устроенной на 150 человѣкъ, не оказалось и полсотни воспитанниковъ, съ тремя надзирателями. Посѣтивъ учебныя комнаты во время вечернихъ занятій, я нашелъ у каждаго воспитанника высшихъ классовъ по нѣсколько польскихъ книгъ. Значитъ, и здѣсь продѣлывалось то же самое, что и во второй гимназіи: существовала частная библіотека польскихъ книгъ тенденціознаго содержанія, которою завѣдывалъ преподаватель польскаго языка. Но я порѣшилъ до конца учебнаго года не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, а лишь приглядываться къ тому, что заведено до меня и было терпимо такъ долго; тѣмъ болѣе, что содѣйствія къ искорененію разныхъ безобразій въ своихъ сослуживцахъ я не чаялъ, но тѣмъ не менѣе готовился къ борьбѣ со зломъ, насколько у меня хватитъ силъ и умѣнья.

Обычные свои визиты я началъ съ ясновельможнаго графа, который всю зиму проживалъ въ своемъ бѣлоцерковскомъ домѣ. Принятъ я былъ не особенно привѣтливо—и очень понятно почему. Когда онъ узналъ о моемъ назначеніи въ „его гимназію", то просилъ содѣйствія губернатора Гессе избавить его отъ такого отчаяннаго хлопомана: „онъ мнѣ всѣхъ крестьянъ взбунтуетъ". Гессе отвѣтилъ ему, что онъ это самъ знаетъ, но помимо генералъ-губернатора ничего нельзя сдѣлать. Предвидя, въ будущемъ еще большія инсинуаціи со стороны его с—ва, я счелъ необходимымъ побывать у кн. Васильчикова и предупредить его объ этомъ, а также заявить, что, дорожа честію и достоинствомъ заведенія, я, какъ представитель русскаго начала въ краѣ, не намѣренъ заискивать милостей у польскаго магната, который мнитъ себя какою-то владѣтельною особой.

— Онъ меня такъ принялъ, что я въ другой разъ не рѣшусь пойти къ нему,—прибавилъ я въ заключеніе.

— Да вы къ нему послѣ этого ни ногой,—сказалъ князь. Браницкій—извѣстный гордецъ и невѣжа.

Осмотрѣвши, такъ сказать, à vol d' oiseaux состояніе гимназіи, я приступилъ къ болѣе подробному ознакомленію съ ней, обративъ прежде всего вниманіе на учебную часть. Новыя вѣянія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, еще со временъ директора Яковлева, создали въ бѣлоцерковской гимназіи особаго рода олигархію изъ нѣсколькихъ учителей, и мнѣ предстояла нелегкая борьба съ оппозиціей, тѣмъ болѣе, что въ помощникѣ своемъ, инспекторѣ Токарскомъ, я встрѣтилъ человѣка двуличнаго. Получивъ первоначальное воспитаніе у базиліанъ въ Уманской школѣ, онъ заразился іезуитизмомъ и, будучи на нѣсколько лѣтъ старше меня по службѣ, считалъ себя обойденнымъ, готовый при всякомъ удобномъ случаѣ подставить мнѣ ножку. Чтобы показать, съ какими людьми пришлось мнѣ работать для общественной пользы, я приведу нѣсколько краткихъ характеристикъ.

Учитель математики и физики, человѣкъ несомнѣнно даровитый, оставленный было проф. Кнорringомъ при университетѣ въ качествѣ стипендіата, но потомъ имъ-же удаленный

за любовныя шашни, продѣланныя стипендіатомъ въ его семействѣ, поступивъ на службу въ Бѣлоцерковскую гимназію, сразу принялъ на себя роль заправилы всей училищной корпораціи: онъ подчинилъ своему вліянію не только преподавателей и самого директора, но даже всѣ „ученыя дамы“ не избѣжали его нахальства. Сегодня, напр., онъ посылаетъ къ инспекторшѣ своего служителя съ увѣдомленіемъ, что онъ намѣренъ у нея обѣдать, заказавъ при этомъ и меню самаго обѣда; въ слѣдующій день назначаетъ пикникъ въ ближайшемъ лѣсу, или, ѣдучи въ Кіевъ, приглашаетъ за-компанію и жену надзирателя К—скаго. Наконецъ, не задолго до моего прибытія, выкинулъ такое колѣнце. Бывшій директоръ Яковлевъ, вскорѣ послѣ переселенія въ Бѣлоцерковскую гимназію, потерялъ свою властолюбивую и энергичную супругу, крѣпко державшую въ рукахъ этого стараго сластолюбца. Овдовѣвъ, нашъ Аристархъ не выдержалъ и одного года. У гимназическаго врача Потэна была смазливая 16-ти лѣтняя племянница, приглянувшаяся старику; онъ окрестилъ ее и женился. Физикъ повелъ противъ нея атаку, и она, обобравши мужа до нитки, ушла отъ него и поселилась въ заранѣе приготовленномъ ей убѣжищѣ; туда нашъ Донъ-Жуанъ часто уѣзжалъ безъ разрѣшенія начальства, манкируя своими обязанностями.

Преподаватель русскаго языка и словесности, заразившись господствовавшей въ то время маніей ложно понятаго прогресса, когда громкія фразы ничего не дѣлающихъ крикуновъ принимались за дѣла, избавляя ихъ отъ обязанности трудиться, мало того что не приносилъ ни малѣйшей пользы своимъ небрежнымъ преподаваніемъ воспитанникамъ, но положительно былъ вреденъ для заведенія. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ моего прибытія, ко мнѣ явился главноуправляющій имѣніями графа панъ Зелинскій и заявилъ, что его с—ву, какъ почетному попечителю, занесена родителями дѣтей жалоба на учителя словесности, внушающаго ученикамъ безбожныя идеи, при чемъ графъ велѣлъ передать, что, если я не уйму либерала, то онъ напишетъ министру. Когда

сдѣланныя мною предостереженія на словесника не подѣйствовали, то я предоставилъ вѣдаться съ нимъ инспектору казенныхъ училищъ М. А. Тулову, обративъ вниманіе на его преподаваніе. Въ концѣ учебнаго года, приступая къ экзамену въ VII классѣ, я продиктовалъ ученикамъ небольшой отрывокъ изъ христоматіи и былъ пораженъ безграмотностью молодыхъ людей; философствуя, со словъ своего наставника объ ученіи Будды, нѣкоторые изъ нихъ на одной страницѣ диктовки сдѣлали около 25 грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ и для учениковъ 2 го класса.

Назначено было засѣданіе Педагогическаго Совѣта.

— Какъ вы, господа, находите вотъ эту диктовку?—обратился я къ членамъ, предложивъ имъ разсмотрѣть писаніе одного изъ пансіонеровъ: можно-ли подобнаго субъекта допустить къ дальнѣйшему испытанію?

— Разумѣется, можно,—возвысилъ свой голосъ физикъ.

— На какомъ-же основаніи, позвольте васъ спросить?

— Я такъ думаю—и кончено.

Отобравши голоса, я, разумѣется, остался въ значительномъ меньшинствѣ,—но когда я сказалъ, что войду къ попечителю съ особымъ мнѣніемъ, предоставивъ ему рѣшить столь важный вопросъ, то большинство перешло на мою сторону. На экзаменахъ по другимъ предметамъ тоже оказались значительные пробѣлы. Да можно-ли было ожидать хоть какихъ-нибудь успѣховъ, напр. хоть у преподавателя законовѣдѣнія Подгаецкаго, который въ продолженіе учебнаго года находился на службѣ не болѣе одного мѣсяца, проживая все время въ Кіевѣ? Дѣлалось это такимъ образомъ: отбывъ годичный экзаменъ по своему предмету, онъ бралъ билетъ на каникулы; затѣмъ въ августѣ представлялъ въ Округъ медицинское свидѣтельство и получалъ отпускъ на четыре мѣсяца—до декабря. Передъ Рождествомъ пріѣзжалъ въ Бѣлую Церковь, получалъ за полгода жалованье и уѣзжалъ въ Кіевъ на праздники; оттуда опять получалось увѣдомленіе объ отпускѣ по болѣзни до весны и т. д.

Все это беззаконіе нашъ законовѣдъ продѣлывалъ съ помощью Могилянскаго, находившагося съ нимъ въ какомъ-то родствѣ.

Учитель латинскаго языка,—а послѣ преобразованія гимназіи въ реальную,—нѣмецкаго языка, уже знакомый читателю по Винницкой гимназіи, Оттонъ фонъ-Мерсъ—олицетвореніе историческаго Плюшкина—оставленный женой, обзавелся новой семьей и еще болѣе опошлѣлъ. Скаредство его дошло до колоссальныхъ размѣровъ. Чѣмъ питался онъ самъ и его многочисленное потомство—объ этомъ никто не зналъ ничего достовѣрнаго, такъ какъ никто никогда у него не бывалъ. Лошади его—настоящіе одры—въ теченіе цѣлой недѣли кормились бурьяномъ да соломой, и только въ субботу, отбывши уроки, Оттонъ запрягалъ ихъ въ разслабленную и дребезжащую нетычанку и отправлялся къ своему пріятелю садовнику—Іенцу въ Александрію; тамъ его лошади кормились до вечера, затѣмъ, наполнивъ свою нетычанку сѣномъ, онъ возвращался домой. Лошади его, отправляясь изъ дому, еле передвигали ноги, а разъ даже на половинѣ дороги и пристали, за то домой бѣжали изрядною рысцой. Странное существо былъ этотъ *фонъ*. При всей своей скаредности, онъ, помимо лошадиной страсти, любилъ разводить всевозможныхъ домашнихъ птицъ, даже рѣдкой породы кохинхинки у него не переводились, но никому онъ не уступилъ ни одного яйца. Въ отдѣльной комнатѣ помѣщался цѣлый птичій заводъ; но въ одну изъ зимъ всѣ его птицы угорѣли и поголовно околѣли.

У него было два дома: одинъ изъ нихъ каменный двухъэтажный находился среди базарной площади, на бойкомъ мѣстѣ, и приносилъ изрядный доходъ. Спустя лѣтъ 10 послѣ оставленія мною Бѣлой Церкви, мы встрѣтились съ Мерсомъ, какъ старые сослуживцы—эмериты, въ Кіевѣ.

— Какъ поживаете Оттонъ Карловичъ?—спрашиваю его.

— Вообразите, я сильно былъ боленъ въ запрошлый годъ. Жиды узнали объ этомъ и уговорили продать имъ мой каменный домъ. „Вы, говорятъ, умрете, а жена завладѣетъ имъ“. Я, по глупости, и продалъ очень дешево, а теперь желѣзная дорога

прошла черезъ Бѣлую Церковь—большой доходъ приносилъ-бы мнѣ этотъ домъ.

Вслѣдствіе своего флегматическаго темперамента и однообразія учительскихъ занятій, Мерсъ превратился въ бездушную машину. Изъ года въ годъ аккуратнѣйшимъ манеромъ по звонку ходилъ на уроки, садился на каѳедру и спрашивалъ заданное; въ пятницу-же, свободный отъ уроковъ, весь день проводилъ на базарѣ съ жидами, а въ субботу ѣздилъ въ Александрію кормить лошадей. Служба для такого автомата—благодѣяніе; отставка—нравственная смерть. Прослужилъ же онъ болѣе 40 лѣтъ; но пользы отъ его долговременной службы получилось очень мало.

При такихъ педагогахъ учебная часть въ Бѣлоцерковской гимназіи находилась въ самомъ жалкомъ положеніи, въ чемъ наглядно можно убѣдиться по количеству пропущенныхъ учителями уроковъ: въ $18^{59}/_{60}$ г. ихъ было 790; въ $18^{60}/_{61}$—431; въ $18^{61}/_{62}$—555.

Изъ этихъ данныхъ видно, что пропускать уроки обратилось въ привычку, и какую тяжелую борьбу я долженъ былъ вынести съ закоренѣлымъ годами зломъ для того, чтобы изъ 790 пропущеныхъ уроковъ въ 1860 г.—въ 1864 ихъ было только 86, и то по уважительнымъ причинамъ.

Если къ приведеннымъ цифрамъ манкировокъ прибавить промежутки между перемѣщеніями или увольненіемъ одного преподавателя и прибытіемъ на его мѣсто другого, то для занятій не оставалось и половины положенныхъ по уставу часовъ. А перемѣщеній и увольненій за послѣдніе десять лѣтъ съ 1855 по 1865 годъ—было не мало, а именно: законоучителей—6, русскаго языка и словесности—8, математики и физики—8, исторіи и географіи—6, новѣйшихъ языковъ—5.

При частыхъ пропускахъ уроковъ и перемѣщеніяхъ преподавателей, учебные часы по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались не занятыми, и ученики, какъ овцы безъ пастуха, бродили по мѣстечку между жидами, о чемъ мнѣ съ озлобленіемъ высказалъ, при первомъ моемъ визитѣ, почетный попечитель и при этомъ изъявилъ сожалѣніе о своихъ пожертвованіяхъ.

Не даромъ Н. И. Пироговъ, посѣтивъ Бѣлоцерковскую гимназію, возъимѣлъ о ней самое презрительное мнѣніе, порѣшивъ обратить ее въ штрафную гимназію, въ родѣ пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, куда-бы со всего Кіевскаго округа высылались для исправленія самые отчаянные негодяи.

—

Передъ Пасхой, на страстной недѣлѣ, на гимназическій дворъ въѣхала телѣга съ какими-то двумя мѣшками. Привезъ ихъ человѣкъ изъ графской экономіи, преподнесъ мнѣ лоскутокъ бумаги, на которой было написано по-польски: „Dla wielmożnego p. dyrektora—mąki pierwszego gatunku“—одинъ мѣшокъ, а другой — для инспектора, за подписью завѣдующаго мельницами пана Филипповича, сынъ котораго учился въ гимназіи. На оборотѣ этой записки я написалъ: „Г. Филипповичъ! Получите обратно вашу муку да напеките пироговъ, да помяните недавнюю старину, когда представитель учебнаго сословія ничѣмъ не отличался отъ станового пристава. Позвольте вамъ сказать, что я ни въ какихъ подачкахъ изъ экономіи его с—ва не нуждаюсь, получая достаточное жалованіе отъ правительства и проч.

Панъ вломился въ амбицію и прислалъ мнѣ пространное письмо съ претензіей, что я его оскорбилъ, и чуть не потребовалъ отъ меня удовлетворенія: Ja jestem człowiek honoru i uczucia, повторилъ онъ въ письмѣ два раза. На это я ему отвѣтилъ еще пространнѣе. Письмо мое долго ходило по рукамъ между шляхтой и даже побывало въ рукахъ самого графа и заслужило одобреніе умной Ставищенской графини „Александровой“.

Не смотря однако-жъ на мое заявленіе о томъ, что я не намѣренъ пользоваться отъ щедротъ его с—ва никакими приношеніями, спустя нѣкоторое время ко мнѣ явился панъ Зелиньскій (главноуправляющій) и еще разъ попробовалъ искусить меня соблазнительными приманками, въ родѣ дачи подъ Росью, пары заводскихъ рысаковъ и экипажа въ мое распоряженіе, но я и на сей разъ остался вѣренъ своимъ принципамъ.

Попечительство Ѳ. Ѳ. Витте.

(1862—1864).

Отправивъ бренные останки своей супруги въ фамильный склепъ въ Финляндію, баронъ Николаи не могъ оставаться долѣе въ Кіевѣ, гдѣ все напоминало ему о невозвратной потерѣ страстно любимаго существа. На его мѣсто былъ назначенъ Ѳ. Ѳ. Витте, о которомъ профессоръ Никитенко такъ отозвался въ своихъ посмертныхъ запискахъ:

„Витте—человѣкъ весьма обыкновенный. Говоритъ онъ очень много, но у него все выходятъ больше слова, чѣмъ мысли. Онъ самъ себѣ придаетъ цѣну за то, что служилъ съ пользою русскому дѣлу въ Польшѣ. Его вывелъ въ люди Лейхтенбергскій, у котораго онъ былъ домашнимъ человѣкомъ".

Здѣсь съ точностью не указано, какую именно должность занималъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ при особѣ Лейхтенбергскаго, но всѣмъ служившимъ при немъ въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ скоро стало извѣстно, что онъ „докторъ правъ"—такъ онъ самъ рекомендовалъ себя каждому являвшемуся къ нему провинціалу и даже ученикамъ гимназіи, при посѣщеніи имъ классовъ. Человѣкъ онъ былъ не злой и не прочь былъ сдѣлать какое-нибудь добро для ввѣреннаго ему Округа, но вовсе не подготовленный къ занятію высокаго поста попечителя учебныхъ заведеній пяти губерній, онъ ограничился одними добрыми намѣреніями, какими, какъ извѣстно изъ „Божественной комедіи", вымощенъ адъ. Невѣжество свое въ трудномъ дѣлѣ управленія такого района онъ, съ чисто придворною ловкостію, маскировалъ пышными фразами о просвѣщеніи вообще и о священныхъ обязанностяхъ воспитателя юношества въ особенности. Самъ онъ не рѣшилъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго вопроса, не посовѣтовавшись съ помощникомъ своимъ Михневичемъ или, вѣрнѣе, съ

правителемъ канцеляріи Губеромъ. Поѣдетъ по Округу, выслушаетъ доклады директора о вопіющихъ нуждахъ заведенія, со всѣмъ согласится безпрекословно и насулитъ ему горы обѣщаній, а въ концѣ концовъ все-таки не преминетъ присовокупить: „вы изложите все это на бумагѣ и пріѣзжайте въ Кіевъ—тамъ все это порѣшимъ“. Пріѣзжаетъ директоръ въ Кіевъ, является въ назначенный часъ на квартиру попечителя—за столомъ сидитъ тройца: по срединѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, по-правую его руку Осипъ Григорьевичъ, по лѣвую—Осипъ Ивановичъ. Прибывшему указываютъ мѣсто напротивъ.

— Извольте, говоритъ попечитель, читать, что у васъ тамъ? Прочитаешь одну бумагу; Ѳ. Ѳ. обращается сперва на право: „Какъ вы находите, Осипъ Григорьевичъ?“ Тотъ промычитъ что-то, какъ будто-бы и подходящее; но когда попечитель обратится налѣво—другой Осипъ, ероша волосы, торчавшіе и безъ того щетиной, прямо говоритъ безапелляціонно: „этого сдѣлать нельзя“, при чемъ загнетъ какой-нибудь канцелярскій крючекъ—и какъ гвоздемъ прибьетъ. „Ну, ла—вторитъ ему докторъ правъ,—этого дѣйствительно разрѣшить нельзя. Что у васъ тамъ еще?“

Читаешь вторую бумагу—та же исторія: нельзя-съ — и конецъ. Ко мнѣ онъ особенно не благоволилъ за Гренковскую исторію и вѣчно пакостилъ. Ни одно мое представленіе о настоятельнѣйшихъ нуждахъ заброшенной Бѣлоцерковской гимназіи, во все продолженіе попечительства Витте, не имѣло успѣха. Доложишь попечителю на словахъ:—прекрасно; попала бумага въ руки Губера—нельзя-съ! А тутъ подвернулся еще одинъ приспѣшникъ—директоръ 2-й гимназіи В. В. Вилуевъ. Онъ довольно долго прозябалъ въ кожѣ учителя бѣлоцерковской гимназіи и, удостоенный съ помощью гимназическаго врача Крохмаля, серьезнаго спеціалиста по математикѣ и химіи, степени магистра химіи, быстро выдвинулся впередъ и сталъ также величаться своимъ какъ попечитель величался своимъ, не менѣе сомнительнымъ, магистерствомъ, докторъ-

ствомъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Василій асильевичъ стали неразлучными друзьями. „Я—докторъ правъ!“ — говоритъ каждому встрѣчному Ѳ. Ѳ. „Я—магистръ химіи!“—вторитъ ему В. В. при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. И вотъ этотъ самый господинъ, чрезъ своихъ старыхъ знакомыхъ бѣлоцерковскихъ получалъ свѣдѣнія обо всемъ, что творилось въ гимназіи во все продолженіе моей службы, и сообщалъ попечителю.

Первое мое знакомство съ новымъ попечителемъ началось въ грязномъ заѣздномъ домѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, около полудня прибѣгаетъ въ гимназію запыхавшись жидокъ и доноситъ, что „пріѣхавъ попецитель!“ Облачившись въ мундиръ, являюсь.

— Какъ это вы такъ скоро узнали о моемъ пріѣздѣ?—удивился тотъ.

— У насъ въ мѣстечкѣ, отвѣчаю, благодаря мишурисамъ, ничего не удержишь въ секретѣ. Жидки наши люди праздные, пронырливые—они все знаютъ. Затѣмъ, подобно Гоголевскому городничему, присовокупилъ: „Напрасно Вы, В. П—во, остановились въ этомъ ужасномъ помѣщеніи: у насъ въ гимназіи, по неимѣнію въ мѣстечкѣ гостинницъ, спеціально для пріѣзда ревизоровъ устроена совершенно отдѣльная комната—тамъ вамъ было-бы удобнѣе“.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ остаться здѣсь: это мой принципъ.

— Ну, думаю себѣ, принципъ такъ принципъ. Попробуй-ка переночевать въ этомъ кабакѣ—узнаешь Кузькину мать!

И дѣйствительно, на другой день поутру, еще до звонка, къ моей квартирѣ подъѣхалъ дорожный экипажъ попечителя со всѣмъ его скарбомъ.

— Укажите, говоритъ, ради Бога, предложенную Вами вчера комнату—у жида нѣтъ никакой возможности оставаться: всю ночь не могъ уснуть—тамъ столько гадости.

Вотъ тебѣ и принципъ!

Въ залу собрались преподаватели. Попечитель выступилъ съ широковѣщательной рѣчью. Фразы, фразы и фразы! въ родѣ напр. слѣдующей:

— Господа, держите русское знамя высоко! Потрясайте имъ смѣло! Я—докторъ правъ! — и проч. и проч.

Затѣмъ, обходя классы, онъ и воспитанникамъ наговорилъ съ три короба вовсе ненужныхъ и мало для нихъ понятныхъ фразъ. А по окончаніи уроковъ, отбросивъ въ сторону свои принципы, онъ не только принялъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе у меня отобѣдать, но подъ предлогомъ ближайшаго ознакомленія съ учительскимъ персоналомъ, навязалъ мнѣ весь штатъ служащихъ. За обѣдомъ говорилъ онъ одинъ, не давая никому и рта разинуть. Нѣсколько рюмокъ сливянки и вина открыли всѣ шлюзы, сдерживавшіе до того напоръ водяного краснорѣчія въ предѣлахъ оффиціальности, и рѣчь нашего ревизора подъ конецъ вечера стала смахивать на безшабашную болтовню Ивана Александровича Хлестакова.

На другой день онъ слушалъ приготовленные мною доклады о нуждахъ заведенія; я указалъ ему всѣ замѣченные мною недостатки: несостоятельность преподавательскаго персонала, подавляющее преобладаніе польщизны въ 80 верстахъ отъ метрополіи православія, необходимость усилить русскія начала въ заведеніи назначеніемъ стипендій и проч. А въ заключеніе заявилъ, что безъ коренного преобразованія въ указанномъ мною направленіи трудно ручаться за успѣхи учебнаго дѣла въ ополяченномъ краѣ. Согласившись со мной во всемъ ему доложенномъ и насуливъ мнѣ многое множество обѣщаній, попечитель уѣхалъ съ миромъ, сказавъ на прощанье: „До свиданія въ Кіевѣ“! А тамъ, какъ уже сказано выше, ожидали меня два Іосифа—и ни одно изъ моихъ представленій не прошло.

Кратковременное управленіе Кіевскимъ учебнымъ Округомъ попечителя Витте ознаменовано сильнымъ возбужденіемъ въ кругу кіевскихъ педагоговъ и университетской молодежи. Съ

освобожденіемъ крестьянъ впервые явилось сознаніе необходимости распространенія грамотности въ народѣ посредствомъ сельскихъ школъ. Воскресныя школы росли, какъ грибы послѣ дождя; въ Кіевѣ при первой гимназіи заведена педагогическая школа для приготовленія учителей въ открываемыхъ министерствомъ училищахъ, и по поводу этого открытія началась борьба митрополита Арсенія съ администраціей Кіевскаго учебнаго округа.

Бѣлоцерковская гимназія въ первые 15 лѣтъ своего существованія исключительно удовлетворяла потребностямъ мѣстной шляхты. Небольшая цифра учащихся, доходившая до 130 человѣкъ, несмотря на то, что многіе изъ воспитанниковъ пользовались стипендіями гр. Браницкихъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ бывшей Винницкой гимназіи большая часть учениковъ перешла въ сосѣднюю Немировскую, а нѣкоторые поступили въ гимназіи кіевскія. Да и изъ оставшихся на долю Бѣлоцерковской весьма немногіе оканчивали полный курсъ, легко находя службу въ экономіяхъ гр. Браницкихъ—на заводахъ, фабрикахъ и фольваркахъ, гдѣ не требовалось особеннаго образованія. Они-то впослѣдствіи и составили готовый контингентъ для повстанія 1863 года. Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи въ теченіе 15 лѣтъ, Бѣлоцерковская гимназія мало чѣмъ отличалась, по своему направленію, отъ дореформенныхъ школъ Чацкаго съ подавляющимъ большинствомъ католиковъ. Число православныхъ воспитанниковъ относилось къ числу католиковъ какъ 1 : 3, да и та горсточка русскихъ, подъ вліяніемъ среды, скоро ассимилировалась. Не только поляки въ обращеніи съ русскими не допускали другого языка кромѣ польскаго, но и русскіе люди между собою говорили по польски. Даже многіе священники и ихъ семейства считали польскій языкъ языкомъ образованнаго класса, а свой природный—мужицкимъ. Въ православную церковь русская интеллигенція заглядывала на нѣсколько минутъ и вслѣдъ затѣмъ отправля-

лась въ костелъ. Отъ этой слабости не были свободны жены и дочери учителей гимназіи. Въ католическіе праздники отъ уроковъ освобождались всѣ ученики—и православные, и католики. Никто изъ служащихъ не рѣшался явно высказаться противъ такого безобразія. На Boże Ciało подъ окномъ инспекторской квартиры устраивались ołtarzyki, гдѣ служили ксендзы.

Пользуясь продажностію полиціи и непонятнымъ послабленіемъ высшей администраціи, польская пропаганда шибко повела свое дѣло не только въ гимназіяхъ, дѣйствуя на воспитанниковъ посредствомъ ксендзовъ и преподавателей польскаго языка, но и по селамъ среди крестьянъ чрезъ поссесоровъ, экономовъ, мировыхъ посредниковъ, волостныхъ писарей и т. п. Съ цѣлью такой же пропаганды среди женскаго пола, были открыты въ мѣстечкѣ разомъ два женскихъ пансіона фанатичными польками, Цишевской и Балицкой. Въ нихъ не слышалось ни одного русскаго звука. Директоръ гимназіи считался ихъ начальникомъ номинально, а въ дѣйствительности воспитаніемъ заправлялъ ксендзъ пробощъ, не смотря на то, что между дѣвицами было нѣсколько дочерей окрестныхъ священниковъ. Русская исторія въ пансіонахъ не преподавалась вовсе.

Помимо пробоща Могильницкаго и его викарія, законоучитель гимназіи С—й всецѣло овладѣлъ умами и совѣстію не однихъ воспитанниковъ, но и вообще всѣхъ бѣлоцерковскихъ католиковъ. Тайна такого вліянія заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что этотъ ксендзъ былъ человѣкъ весьма умный и безукоризненно нравственный, притомъ основательно образованный: Одесская гимназія, Ришельевскій лицей, университетъ Св. Владиміра и наконецъ римско-католическая академія участвовали въ его образованіи. Онъ говорилъ совершенно правильно по-русски, по-французски, основательно зналъ языки латинскій, нѣмецкій и итальянскій, слѣдилъ за современной литературой, обладалъ значительнымъ даромъ слова. Во-вторыхъ, тайна такого вліянія заключалась въ безукоризненномъ образѣ жизни,

религіозности, доходившей до фанатизма, ловкости, изворотливости, чисто іезуитской, помогавшей ему вкоренять въ сердца вѣрныхъ и послушныхъ ему духовныхъ чадъ чувства нетерпимости и замкнутости въ своей средѣ. По моему мнѣнію, онъ былъ бы менѣе вреденъ гдѣ-нибудъ въ большомъ городѣ, чѣмъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ: тутъ ему гораздо легче было удерживать въ своей духовной власти воспріимчивую и крѣпко сплоченную молодежь.

Весь почти 1862 годъ и часть 63-го, вплоть до 26 апрѣля, когда наконецъ wybuchnęło powstanie, прошли въ дѣятельномъ приготовленіи и демонстраціяхъ. По мѣстечку безпрерывно шныряли заѣзжіе студенты и праздношатающіеся „балагулы“ съ наполеоновскими бородками, появлялись наконецъ и заграничные эмиссары, электризуя пылкую молодежь патріотическими иллюзіями; ксендзы, съ своей стороны, не дремали, имѣя въ рукахъ могучее средство—исповѣдь и дѣйствуя внѣ всякаго контроля полиціи. Да что такое наша продажная полиція? Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ ея патріотическихъ подвиговъ.

Прибѣгаетъ ко мнѣ въ какой-то праздникъ изъ костела надзиратель Лятошинскій и говоритъ запыхавшись:

— Тамъ ксендзъ читаетъ такую ужасную проповѣдь, что всѣ навзрыдъ плачутъ и ученики плачутъ.

— Идите къ становому!—Тотъ сейчасъ-же отправляется въ костелъ. Ксендзъ сходитъ уже съ амвона.

— А пожалуйте вашу проповѣдь! обращается къ нему приставъ.

Проповѣдь оказалась о Zburzeniu Jerózolemy, гдѣ разгромленіе іудейской столицы Титомъ приравлено ко взятію штурмомъ Варшавы въ 1831 году Паскевичемъ.

— Ну, что-же вы намѣрены дѣлать съ этимъ зажигательнымъ казаньемъ?—спросилъ я станового, просмотрѣвши проповѣдь.

— О, теперь добродзѣю ксендзу не сдобровать! Сегодняже я отправляю ее эстафетой къ генералъ-губернатору.

И дѣйствительно отправилъ, но взявши предварительно съ ксендза 300 рублей и давши ему передѣлать казанье.

Съ наступленіемъ весны 1863 года на столбахъ фонарныхъ и на воротахъ гимназическаго двора стали появляться пасквили на русскихъ и воззваніе къ патріотизму поляковъ. Напрактиковавшись уже довольно во 2-й гимназіи, при безпрерывной вознѣ съ мальчишескими выходками ошалѣвшей молодежи, я и въ Бѣлой Церкви не давалъ спуску ни малымъ, ни старымъ, возстановляя вездѣ законный порядокъ и спокойствіе и подвергая строгимъ взысканіямъ за отступленія отъ требованій дисциплины. Новые мои питомцы, повидимому, не привыкли къ крутымъ мѣрамъ со стороны податливой администраціи; имъ до моего пріѣзда все сходило съ рукъ, и мой помощникъ, инспекторъ, какъ человѣкъ болѣе меня знавшій шляхетскую натуру, не разъ предостерегалъ меня дѣйствовать осторожнѣе, но я ему на это замѣтилъ, чтобы онъ самъ не смотрѣлъ сквозь пальцы на дурачество мальчугановъ да почаще-бы посѣщалъ ученическія квартиры, гдѣ по ночамъ происходятъ сборища.

— Вы мнѣ, Ѳедоръ Антоновичъ, пророчите большой скандалъ, разбитіе оконъ, пасквили и т. п. ужасы, за мое слишкомъ смѣлое противодѣйствіе польскимъ затѣямъ, и думаете, что васъ они боготворятъ за ваши черезчуръ лагодныя отношенія къ нимъ, а я вамъ докажу совершенно противное.

И затѣмъ, выдвинувъ ящики письменнаго стола, предъявилъ ему такую картинку: нарисовано два столба съ перекладиной, на веревкѣ виситъ, болтая ногами, инспекторъ Токарскій.

— А знаете, гдѣ была приклеена эта бумажка? Подъ окномъ вашей квартиры, со стороны площади; тамъ, гдѣ съ вашего позволенія, устраивались ołtarzyki.

Дѣло въ томъ, что, въ ожиданіи со дня на день повстанья, я постоянно вставалъ съ разсвѣтомъ, обходилъ все зданіе и даже ближайшія къ гимназіи улицы и срывалъ приклеенные въ

разныхъ мѣстахъ пасквили и прокламаціи, какихъ у меня образовалась цѣлая коллекція.

Воспитанники низшихъ классовъ изъ обезьянства, свойственнаго дѣтскому возрасту, не отставали отъ взрослыхъ, запасаясь огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, дрянными пистолетами и ножами. Кстати, съ ножами случилась цѣлая исторія.

Докторъ Стемпинскій, рьяный охотникъ, собираясь на медвѣжью травлю въ Минскую губернію, поручилъ своему сыну гимназисту заказать слесарю, отставному санеру изъ нѣмцевъ, большой охотничій ножъ. Но слесарь, получивъ отъ пристава строжайшій наказъ ни продавать, ни починять никакого оружія, къ которому онъ, со страху, причислилъ и ножи—отказалъ гимназисту, а тотъ сообщилъ объ этомъ товарищамъ. Проказники гимназисты, чтобы подразнить нѣмчуру, одинъ за другимъ стали приходить въ его мастерскую съ заказами ножей. Слесарь побѣжалъ къ становому и сообщилъ ему, что вся гимназія хочетъ вооружиться, а тотъ донесъ исправнику, исправникъ генералъ-губернатору—и пошла писать губернія.

Вызываютъ меня для личныхъ объясненій. Я объявилъ попечителю, что вся эта исторія не что иное, какъ продѣлка шалуновъ. Выслушавъ меня, Витте отъ души посмѣялся надъ тупоуміемъ полиціи и отправилъ меня къ генералъ-губернатору Анненкову.

Вхожу въ пріемную. Изъ кабинета, какъ шальной, выскакиваетъ генералъ и, не давъ мнѣ сказать ни одного слова, накинулся на меня съ азартомъ.

— А, а! у васъ ножи заказываютъ, вмѣсто того чтобы учиться! Ваши гимназисты запасаются оружіемъ... Я строго буду взыскивать съ начальниковъ частей и т. д.

— Да позвольте, в. в—во, разъяснить вамъ всю эту путаницу съ ножами, которую полиція...

— Не хочу слушать! ученики должны учиться, а они ножи заказываютъ. Что вы, коммунистъ, что-ли?..

Видя, что генералъ въ данную минуту мало чѣмъ отличается отъ Коробочки, я сталъ ретироваться къ вы-

ходу. Въ передней, когда я надѣвалъ пальто, и онъ появился. Жандармъ и ему подалъ пальто. Совершенно для меня неожиданно, генералъ обратился ко мнѣ съ тѣми словами, какими долженъ былъ начать аудіенцію:

— Давно-ли вы служите? Гдѣ воспитывались? Хорошо-ли вамъ живется въ Бѣлой Церкви? Бываете-ли въ Александріи? и проч.

Удовлетворивъ его любопытство, я вышелъ изъ передней. Заѣзжаю къ попечителю и заявляю претензію, зачѣмъ онъ отослалъ меня къ этому генералу? Хохочетъ. „Но позвольте, в. п—во, за что онъ обозвалъ меня коммунистомъ?“

— А, это вѣрно польскіе паны на васъ насплетничали за ваши хлопоты по народному образованію.

Наконецъ дождались и самаго повстанья...

Отсылая своихъ читателей къ изданной мною въ 1867 г. брошюрѣ за подробностями этой трагедо-комедіи, здѣсь я ограничусь краткими очерками относительно одной лишь гимназіи.

Еще я не ложился спать, какъ ко мнѣ часу въ первомъ прибѣжалъ неутомимый надзиратель Н. Л. Лятошинскій съ рапортомъ, что наши гимназисты попли до лясу. Вооружившись фонаремъ, мы обошли сперва общую квартиру и, не досчитавшись нѣсколькихъ человѣкъ семиклассниковъ, тѣмъ же порядкомъ осмотрѣли и частныя квартиры, разбросанныя по всему мѣстечку у разныхъ бѣдныхъ вдовицъ. Здѣсь оказался такой-же недочетъ; а всего въ сложности не хватило 13 человѣкъ. Собственно въ Бѣлоцерковскую шайку навербовано было гораздо больше, но мои храбрые воины струсили. Они хотя и выступили въ походъ, но вернулись домой и, сбросивъ амуницію, легли спать. Сонныхъ я и нашелъ ихъ въ квартирахъ. У нѣкоторыхъ подлѣ кроватей разбросаны были чамарки, сапоги съ большими голенищами, чапечки, патронташи и проч. принадлежности „народовой милиціи“.

На другой день послѣ выступленія изъ мѣстечка шайки мятежниковъ, двухъ изъ ушедшихъ гимназистовъ привелъ изъ черкасской волости старшина въ становую квартиру. Ихъ нашли въ лѣсу спящими въ пяти верстахъ отъ мѣстечка. Они вмѣстѣ съ другими сосланы на каторгу. Мнѣ особенно было жаль ученика V класса Чубинскаго, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ повстаньемъ перемѣстившагося изъ Черниговской гимназіи. Въ немъ не было и тѣни польской закваски, и я полюбилъ его душевно. По просьбѣ отца его, отставного офицера, я бдительно слѣдилъ за поведеніемъ юноши, охраняя его отъ вредныхъ вліяній, но въ то-же время не дремали и поляки. Не прошло и полгода, какъ мой любимецъ Фульгентій сблизился съ подозрительными личностями, а въ началѣ апрѣля я уже видѣлъ его галопирующимъ на бѣломъ конѣ о-бокъ съ ксендзомъ-викаріемъ. Ну, подумалъ я, пропалъ мой бѣдный мальчикъ! И дѣйствительно, въ ночь на 26 апрѣля онъ пошелъ до лясу. Одобрительные мои отзывы о его прежнемъ поведеніи, отосланные въ слѣдственную коммиссію, по ея требованію, нисколько не облегчили его участи.

Прошло семь лѣтъ. О Чубинскомъ ни слуху, ни духу. Но вотъ въ 1869 году получаю письмо изъ Сибири, изъ котораго я узналъ, что онъ до 1866 г. находился въ Александровскомъ заводѣ на каторжныхъ работахъ; въ 66-мъ г. по манифесту вышелъ на поселеніе въ Братскую волость, Иркутской губерніи, гдѣ, какъ видно изъ письма, онъ находился до 1869 года...

Польская рухавка 63 года развязала мнѣ руки. Я зналъ, что мнѣ теперь дѣлать. Не уповая на содѣйствіе много обѣщающаго, но ничего не исполняющаго „доктора правъ“, я началъ дѣйствовать на пользу русскаго дѣла самостоятельно.

Прежде всего я принялся за устройство ученической библіотеки. Перевезенная изъ Винницы довольно обширная ученическая библіотека, пріумноженная учителемъ русской словесности И. Я. Шульгинымъ, продана по распоряженію директора Яковлева жидамъ съ аукціона и съ начала 50 года перестала существовать. Заведенная-же нелегально учителемъ польскаго языка

Козловскимъ частная библіотека польскихъ книгъ находилась сперва въ вѣдѣніи основателя, а потомъ перешла къ ученику VII класса Ш—скому, ловкому малому, который всѣхъ дурней-товарищей снаряжалъ въ походъ, а самъ остался чистъ, какъ голубь. Отобрать у него книги можно было только хитростью.

И вотъ я объявилъ ему, что заводится *настоящая* ученическая библіотека русскихъ и польскихъ книгъ, изъ которой каждый воспитанникъ будетъ получать книги не украдкой, а открыто, а потому предлагаю вамъ внести въ заведенный мною каталогъ находящіяся у васъ на храненіи польскія книги, которыя будутъ храниться въ особомъ шкапу вмѣстѣ съ русскими.

Книги эти Ш—скій передалъ мнѣ не всѣ разомъ, а приносилъ ихъ по частямъ, по мѣрѣ поступленія въ библіотеку сочиненій русскихъ писателей. Такимъ образомъ мнѣ удалось отобрать у него изрядное количество польскихъ сочиненій, большею частію историческихъ, между которыми было не мало весьма нежелательныхъ. Затѣмъ послѣ формальнаго упраздненія преподаванія польскаго языка въ гимназіи, я исключилъ изъ каталога ученической библіотеки массу книгъ, передавъ ихъ частію въ библіотеку фундаментальную, частію отослалъ въ Варшаву. Осталось только около 20 сочиненій по всеобщей литературѣ—переводы съ иностранныхъ языковъ, какихъ не имѣлось въ литературѣ русской.

Въ то-же время прекращено преподаваніе польскаго языка и исторіи въ женскихъ пансіонахъ, куда, по моему настоянію, были приглашены двѣ классныхъ дамы изъ окончившихъ пансіонъ графини Левашовой. Преподаваніе русскаго языка въ послѣднемъ классѣ я взялъ на себя.

На пожертвованныя разными лицами деньги я завелъ при гимназіи небольшой складъ книжекъ и брошюръ для раздачи крестьянскимъ дѣтямъ и для обмѣна на польскія, которыми щедрою рукою надѣляли крестьянъ разные поссессоры и экономы во время пропаганды предъ повстаньемъ. Этой мѣрой уничтожена масса элементажей (польскихъ букварей), находившихся у крестьянъ.

Открыто при гимназіи училище, сыгравшее роль приготовительнаго класса и приходского училища: способнѣйшіе изъ крестьянскихъ дѣтей поступали изъ него въ гимназію, а мало даровитые по окончаніи училища возвращались въ семью къ сельскимъ работамъ.

Вскорѣ послѣ усмиренія мятежа, на сельскомъ народномъ праздникѣ 19 февраля 1864 года, по моему предложенію, при содѣйствіи мирового посредника Бурцова, положено начало подписки и заведена, такъ называемая, *Синяя книга*, куда вносились пожертвованія на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, будущимъ гимназистамъ, и собрано за одинъ разъ 200 рублей.

Въ томъ же 1864 году, по приглашенію Варшавскаго намѣстника гр. Берга, нашъ докторъ правъ перешелъ на службу въ привислянскій край, не прослуживъ въ Кіевскомъ Округѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Онъ потянулъ за собою цѣлую ораву золотопромышленниковъ—педагоговъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria, въ числѣ первыхъ изъ таковыхъ былъ и магистръ химіи В. В. Вилуевъ достигшій тамъ степеней извѣстныхъ.

Съ перемѣщеніемъ Витте въ Варшавскій Округъ у насъ настало междуцарствіе: до назначенія новаго попечителя въ управленіе Округомъ вступилъ помощникъ его О. Г. Михневичъ, человѣкъ дѣла, а не фразы. Воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, я поспѣшилъ въ Кіевъ и вошелъ съ докладомъ о настоятельной необходимости употребить радикальныя мѣры для поднятія уровня жалкаго состоянія гимназіи, какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чего положительно нельзя было достигнуть, не устранивши тормозящихъ своимъ вреднымъ вліяніемъ всѣ благія начинанія личностей. А для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моего донесенія, я умолялъ Осипа Григорьевича основательно обревизовать бѣлоцерковскую гимназію, на что онъ и далъ согласіе.

А тутъ, какъ нарочно, между нашей ученой братіей произошло нѣсколько весьма некрасивыхъ исторій, которыя, помимо меня, сдѣлались извѣстны начальству (другими путями). Ревизія должна была состояться. Результатомъ ея были увольненія и перемѣщенія въ другія заведенія тѣхъ самыхъ преподавателей, отъ которыхъ я старался избавить гимназію; на

ихъ мѣсто мнѣ самому предоставленъ былъ выборъ новыхъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ, большею частію моихъ бывшихъ учениковъ по 2-й Кіевской гимназіи.

Обновленіе учительскаго персонала совпало съ преобразованіемъ Бѣлоцерковской гимназіи въ реальную, по уставу министра Головина, съ двумя новыми языками, вслѣдствіе чего классикъ фонъ-Мерсъ превратился въ преподавателя нѣмецкаго языка, замѣнившаго собой латинскій. Для преподаванія естественныхъ наукъ изъ Петербургскаго университета назначенъ весьма опытный учитель, стипендіатъ, находившійся подъ наблюденіемъ пр. Бекетова, П. К. Стефановичъ—и дѣло пошло на ладъ. Окруживъ себя молодыми, честными и способными сотрудниками, я былъ увѣренъ въ преуспѣваніи ввѣреннаго мнѣ заведенія. Мы зажили дружно, безъ всякихъ интригъ и сплетенъ, обыкновенно отравляющихъ жизнь людей, заброшенныхъ судьбой въ глушь, подобную мѣстечку Бѣлой Церкви. Мы часто собирались по вечерамъ не для однихъ картъ и ужиновъ; картами пробавлялись два-три человѣка, большинство же молодыхъ учителей находило удовольствіе въ чтеніи журналовъ и въ научныхъ бесѣдахъ о прочитанномъ. По иниціативѣ преподавателя исторіи В. К. Зозулина, у насъ нѣкоторое время существовали даже ученыя собранія, въ которыхъ по временамъ читались рефераты, писались на нихъ критики и т. п.

Въ одно изъ такихъ собраній старый 70-тилѣтній учитель французскаго языка въ низшихъ классахъ, послѣдній изъ могиканъ, уцѣлѣвшій какими-то судьбами отъ временъ Чацкаго—панъ Кудельскій прочелъ намъ свою своеобразно написанную критику на рефератъ Зозулина „о Гамбургской частной гимназіи Ланге“. Въ пику молодымъ педагогамъ, безъ достодолжнаго уваженія относящимся къ старикамъ, онъ привелъ весьма курьезныя уподобленія. Помѣщаю здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой „критики“.

„О учителяхъ можно тоже само сказать, что о скрипкахъ: могутъ онѣ быть одлично издѣланы, но всѣ онѣ пока еще новыя, имѣютъ что-то остраго и хриплаго. Долго и долго надобно на нихъ играть, чтобы выдали тонъ чистый и милый. Долго и долго надобно бороться съ природой училищныхъ юношей, лѣностью и неразвитыми головами, чтобы умѣть найти прямую

дорогу къ ихъ убѣжденіямъ: ибо что другого умѣть, а что другого учить. Голова учениковъ есть какъ крѣпость, которую невозможно взять приступомъ, не обошедши нѣсколько разъ въ округъ ея, чтобы найти слабую сторону, черезъ которую можно бы туда достаться. Учитель такъ долженъ питать нѣжные еще умы учениковъ, какъ бѣлка кормитъ свои малюты: она сперва снимаетъ съ орѣха кислую зеленую кору, разгрызаетъ твердую скорлупу и подаетъ чистое зерно въ пищу.

Въ сообщеніи наукъ, особенно въ публичныхъ заведеніяхъ, удобнѣе можетъ дѣйствовать старый, опытностью богатый учитель, нежели молодой и даже звѣзды съ неба собирающій наставникъ. Старый учитель, какъ старый солдатъ, обнюхавшійся уже съ порохомъ; молодой же учитель, какъ молодая лошадь, чувствуя себя запряженную въ телѣгу съ грузомъ, и рвется, и прыгаетъ, и пиряетъ, и наконецъ съ половины дороги устаетъ.

Не все то Эвангелія, что пишутъ за границей... Просвѣщеніе должно примѣняться къ характеру и обычаямъ всякаго народа: вздумать преобразовать русскаго бородача въ парижскаго франта—такое вознамѣреніе есть равно смѣшное, какъ и неудачное. Старуха наша Россія, въ своемъ древнемъ кафтанѣ прожила тысячу лѣтъ и какъ великанъ какой стоитъ одною ногой на Сѣверномъ океанѣ, а другой на Черномъ морѣ: будетъ ли ей къ лицу въ щегольской бедуинѣ, въ которую думаютъ одѣть наши реформаторы, передѣлается ли она въ молодую красавицу—это еще загадка трудна къ угаданію".

Въ заключеніе своей критики г. К. выругалъ молодыхъ учителей нигилистами, бунтарями—послѣдователями Герцена.

„А такъ въ мѣсто того, чтобы тщетно противъ нашихъ народныхъ училищъ кричать и, подражая подлому Искандеровому „Колоколу" наше родное осквернять, лучше взяться за руки, пополнить въ нашихъ училищахъ недостатки и завѣять умы и сердца русскіе. Ежели желаемъ, что бы училищные юноши пользовались нашими трудами, станьмо имъ примѣромъ воздержности, усердія и вѣры, а убѣдимся тогда, нѣтъ что завидовать Ланговой гимназіи".

М. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

(*Библіографическія справки*). [1])

III.

Въ „Молвѣ“ 1835 г. (часть X, стр. 388—394) напечатанъ „Корній Овара. Думка I. Якъ поконтрактувавсь козакъ Корній Овара изъ бисомъ, и шо зъ того було“ [2]).

Стихотвореніе это подписано своеобразнымъ псевдонимомъ: „Антонъ Майко Келеберда. Зъ Почаёва поломарь Богородицькой звоницы“. Судя по обозначенію: „1836 года 25 января Харьковъ“ и примѣчанію редакціи „доставленъ г. Срезневскимъ“,— можно предполагать, что оно принадлежитъ перу И. Срезневскаго.

Къ тексту сдѣланы примѣчанія: „*Койдакъ*—порогъ близъ Екатеринослава; *Тритинъ* — три звѣзды всреди созвѣздія Оріона“.

Четырехстрочныя строфы обозначены цифрами, которыя мы опускаемъ.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 9.

[2]) Цензур. дозволеніе дано 1 марта 1836 г.

Вотъ самое стихотвореніе

Койдакъ шумить, гуде Койдакъ,
Коргуе филею, мовъ чвара,
Генъ—скеля. Генъ—сидить козакъ,
Козакъ небога—панъ Овара.
Шумыть пидъ скелей хуртовый,
А по-надъ скелей гай шумуе;
По фили вставъ туманъ сидый,
По лавахъ ходить и ляцкуе.
А хмара на неби стоить.
Зирокъ не видко. Витеръ вые.
Мижъ комышемъ кажанъ кружыть;
Очима зъ гая вовкъ мурліе.
Сидить, зничившися, козакъ.
Винъ думу думае, гадае.
Сумуе тяжко неборакъ,
Шо доли бидному немае.
Симъ литъ вже винъ козакувавъ,
Симъ литъ ходивъ на Крымъ зъ Кравчиной,
На мори Турка выпытавъ,—
Та все—бездольною годиной.
Зъ ничимъ винъ зъ бою выхожавъ,
Зъ ничимъ вертався винъ до дому.
Зъ ничимъ? Ой, ни! Винъ добувавъ
Мижъ Агарянъ соби сорому.
Озвали раду козаки,
Овару присудили вбити,
Тай, повыходивъ на шляхи,
До себе почали просити.
Почувъ Овара й утикавъ
Зъ Ляхамы славы добувати;
До католиковъ пристававъ
Святую виру руйновати.
Тай тутъ жене ёго бида,
Тай тутъ ёго цькуе недоля.

Небога! Е ще въ насъ Орда:
Чого журиться! Божа воля!
Приставъ Овара до Орды
И на Ляхивъ пишовъ зъ Ордою...
Недоля зъ имъ, и зъ имъ биды...
Пропавъ Овара—втикъ изъ бою.
Утикъ, тай—ось. Гуде Койдакъ,
Коргуе филею, мовъ чвара.
Сидить на берези козакъ—
Козакъ небога, панъ Овара.
Шо буде зъ имъ? Шо жде ёго?
Чи, мабуть, вже прійшлось втопиться?..
Генъ—блись: Мара! Тай до ёго,
Тай ну попередъ имъ казыться.
Мара бисовська то, дидёкъ.
Очима лупае, вырляе;
Дугой зигнувшись из [1]) кіёкъ,
Иде, не йде винъ, шкандибае.
Пиджавши хвистъ, мара хремтить,
Рогами крутить, колодіе,
Сопе, зубами клаць, свистить,
Тай ка': „Здоровъ бувай, Корнію!“
Козакъ сидить, козакъ мовчить.
— „А шо“, пыта Мара: „недоля?
Чого-жъ мене бъ не попросить?
Тоди-бъ ты знавъ, шо то за доля!“
И озира Мару козакъ,
И труситься, и [2]) зубами клаца:
— „А шо ты?“—„Шо? я твій батракъ:
Кажи, яка до нуды праця?
Кажи, усе зроблю“—„Га, цурь!“
—„Чого цураться видъ чортяки?

---

[1]) Sic. Слѣд. *на*.

[2]) й?

Чи злодій я? чи я ховтуръ?
Не бійсь. Побачишъ. Знайдешъ дяки.
Ось слухай, пане, мій совитъ.
Жене тебе бида, недоля,
Псуе тобою цилый свитъ,
Псуе тобою добра доля;
Недоли тій кинець межъ насъ,
Межъ насъ. У пекли винъ кирпатый.
А въ насъ добро, добро у насъ;
Всимъ насъ шануе наша мати.
И я, старшій зъ твоихъ бративъ,
Я для тебе знайшовъ пригоду,
Богацько дамъ круглевикивъ,
Богацько всякого розводу.
Богацько й славы дамъ тоби.
Тебе свитъ стане шанувати.
Чого лякаться? не рябій!
Виддай-же душу до заплаты.
Але... злякався нашъ козакъ.
Хреста не може положити.
Регоче бисъ.—„Шо, пане, якъ?
Чи до контракту приступити?“
— „Ой, ни! Лякаюсь пекла я.“
— „Зъ чого-жъ лякатися повады?“
— „Якъ згине тамъ душа моя?..“
— „А де-жъ кажи, ій порада?
Бида на свити жить тоби;
Бида й загинути изъ свита:
Вона зъ тобой, хоть що роби,
Хочь цилу ничъ молись до свита:
А пекло—матерью на викъ.
Та не горюй. Добро межъ нами.
Абы-бъ ты зачный человикъ,
А то зживешся, якъ зъ братами.

Музыка è й у пекли въ насъ,
Та ще, козаче, якъ играе!
Якъ ваше будько у ковбасъ,
То вси регочуть, все стрибае.
Горилка é, медъ, пиво é;
Якъ скажешъ, зваримо й ковтырю...
Такъ въ насъ; а дали—все твое,
Що ты ни взришъ по коломірю.
Всимъ будешъ, пане мій, богатъ;
Тай буде все тоби въ пойгранокъ,
Чи схоче сердце до дивчатъ,—
Богацько знайдемо панянокъ.
Чи золотыхъ круглевикивъ,
Чи то якой худобы, пане...
Козаченьку, якъ-бы-бъ зхотивъ,—
То все твое, твое надбане.
Отъ-такъ въ насъ, пане. Та за тимъ
Охочи такъ до насъ и люди,—
Пани, князи,—всихъ не зличимъ,
А козаки, хопы(?) та судьи...
Гай, гай! Вже ничого казать:
Така кравчина, хочъ на Ляха.
И верховодить вашу рать
Старый Богданко сиромаха.
Коли що винъ тоби не любъ,
Е въ насъ Сирко и Дорошенко,
И зъ Бруховецькимъ Лизогубъ,
И зъ Пушкаремъ Линчай Кравченко.
Мазепа въ насъ ганчирки пре,
Латае кунтоши Выговскій;
Тетерю Полубитокъ тре,
А кашоваромъ Розумовській.
Отъ-такъ въ насъ, пане, и на викъ,
На вичный викъ. Добро мижъ нами.

А-бы-бъ ты зачный чоловикъ,
А то зживешся, якъ зъ братами.
Тимъ часомъ, щобъ ты все пизнавъ,
На свити симъ дамъ тоби волю:
Живи соби, гуляй соби,
И забувай свою недолю.
И воля та на десять литъ.
Якъ изойдуть—опивничь, свату,
Прійдеть Дидёкъ не дай-Бигъ—свитъ
У паньскую твою палату,
Прійдеть—тоди всёму кинець".
Задумавъ думу панъ Овара.
Блескнувъ тритиръ, мовъ каганець,
Тай зиркъ, тай впять чорніе хмара.
— „Чого-жъ гадати, пане мій?
Ось и кишеня грошей—плата
Въ задатку. Грошей не жалій—
На викъ кишеня приськовата.
Задумавъ думу панъ козакъ,
Тай каже: „буде то, що буде!
Хиба я первый?.. Де контрактъ?..
И хай Овару взнаютъ люди!"
Розризавъ руку панъ козакъ,
Тай пидписавъ контрактъ изъ бисомъ.
Койдакъ шумитъ, гуде Койдакъ,—
Козакъ изъ бисомъ вже за лисомъ.

Въ „Молвѣ" 1836 г. продолженіе этого стихотворенія не помѣщено, и мы не знаемъ, было-ли оно гдѣ-нибудь и когда-нибудь напечатано. Это есть, какъ видитъ читатель, подражаніе Жуковскому („Громобой"), но сохраненъ только остовъ разсказа, обстановка и герой приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Такіе переводы—передѣлки были вообще въ литературныхъ нравахъ 20 и 30-хъ годовъ. Языкъ, искусственный, не вездѣ складный и правильный, сильно напоминаетъ „Запорожскую Старину" Срезневскаго.

IV.

Особенно богатъ малорусскимъ матеріаломъ „Вѣстникъ Европы". У Каченовскаго были несомнѣнныя симпатіи къ Малороссіи и прочныя литературныя связи съ ея интеллигенціей.

Онъ помѣщаетъ малорусскія пѣсни, матеріалы по исторіи козачества, малорусскіе переводы и самостоятельныя произведенія.

Остановимся пока на двухъ послѣднихъ.

Въ маѣ и іюнѣ 1828 г. (стр. 53—55) напечатанъ „отрывокъ" *Молодыця* (преданіе) съ эпиграфомъ: improbe amor, quid non mortalia pectora cogis? Virgil. En. IV. Подписанъ онъ N—й и снабженъ примѣчаніемъ: „Чувствую великій недостатокъ сего отрывка—*перваго* моего опыта; но тѣмъ не меньше онъ для меня пріятенъ: въ немъ слышны звуки языка моей родины! N".

Ватàгамы ходылы хмары;
Мижъ нымы молодыкъ блукàвъ;
Витры́ въ очеретáхъ бурхалы,
И Псьолъ стогнавъ и клекотàвъ.
Шумилы вèрбы... рвáлось лыстя;
Гулы витры по-пидъ мостомъ...
На пни сыдила молодыця,
Пидпершы щоку кулакомъ:

„Повій, витре, повій, буйный,
Повій зъ того краю,
Де живе мое серденько—
Де мылый вытае.
Принесить хоть слово ридне
Буйними витрами:
Якъ ты тамъ въ чужій сторонци
Жывешъ зъ Москалямы?
Ты покынувъ на родыни
Мене сыротою;

Я знизналась, я зридилась
Зъ долею лыхою!
Понесы, сердыта хвыле,
Сльозы на чужбыну:
Нехай скажуть тамъ про мене—
Я въ недоли згыну!..
Змандрувавъ! забувъ! покынувъ!..
Де-жъ знайшовъ другую?
Сирота—одна безъ тебе
Горе я горюю!..
Якъ-же жить? де-жъ сердце диты?
Съ кымъ нымъ подилюся?
Де-жъ теперъ я, мій мыленькый,
Въ свитоньку динуся?
Розступысь вода—въ тоби я
Погублю все горе..
Охъ, мій мылый, охъ мій мылый!..
Доле моя, доле!..“

Вона реве, вона блидніе;
Волосся дыбомъ пиднялось;
Псьолъ гоготыть, выхрыть, дуріе...
— „Прощай!.. ты мій...“—и вныз шубовсь!
Заклекотала хвыля въ Псьоли;
Клубкамы пина надулась;
Озвався голосъ на подоли,
И лисъ, очнувшысь, захытавсь.
Ватагамы ходылы хмары;
Мижъ нымы молодыкъ блукавъ;
Витры въ очеретахъ бурхалы,
И Псьолъ стогнавъ и клекотавъ.

Въ 1830 г. (май и іюнь, стр. 51—52) напечатаны „два сонета малороссійскіе“, подписанные буквой *Ш*, съ слѣдующимъ орѳографическимъ примѣчаніемъ сочинителя: „правописаніе здѣсь соблюдено совершенно сообразное выговору, исключая

одной буквы—*ѣ*, которая всегда малороссіянами выговаривается за русское *и*".

1.

— ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
— ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪

Тилько тебе вбачыла, мій мылый коханый;
Тилько ясны оченьки ты на мене взвивъ—
О якъ, мое серденько, ты тилько глядивъ;
Билый свитъ заслали скризь якися туманы;
Паше зъ мене поломьемъ, и, въ день литній, ясный,
Лютый морозъ тила всю; стою, обмертвивъ;
Мовити хотила я—языкъ занимивъ;
Сумно мени сталося; духъ гвалтъ пиднявъ страшный.
Серце мало-бъ вырвалось; я млію, тремчу,
Мру и оживаю впять; слизьми якъ зальюся,
Руки вризь розкинулись, до тебе лечу;
Моцно жму до серденька, и вже не пущу.
Хоть вмру я биля тебе, а ни розлучуся;
Або твоя, мылый, або—утоплюся.

4.

— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ —

Знаешъ, Саню—серденько!.. О мила година!
Въ весну, въ лузи темному, мы рвали квитки;
Нѣжни твои рученьки плели мни вѣнки.
„Швыдче стане," мовила ты, „чорна калина,
Нижъ покине милого ввѣкъ вѣрна дѣвчина".
Въ щичкахъ твоихъ нѣжненькихъ угнулись ямки,
Въ ясныхъ чорныхъ оченькахъ тремтилы слизки;
Въ руки мои впала, мовъ маленька дѣтина;
Стонешъ, нибы горлиця, и къ груди грудь льне;
Мовишъ: „чи хохаешъ, якъ кохавъ ты мене"?

— Хай, хай люди стануть всѣ тверди, якъ камни,
Хай барвинокъ въ весночку завяне, посхне,
Бѣлый свѣтъ весь въ чорному потопне тумани,—
Вѣрный ввѣкъ останусь все коханій я Сани.

Выше мы уже видѣли характерный образчикъ украинской переработки русскаго произведенія. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1829 (II, 117—127) мы разыскали и другой—„Маруся“ (баллада), передѣланная изъ „Свѣтланы“ Жуковскаго. Повидимому было вполнѣ опредѣленное стремленіе усвоить украинской литературѣ классическія произведенія литературы русской (срв. переводы Пушкина, другихъ произведеній Жуковскаго и пр.).

„Маруся“ подписана: „В*** 4—6 февр. 1829“ (Л. Боровиковскаго) и сопровождена слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора, т. е. самого Каченовскаго: „Маруся, т. е. *Марья*, это есть подражаніе *Свѣтланѣ* Жуковскаго; ежели въ немъ

Очень мало складу,

то принесу въ извиненіе бѣдность полузабытаго нарѣчія моей родины“—говоритъ скромный переводчикъ; а мы прибавимъ, что его Маруся доставитъ многимъ читателямъ нашимъ удовольствіе, какъ нѣкогда *Твардовскій* г—на Г. А—го [1]). Сіе прекрасное подражаніе извѣстной піесѣ Мицкевича было напечатано сперва въ *Вѣстникѣ Европы* (1827, № 6).[2]), потомъ не замедлило явиться въ *Славянинѣ*, а вскорѣ и въ одномъ изъ варшавскихъ журналовъ (Dziennik). Успѣха подобнаго желаемъ и малороссійской соперницѣ *Свѣтланы*“.

Звечера пидъ новый годъ
Дивчата гадалы:

---

[1]) Гулакъ-Артемовскій. Подписана была только буква Г.

[2]) I, 116—129. Съ очень интереснымъ предисловіемъ Каченовскаго.

Выбигалы въ огородъ,
Въ викна пидслухалы;
Зъ тиста бгалы шышечкы;
Олыво топылы;
Слухалы собакъ; въ пусткы
О-пивничъ выхрылы;
Вискъ топылы на жарку
И зъ водою въ черепку
Долю вылывалы;
Бигалы на шляхъ воны;
Съ прыказкамы въ комены
Суженыхъ пыталы.
Темно. Мисяць надъ лискомъ
Въ хмары завернувся...
Прыгорнувшысь, пидъ викномъ
Рюмала *Маруся*.
„Ты жъ, сестрыце, ты чого
Зъ намы не гадаешъ?
Пидъ виконечкомъ кого—
Видкиль выглядаешъ?..
Встань, голубко, не журысь:
Выйды зъ хаты, подывысь,
Де каганчыкъ свитыть—
Видтиль буде милый твій...
Пидъ виконечкомъ постій—
Слухай, хто одвитыть"...
— „Охъ, сестрыци, якъ мыни
Зъ вами ворожыты:
Въ дальній мылый сторони,
Якъ безъ іого жыты!
Годъ мынувъ—а все не чуть,
Де, чи живъ мій мылый?
Дни, недилоньки плывуть—
Свитъ гиркый, остылый!

Слова, висточкы нема;
А безъ любого сама
Горе я горюю!
Де жъ мыни іого найты?
Що робыть, куда питы?
Де я помандрую"?
Въ хати каганець блыщыть;
Жаръ пидъ пичью тліе;
Повна мысочка стоить—
Вискъ Маруся гріе.
„Ну, Марусю, загадай,
Вискъ на воду вылый;
Що тамъ выллецця—пизнай,
Якъ жыве твій мылый:
Чи живе винъ, чи мертвець,
Чи зъ тобою пидъ винець
Пиде зъ старостамы:
Звяжуть рукы рушныкомъ,
Коло столыка кругомъ
Обведуть зъ свичкамы...
Вискъ шкварчыть—а въ серци тіохъ!
Къ печи пидбигае:
Ухватыла черепокъ—
Въ воду вылывае...
Тыхо въ хати; пидъ куткомъ
Разъ цвиркунъ цвиринькнувъ.
Пивничъ: трычи пидъ викномъ
Пивень кукурикнувъ;
А Марусенька дрожыть:
Страшно, страшно ворожыть,
Трусыцця небога;
Слуха—мовъ що въ хату йде,
Мовъ балака, мовъ гуде...
Рыпнуло въ порога...
Що жъ Маруся?—На води

Плытка воску плава,
И дивчынонька тоди
На ній прочытала:
Домовына, хрѐстъ, свичкы,
Заступъ, дви лопаты,
Поясъ, яма, рушныкы,
Мара, склепъ дощатый...
„Горе! мылый мій мертвець“!
Загасыла каганець—
Дивка лыхо чуе...
Сила, бидна, у викна,
Серце бьецця, серце зна,
Серце щось вищуе..
Цс!—Пидъ хатою скриплять
Санкы на прычилку:
Въ двиръ; бояры гомонять—
Ьидуть [1]) сватать дивку.
Тыхо дверчыкы скрыплять,
Молодый уходыть:
„Пипъ насъ жде, свичкы горять“,
Дивчыни говорыть:
„Въ церкви вже ревуть дякы,
Ждуть свитылкы, ждуть дружкы,
Ждуть хусткы весилни“.
За вгородомъ санкы ждуть,
Кони—змій съ серця рвуть
Поводы реминни.
Силы въ санкы: кони мчать,
Ажъ искрять ногамы,
Полозочкы ажъ шумлять,
Снигъ летыть клочкамы;
Ззаду такъ якъ дымъ курыть,
Степъ кругомъ сыніе,

[1]) Своеобразное обозначеніе мягкости.

Мисяць изъ-за хмаръ блыщыть,
Тилко—тилко мріе.
Сердце въ дивчыны дрожыть:
„Що жъ мій молодый мовчыть?
Забалакай, мылый“!
Ни пивслова: все мовчыть
И насупывшысь сыдыть—
Такъ, якъ глына, билый.
Кони по полю летять:
Зъ поля витеръ віе;
А навитшыбъ—гинъ за пять—
Церква бованіе.
Двери выхоръ видхылывъ;
Люды въ церкви; тліють
Ставныкы и видъ кадылъ
Тилко-тилко мріють.
Середъ церквы чорный грибъ
И надъ нымъ спивае пипъ:
„Буде вична память“!
Гирше дивчына дрожыть;
Кони мымо; все мовчыть
Блидный мылый въ сапяхъ.
Заверюха пиднялась;
Рвецця снигъ клочкамы:
Чорный воронъ разъ-у-разъ
Кряче надъ санкамы:
Чорный воронъ не добро
Дивчыни вищуе!
Лыхо въ душу залягло,
Лыхо серце чуе.
На поли огонь блыщыть:
Мижъ заметамы стоить
Хутирокъ чи малый:
Кони швыдче понеслы,
Дымъ ногамы пидняты—

Къ хутору прымчалы.
Прылетилы до дверей,
Зупынылысь, сталы:
Кони, санкы, молодый—
Якъ у воду впалы!
Сыпле снигъ—якъ зъ рукава;
Крутыть заверюха:
Въ поли витеръ завыва,
Надувае фуга...
Ьий вернуця?—Шляхъ пропавъ!
Отъ, каганчыкъ заблыщавъ—
И, перехрестывшысь,
Двери тыхо видвела,
Поподумала, ввійшла,
Богу помолывшысь.
Що-жъ найшла?—Мертвець лежыть—
Въ головахъ у тила
Свичка воскова горыть—
Дивка обимлила!
Передъ мертвымъ на столи
Образъ—Божа Маты...
Страшно въ хати буть самій,
Страшно кыдать хаты!
Въ поли витеръ все свыстыть...
Дивка блидная стоить—
Богу помолылась.
Страшно пидійты къ столу:
Передъ прыпичкомъ въ углу
Тыхо прыслонылась.
Витеръ стыхнувъ, все мовчыть;
Буря утыхае;
Свичка тилко що блыщить,
Свичка догоряе.
Темно въ поли; въ хутирку
Змовкло, занимило;

Сумно въ хати... цс!.. въ кутку
Щось загоготило—
Мовъ-бы витеръ зашумивъ.
Глядь—изъ покутя злетивъ
Голубокъ биленькый:
Крылечкамы замахавъ,
Дивчыни на груды павъ,
Прыгорнувсь легенько.
Змовкло впять усе кругомъ...
Блидная Маруся
Глядь—пидъ билымъ полотномъ
Мертвый повернувся...
Впало полотно: мертвець
(Тварь—темниша ночи)
Звився; на́ лоби винець,
Видимкнулысь очи...
Хоче ногы розвесты,
Хоче мертвый росплесты
Рукы омертвили;
А Марусенька?—Дрожыть:
Лыхо блызьке, а не спыть
Голубокъ биленькый.
Стрепенувся, розвернувъ
Крылычка легенько:
Къ мертвому на стилъ порхнувъ—
Сивъ на нимъ тыхенько:
Застогнавъ, заскреготавъ
Билымы зубамы,
На Марусю загарчавъ
Тыхымы словамы.
Знову мертвый поблиднивъ,
Зъ столу голубъ излетивъ—
Дивка прыглядилась:
Хто-жъ?—„О, Боже мій святый!“—
То Марусынъ молодый—

„Охъ"!—и пробудылась.
Де жъ? На лави, у викна,
Въ хати, де гадала,
Де, задумавшысь, вона
Вчора задримала.
День сиріе; за лискомъ
Жовтый мисяць зныкнувъ;
Трычи ранній пидъ викномъ
Пивень кукурикнувъ.
А Маруся не встае—
Ьий покою не дае
Сонъ: щось серце чуе...
— „Охъ, чого жъ то ждать мыни:
Жывъ мій мылый, чи въ земли—
Що мій сонъ вищуе"?
Такъ, якъ вкопана, сыдыть
Пидъ викномъ небога
И въ кватырочку глядыть
Въ поле, де дорога;
Скризь сидый туманъ налигъ
На шыроке поле;
А въ садочку иній лигъ
На деревья голе...
Кони черезъ мерзлый снигъ
Сазкы мчать; зъ-пидъ киньскыхъ нигъ
Дымъ пиднявся билый;
Ьидуть, ьидуть до воритъ,
Въ санкахъ парубокъ сыдыть—
Хто?—Марусынъ мылый!
Що жъ, Марусенька, твій сонъ?—
Суженый зъ тобою!
Изъ далекыхъ винъ сторонъ
Зъ серцемъ и любовью
До дивчыны прылетивъ:
Пинъ васъ обвинчае—

Выбирайте старостивъ,
Хай музыка грае.
Русу косу росплитай,
Хусточкы заготовляй,—
Пидъ винець идите!
Заготовте рушныкы,
Засыпивають вамъ дякы
Въ церкви „многа лита“!

Усерднымъ вкладчикомъ журнала Каченовскаго былъ Артемовскій-Гулакъ. Его произведенія обыкновенно печатались сначала на страницахъ „Вѣстника Европы“, а потомъ уже перепечатывались другими изданіями.

Въ VI томѣ 1827 г. напечатаны: казка „Батько та Сынъ“, „Рыбочка“ (Казка) [1]) и Двѣ оды Горацієвы до Пархома (стр. 130—135). Всѣ онѣ подписаны буквой N.

Къ первой Гулакъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: „кто учился у дьяка по старинному славянскому букварю, тотъ знаетъ, что значитъ *тма, мна, здо, тло, гдѣ, кто, что, мню* и пр. Сколько воспоминаній“!.. „Оды“ сопровождены латинскими эпиграфами и такимъ общимъ замѣчаніемъ: „кто съ чувствомъ безпристрастія вникнетъ въ духъ нѣкоторыхъ одъ Горація, равно какъ и въ настоящую, такъ сознается, что его философія немногимъ чѣмъ различествуетъ съ философіею нашихъ малороссійскихъ *Пархомовъ*: *фалернское и горилка*—вотъ вся розница“!..

Въ V томѣ того же года (стр. 286—290) напечатана его же малороссійская баллада *„Рыбакъ“* (изъ Гете), подписанная „—й—27 окт. 1827“. Самъ Каченовскій прибавилъ къ переводу очень интересное предисловіе.

„Всякому счастливому произведенію истиннаго таланта желаемъ такого успѣха, какой имѣлъ *Твардовскій*. Безъ предварительныхъ внушеній, безъ посредства слишкомъ ужъ извѣст-

[1]) Т. е. «Плиточка» (см. «Кобзарь» Артемовскаго-Гулака).

ныхъ способовъ втираться въ храмъ славы, баллада любезнаго нашего поэта въ короткое время была напечатана *три раза*. Слышно впрочемъ, что между благосклонными читателями стихотвореній малороссійскихъ есть и неблагосклонные къ сему нарѣчію—хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для славянскаго филолога. Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить, но для другихъ сошлемся на *аллеманскія* стихотворенія покойнаго *Гебеля*, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго (см. его Für Wenige. Для немногихъ. М. 1818). Кажется, позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ прежней Швабіи. Почтенный поэтъ (Гулакъ-Артемовскій), упомянувъ о нѣкоторыхъ особливыхъ побужденіяхъ, заставившихъ его передать на родномъ языкѣ („на языкѣ, почти уже *забытомъ мною*“—пишетъ онъ къ редактору. Прекрасно! Многіе изъ громкихъ словесниковъ, право, не остались-бы въ накладѣ, промѣнявши всѣ сокровища памяти своей на подобную забывчивость) своемъ Гетеву балладу, говоритъ далѣе въ обязательномъ письмѣ къ редактору, что между прочимъ и по влеченію любопытства, захотѣлъ онъ *попробовать*, нельзя-ли на малороссійскомъ языкѣ, передать чувства нѣжныя, благородныя, возвышенныя, не заставляя читателя или слушателя смѣяться, какъ отъ Энеиды Котляревскаго и отъ другихъ, съ тою же цѣлію писанныхъ стихотвореній. Указывая далѣе на нѣкоторыя народныя пѣсни малороссійскія, на пѣсни самыя нѣжныя, самыя трогательныя, онъ, съ благородною неувѣренностію въ успѣхѣ, выдаетъ балладу свою единственно, какъ простой *опытъ*.

Судьба его стихотворенія будетъ рѣшена знатоками и любителями малороссійскаго слова. Намъ остается только поставить на видъ одно обстоятельство: какъ въ *Твардовскомъ* выдер-

жанъ сочинителемъ тонъ *мужеско-гайдамацкій*, такъ здѣсь принятъ имъ *женскій малороссійскій* способъ объясненія".

Въ 1830 г. I (стр. 113—116) помѣщенъ: „урывокъ зъ казкы *Видьма*", подписанный буквой Б. [1]) Авторскія примѣчанія разъясняютъ принятый размѣръ и ставятъ вопросъ объ орѳографіи.

„Размѣръ этой баллады:

⏑ – ⏑⏑ – ⏑⏑ – ⏑⏑ –
⏑ – ⏑⏑ – ⏑⏑ – ⏑

Показанъ размѣръ—можно читать правильно безъ подстрочныхъ знаковъ".

„Касательно *письма* малороссійскаго—quot capita, tot sensus. Г. *Максимовичъ*, въ изданіи малороссійскихъ пѣсенъ (очень невѣрныхъ), слѣдуя *этимологіи* словъ, измѣнилъ выговоръ и затруднялъ малороссіянина въ чтеніи; *панъ Котляревскій*, слѣдуя *самому выговору*, писалъ, какъ произносятъ, но прекрасная Энеида—малороссіянка (думаю, по волѣ писца или типографщика) принуждена была надѣвать русскій *кокошникъ* къ мужицкой *плахтѣ*: какъ не къ лицу! Нѣкоторые, наконецъ, думаютъ, что слова малороссійскія лучше писать по-польски! Съ этимъ (хоть для разнообразія) и я согласенъ. Съ условными знаками поляковъ для *ж*, ь и пр. (безъ ѕ обойтись можно) легко вполнѣ выражается языкъ малороссійскій, со всею его гармоническою точностію—буквами латинскими; притомъ же этимологія несравненно большей части словъ малороссійскихъ—съ польскаго видно будетъ яснѣе". Самъ авторъ, впрочемъ прибѣгъ къ обычному правописанію.

Садылося сонце за сынимъ Днипромъ;
За сонечкомъ вечиръ спускався;
За вечеромъ—ниччу, якъ сывымъ сукномъ,
И поле и лисъ укрывався.

---

[1]) Боровиковскій?

Мижъ хмарамы мисяць тыхенько котывсь,
И на неби звизды займалысь;
А пиняви хвыли Днипровы дулысь
И берегъ высокый лызалы.
Задумалось поле; утыхло кругомъ;
Хиба де собака залае;
Хиба де рыбалка заплеще весломъ
Та хвылею писню спивае;
Хиба де въ рыбалокъ багаття блыщыть,
Та часомъ голосыть сопилка,
Та де-где гадюкою внызъ пролетыть,
Изъ неба зирвавшыся, зирка.
Пидъ Кыевомъ лисъ есть, надъ самымъ Днипромъ,
Нихто нымъ прійты не посьміе,
И сумно въ тимъ лиси, и сумно кругомъ:
Огонь въ нимъ серéдъ ночи тліе;
Щось плаче, мовъ диты, гуде вечиркомъ
И вые щось, мовъ бы собакы;
А що найстрашнище—въ тимъ лиси гниздомъ
Давно завелысь гайдамакы—
Не разъ бородатыхъ давылы купцивъ,
И коней, и крамъ видбиралы;
Не разъ подорожнихъ богатыхъ панивъ,
Якъ лыпку сыру, обдиралы.
У лиси куринь; въ курини—гомитня;
Бурлакы багаття розводять;
Осидлани кони кругомъ куриня
Непутани, попаскы ходять.
На коняхъ розъизжують два сторожи—
Изъ крамомъ купцивъ выглядають;
Ти сучать арканы, ти гострять ножи,
Ти ружжа свои заряжають...
Понурый отаманъ пидъ дубомъ сыдыть
И усы на палець мотае:
Не хоче винъ рады ни съ кымъ роздилыть,—

Нихто іого думкы не знае.
Надходыла пивничъ. Зибравшысь въ кружокъ,
Казокъ гайдамакы казалы:
Про Динъ, про Гаркушу, про гарныхъ дивокъ,
Про парнивъ, що Сичъ боронылы;—
Про злыхъ вовкулакъ; про Твардовського ридъ;
Про мертвыхъ, що челядь лякають;
Про військо московське; про кыевськихъ видьмъ;
Про змій, що до бабъ прылитають...

Одынъ гайдамака.

Есть хатка (sic) пидъ лисомъ—гинъ двое видъ насъ,
Въ ній баба стара прожывае;
Опивничъ до бабы (я бачывъ не разъ)
Коромесломъ змій прылитае.
Ще въ Кыеви жывъ я. Тамъ цилый Подолъ
Про знахарку-бабу городыть,
Про скрыню, про гроши...

Отаманъ.

Я й самъ видглядивъ,
Якъ зъ Кыева вчора вертався
Лужкомъ поузъ хату: якыйсь сатана
Непевный до бабы спускався...
И гроши е въ бабы?

Гайдамака.

Йимъ лику нема—
Якъ въ нехрыста жида.

Отаманъ.

— Ну, диты!
Не лышне-бъ у бабы замкы пидтрусыть,
Та рукы въ калытци погриты...

Ему-же (Б., 20 мая 1829) принадлежитъ переводъ „Два ворона“ Пушкина, размѣромъ подлинника (ib., стр. 185).

Ему-же (Б—й. 1828. Харьковъ) принадлежитъ „Подражаніе Горацію“ (ib., стр. 184—185).

Размѣръ:

⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ –
⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑

Beatus ille etc.

Epod. Car. II.

Щаслывый въ свити той, хто такъ уміе жыть,
Якъ наши прадиды жывалы:
Воламы риднымы дидивскый степъ кроить,
Довгы затылка не згыналы,
Не клыче барабанъ впивничъ на розбыття,
На море човна не спускае,
Не тягне брата въ судъ; чупрыною смиття
Съ порогивъ панськыхъ не змитае;
А хто на хутори розсажуе садокъ,
Доридни вышенькы кохае,
И ножыкомъ крывымъ до яблуньокъ, грушокъ,
Спылывшы, ризочкы счищяе;
Розлигшысь на трави, въ сопилочку сурмыть
И за воламы поглядае;
Або изъ сцилныкивъ въ лыпянку медъ сочыть,
Зъ овечокъ вовныцю зстрыгае;

Або, якъ блидную покаже Осинь тварь,
И спила овощъ пожовтіе,
Винъ трусыть яблука и сушыть на узварь,
Та на зиму озыме сіе;
Або, розлигшысь, спыть мидъ дубомъ на трави;
Пидъ бокомъ ричечка лепече,
Въ левади писеньокъ спивають косари,
И соловеечко щебече;
Або, якъ пидъ Риздво прытрусыть землю снигъ,
Ричкы морозець постынае,
Забравшы парубкивъ, за поясъ взявшы ригъ,
Съ собакамы вовкивъ ганяе;
Або, роскынувшы здрадлыви тенета,
Кругомъ пролиска обставляе,
А тамъ зъ усихъ краивъ крычать: га—ту! га—та!—
И заець въ ситку застрявае...
И на ничь для зайцивъ винъ ситку заставля
(И все сусидови безъ шкоды)...
А блысне зирочка—винъ зъ добыччу чвала
До жинкы, дитокъ, до господы.
Винъ тилко що на двиръ, а жинка на порыгъ,
Іого изъ радощу вытае,
Вечеря на столи, а дитвора, якъ рій
На матку, батька обсидае.
Якъ смачно на печи, забравшысь на черинь,
Писля охоты видпочыне!
Якъ завтра весело покыне свій курынь
И знову до роботы кыне!

По словамъ И. Кирѣевскаго, для русскихъ писателей конца 20-ыхъ годовъ Мицкевичъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ „властителей думъ“. О силѣ его вліянія свидѣтельствуетъ громадное количество переводовъ и подражаній.

Это увлеченіе передалось и малорусскимъ писателямъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1830 (I, 72—73) напечатанъ „малороссійскій переводъ изъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича *Акерманьски степы*“ Ш. (Шпигоцкаго?).

Напливъ я на розлигъ сухого океяну,
Ныряе въ зильи визъ и, мовъ межъ хвиль човнокъ,
Плыве межъ пойныхъ лукъ по келему квитокъ;
Минаю острови зелены я бурьяну.
Смеркае вже; нигде ни шляху, ни кургану;
Шукаю шляховыхъ на неби я зирокъ.
Гень, блысь! Чи хмара то? то зироньки свитокъ?
Ни! то синіе Днистръ—то свитло Акерману.
Пождимъ... Якъ тихо все! Я чую журавливъ;
А ихъ ключа бъ не вздривъ бачнійшій зъ соколивъ
Я чую, якъ въ трави метеликъ колыхнется,
Якъ гадына слизька до зилья доторкнется.
Въ тиши сей слухаю такъ пильно, занимивъ,
Що зъ родыни бъ чувъ гукъ. Нихто не откликнется!

Тамъ-же (стр. 177—183) помѣщенъ и „Фарысь, зъ Мицкевича“, переводъ Л. Боровиковскаго (съ помѣткой *Іюля 1829. С. Милютки* и примѣчаніемъ переводчика:

„Размѣръ:

$$\cup(\cup) - \cup\cup - \cup\cup - \cup\cup - (\cup) \text{ и пр.}$$
$$- \cup - \cup - \cup - \cup (\cup) \text{ и пр.}$$

Этотъ размѣръ болѣе приближается къ подлиннику... и, можетъ быть, *только этотъ размѣръ*... Что-жъ дѣлать? Мицкевичъ неподражаемъ, тѣмъ болѣе на ограниченномъ нарѣчіи Малороссіи“.

Якъ човенъ веселый, видчалывшы въ море,
По сынимъ крыштали за витромъ летыть

И веслами воду и пинырь, и дре,
Лебежею шыею въ хвыляхъ шумыть:
Такъ дыкый Арапъ, поводы видпустывшы
Коню вороному, въ пустыню бижыть;
Кинь шибкый, копыты въ писку потопывшы,
Якъ крыця горяча въ води, клекотыть.
Вже кинь мой по морю сухому ныря
И хвилю писчану грудьмы ростына,
Далше—глыбше, далше—глыбше,
Въ гору курява выхрыть;
Далше—выще, далше—выще,
По-надъ пылью кинь летыть.
Мій кинь вороный такъ якъ хмара литае,
И лысина въ лоби—якъ зъ мисяца ригъ,
И шовкова грыва по витрови мае,
Кругомъ блыскавкы роскыдае зъ-пидъ нигъ.
Мчы, литавче билоногый!
Лисъ и горы—причъ зъ дорогы!
Дармо мене пальма въ поли
Жде зъ шышкамы й холодкомъ.
Утикаю я по воли—
Пальма скрылася зъ стыдомъ
И въ повитри утонула
И шелестомъ лысця зъ гинця усмихнулась.
Тамъ скалы—понура сторона пустынь—
Пиддержують неба кинци головою [1])
И дражнять, що гупа копытамы кинь,
И сварятця слидомъ за мною:
„О невигласъ! де винъ гонырь—
Тамъ видъ сонця весь скыпыть;
Де пискамы кинь летыть,
Головы тамъ не прыклонырь

[1]) Прим. переводчика: «въ подлинникѣ этотъ стишокъ:
Dziką na Bednina poglądają twarzą».

Пидъ шатеръ середъ пустынь—
Небо тамъ шатеръ одынъ.
Тилько скалы тамъ ночують,
Тилько звизды тамъ кочують".
Витеръ свару розимчавъ;
Я присвыснувъ—кинь помчавъ.
Глядь назадъ—понуры скалы
Вси видъ мене повтикалы:
Довгымъ рядомъ въ степъ бижать,—
Слызлы—слиду ихъ не знать.
Гракъ, почувшы, що сваряця горы, гадае,
Що въ пустыни коня й бедуина піймае,
И, розправывшы крыла, погнався гинцемъ—
Трычи голову чорнымъ обвивъ обручемъ [1]):
„Чую", кракнувъ, запахъ трупій,
Самъ ты глупый, кинь твій глупый!
Хочъ найты въ пискахъ дорогы,
Хоче паши билоногый—
Лышня праця: хто зайшовъ,
Не выходыть видсилъ зновъ.
Симъ шляхомъ витры блукають,
Слидъ пискамы замитають.
Травъ лука ся не несе,
Ся лука гадюкъ пасе.
Тилько трупы тутъ кочують(?)—
Тутъ тилько гракы кочують".
И крачачы когти на мене справлявъ;
Зъ гракомъ мы зглянулысь око на око—
Хто-жъ злякався? Гракъ злякався и порвався высоко.
Я хотивъ накарать и майданъ напынався
И очыма грака я слидывъ за собою—
Гракъ мій чорною плямкою въ витри повысъ:

---

[1]) Примѣч. переводчика: «блыже—трычи голову чорнымъ окынувъ винцемъ».

Показавсь горобцемъ, и жукомъ и бжолою,
А дали въ повитри цилкомъ ростопывсь.
Мчы, литавче билоногый!
Скалы и гракы—зъ дорогы!
Я оглянувсь—ажъ зъ Заходу хмара летыть
На крылахъ шырокыхъ по сыньому склепу:
Въ неби хмара гинцемъ такъ хотила прослыть,
Якъ литавъ воронымъ я по степу,—
И завысла надо мною,
„Зъ витромъ свыснула враждою:
О невигласъ! тамъ тоби
Спека груды вси ростопыть,
Дощыкъ зъ хмары не окропыть
Курявы на голови.
Джерело въ пику степовымъ
Не озвеця срибнымъ словомъ.
Росу тамъ—къ земли не ссяде—
Вльотъ голодный витеръ краде".
Дармо, дармо лякае; я мчусь по пискахъ;
Хмара, мовъ занудывшысь по небу слоняе,
Нызче голову склоняе
И застряла на горахъ.
А ще разъ якъ хмару очыма я скынувъ—
Ьии за всимъ небомъ позаду покынувъ:
Що въ серци ховала—я бачывъ въ очахъ:
Обимлила, счервонила
И видъ злосты поблиднила—
А дали счорнила, якъ трупъ, и сховалася въ горахъ.
Мчы, литавче билоногый!
Гракъ и хмары—причь зъ дорогы!
Око небо обвело;
Я оглянувсь коло себе:
Ни въ пустыня, ни на неби
Вже никого не було.
Мервый степъ—и свитъ наставъ—

Людськыхъ нигъ не циловавъ.
Все тамъ сномъ мертвецькымъ спыть,
Якъ звирякъ ватага дыка
Не боитця, не бижыть,
Вперше вздривши чоловика.
Мій Боже! Тутъ я вже не перший! Въ пискахъ
Чи люды, чи видьмы въ степу бованіють?
Чи бродять, чи добычи ждуть тамъ въ горахъ?
Ьиздци вси, якъ снигъ, и ьихъ кони биліють!
Прыбигъ—вси ни зъ мисця; гукнувъ—вси мовчать!
То—кисткы:
Стародавня каравана
Витромъ зъ пи́скивъ выгрибана.
На шкилетахъ верблюжыхъ—зъ людей маслакы:
Въ ямы, де лежалы очи,
Въ голи щокы, мижъ кистокъ,
Буйный витеръ пи́скы точыть...
И ворожыть той писокъ:
„Бедуине ошуканый!
Де летышъ—тамъ гураганы!“
—„Не боюсь!“ Кинь мчытся вскокъ.
Мчы литавче билоногый!
Видьмы, гураганъ—зъ дорогы!
Гураганъ, старшый братъ зъ афрыканськыхъ выхривъ
Середъ степу гуля, середъ жовтыхъ пискивъ:
Мене зуздривъ здалека—и ставъ оглядаты,—
Вертячыся на мисти, соби зашумивъ:
„Що за выхорь летыть?.. Зъ моихъ меншыхъ бративъ,
Мабудь, вырвавсь, никчемный, писокъ розмитаты...
Якъ посьмывъ винъ мое дидивськé розсыпаты?
Заревивъ—и до мене горою порвавсь,
Зблидъ, посынивъ, що я не втикавъ, не злякавсь;
Землю рывъ, писокъ сыпучый,
Всю Арапію измучывъ
И, якъ грыпъ-птахъ, мене зъ вороного зирвавъ:

Виддыхомъ огнистымъ палыть,
Кыда вверхъ, объ землю бье,
Крутыть, рве, писокъ шпуе.
Вырвавсь я, борюся смило,
Рву, кочкомъ писокъ несу,
Роздыраю іого тило
И зубамы мну, грызу.
Гураганъ зъ моихъ рукъ хотивъ въ небо втекты—
Та не вырвавсь: въ пивтила зирвався и рунувъ
И писщанымъ дощомъ мене зверху облывъ,
Але лигъ биля нигъ моихъ валомъ—и лунувъ.
Виддохнувъ я! На звизды тоди поглядивъ,
И все небо якъ разъ зототымы очыма
Зрило все на бедуина,
Бо причь мене нихто на земли тамъ не жывъ.
Якъ то любо по воли дохнуты грудьмы!
Виддохнувъ я такъ шыроко,
Що повитря въ Арбыстани
Ледве на виддышку стане.
Якъ то любо поглянуть очыма всимы!
Росписторлось мое око
Такъ далеко, такъ шыроко,
Що бильшъ свита засяга,
Нижъ—якъ небо заляга.
Якъ то любо розкынутця середъ степивъ!
Я роскынувся тиломъ и рукы рознявъ,
И, здаетця, свитъ зъ зходу на захидъ обнявъ:
Моя думка въ повитри литае и рветця
Выще, выще и выще—ажъ въ небо несетця.
Якъ бжола топыть зъ жаломъ кинець животивъ,
Такъ я зъ думкою й душу у небо втопывъ.

Въ VI томѣ „Вѣстника Европы“ 1822 Каченовскій помѣстилъ нѣсколько „малороссійскихъ анекдотовъ“ (стр. 61—68 и 157—162). Имъ предпосланы два коротенькія предисловія редактора.

„Нарѣчіе малороссіянъ является уже не только въ книжкахъ печатныхъ, но и на сценѣ въ обѣихъ столицахъ. [1]) Желательно, чтобы малороссіяне говорили намъ дѣйствительно своимъ языкомъ— напримѣръ, какъ въ сихъ анекдотахъ“. „Подобные анекдоты разсказываются самими малороссіянами въ досужное время и единственно для невинной забавы. Что говорится о *лицахъ особенно*, то никакъ не можетъ относиться къ цѣлому народу или къ званію. Есть, конечно, люди, которые о многомъ судятъ по своимъ собственнымъ догадкамъ и подозрѣніямъ, но за то есть и другіе, умѣющіе цѣнить *безвредную* занимательность правдоподобнаго веселаго разсказа. Сіи послѣдніе, какъ мы думаемъ, были бы отмѣнно довольны, когда бъ случилось имъ найти гдѣ-нибудь въ журналѣ искусно предложенное сказаніе, напр., о козакахъ (задолго передъ симъ), приходившихъ въ Петербургъ жаловаться на помѣщика Кулябку“.

Считаемъ нужнымъ привести эти анекдоты, представляющіе ранюю и, кажется, первую запись произведеній малорусскаго народнаго юмора. Нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются намъ впервые, другіе даютъ интересныя версіи общеизвѣстныхъ разсказовъ.

1.

Лаврин ъ вывезъ на торгъ продать мѣшокъ муки съ тѣмъ, чтобы за вырученныя деньги купить нужное для дома. Остановившись на площади въ городѣ среди множества людей, онъ рѣшился не вставать съ воза, весьма прилежно караулить свой товаръ и глазъ съ него не спускать, ниже ни на секунду Подходитъ одинъ служивый, посматриваетъ на продавца, на мѣшокъ

[1]) Намекъ на «Козака-стихотворца» кн. Шаховскаго?

съ мукою, поглаживаетъ его, пошевеливаетъ. Лавринъ бормочетъ про себя: „*одже не думае купыть, а хоче вкрасты*“. Служивой, видя, что хозяинъ, уставивши на него большіе глаза, спокойно, впрочемъ позволяетъ осматривать товаръ свой, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ къ себѣ на плечо и удаляется тихимъ шагомъ. Лавринъ, между тѣмъ съ лукавою усмѣшкою говоритъ себѣ: „*Вражій сынъ думае, що я не бачу, якъ винъ краде. Бачъ, взявъ! А ну, а ну! Бачъ, пишовъ! Одже и вкравъ!*“ Когда служивый скрывался въ толпѣ народа, нашъ Лавринъ привсталъ на телѣгѣ и смотрѣлъ вслѣдъ за проворнымъ служивымъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся. Тогда Лавринъ сказалъ въ отраду самъ себѣ: „*Уже сказано, уже колы не купе, то вкраде. Вже-жъ я и дывывся—такы прыйшовъ, та такъ такы и вкравъ. А ну, сынку, впрягай волыкивъ, поидмо до-дому!*“.

2.

Стеха, пожелавъ имѣть новый *очипокъ*, сказала мужу: „*чы знаешъ, що Денысе? Повезы лышень завтра на базаръ хвастку маслычка, що я за Петривку прыдбала*; *продай його, та купы мени очипокъ, та ще чого треба, то солы, то тарани, то ще чого знаешъ. Та гляды пыльненько, щобъ не вкралы, яка у нашого кума Лаврына муку. Гляды та й гляды, а то, колы вкрадуть, далеби усю потылыцю обирву тоби. Уже ты знаешъ мене, що я не збрешу. Впрягай воливъ. Отъ хвастка, поганяй. Та гляды-жъ!*“—„*Не бійсь, не вкрадуть*“, отвѣчаетъ Денисъ, кладетъ кадочку на телѣгу и отправляется въ городъ. Тамъ отпрягъ воловъ, купилъ дыню и для безопасности садится на кадочку съ масломъ. Явились охотники посмотрѣть, а, можетъ быть, и купить товаръ Денисовъ, но нашъ Денисъ ни съ мѣста. Кушаетъ свою дыню со скорлупою, сокомъ запиваетъ (такъ многіе лакомятся въ Малороссіи) и на всѣ вопросы, что у него продается, вяло отвѣчаетъ: „*масло!*“.—„*Покажи!*“.—„*Отъ такъ, щобъ укралы! Наперед купы, то тоди и встану.*“ Разумѣется, что покупщики оставили его; но другіе проворные

хитрецы всячески увивались около Дениса. Тщетно! продавецъ нашъ сидитъ на кадкѣ и бодрствуетъ.

Наконецъ, уже почти къ вечеру, подошелъ къ нему одинъ служивой; всматривается и восклицаетъ: здорово, пріятель!

Денисъ. Здоровъ.

Служивой. Узналъ ты меня?

Денисъ. Ни.

Служ. Какъ не узналъ! Да я у васъ въ прошломъ годѣ въ деревнѣ съ командою стоялъ.

Денисъ. Де?—щобъ то у насъ у Куликовци?

Служ. Такъ, тамъ, пріятель! У васъ у Куликовки стоялъ.

Денисъ. Та брешешъ! У насъ зъ роду постою не було, а то, колы хочъ тымыты, такъ то у Тернивци стоялы биля нашои слободы недалеко.

Служ. Тьфу пропасть, я все ошибаюсь! Такъ точно! Я у тебя часто въ гостяхъ бывалъ и лавренички ѣдалъ.

Денисъ. Може й такъ, Ходывъ одынъ москаль, такъ той тилько бувъ молодшій, та й дуже молодшій!

Служ. Эхъ, братъ! Кого служба молодитъ? А братъ твой дома? Здоровъ?

Денисъ. Се бъ то Серіога? Здоровъ!

Служ. Такъ, онъ, онъ! Жаль мнѣ его! Охъ!

Денисъ. А що тамъ таке?

Служ. Наборъ, братъ, есть. Меня капитанъ послалъ съ мѣрою вездѣ набирать, а Серіога выйдетъ въ мѣру.

Денисъ. Та вже Серіога и старый.

Служ. Такъ что-же? Старички-то теперь и понадобились.

Денисъ. Та винъ горбатый и малый—ище нижче мене.

Служ. Какое нижче? Вотъ мѣра—какъ разъ выйдетъ, хоть и ниже тебя. Вотъ смѣряй!

Служивой приставилъ къ нему на телѣгу мѣру; Денисъ поднялся, примѣривается, вытягивается, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ ниже мѣры; служивой удивляется, что почиталъ Серіогу годнымъ въ рекруты, и уходитъ. Денисъ, проводивъ его глазами, хотѣлъ было сѣсть по-прежнему, но кадки съ масломъ не стало. Огорченный продавецъ запрягъ воловъ своихъ и поѣхалъ домой.

Стеха, встрѣтивши мужа, спросила: *А що, чы купывъ очипокъ? очипокъ купывъ?* Денисъ отъ горести и стыда безмолвствуетъ. Наконецъ, жена спросила: *мабудь забувъ?*

Денисъ. Ни.

Стеха. Ну, такъ загубывъ?

Денисъ. Ни,

Стеха. Ну, такъ украды.

Денисъ. Кажу тоби, що ни.

Стеха. Маслычко-жъ де?

Денисъ. Нема.

Стеха. А що? украды?

Денисъ. Але! лыха украды! Весь ранокъ ходылы, та не вкрады, и съ пивдня прыходылы, та такы не вкрады, та же насылу-насылу къ вечеру...

3.

Крымскіе татары дѣлали набѣги на пограничныя селенія слободскихъ полковъ даже въ мирное время, неоднократно разоряли деревни, уводили съ собою жителей со всѣмъ, со скотомъ и имуществомъ. Напуганные обыватели, при малѣйшемъ шумѣ, для нихъ подозрительномъ, покидали дома свои, крылися, кому гдѣ можно было, оставляя все имущество на произволъ злодѣевъ. Въ одномъ селеніи вдругъ раздался крикъ: *Татарва, татарва!* Всѣ бросились въ лѣса, въ сады и куда глаза глядятъ. Въ одномъ семействѣ одинъ изъ братьевъ спрятался подъ мостикъ, другой—въ саду вскарабкался на грушу, третій-же, отъ безпечности, или желая спрятать *батькову скрыньку* отъ татаръ подальше, хлопоталъ у себя въ хатѣ. Вдругъ слышитъ онъ у самыхъ уже дверей голоса татарскіе. Что дѣлать бѣдному *Миколѣ*? Куда въ избѣ спрятаться? Одно убѣжище—на печи. Засѣвши тамъ, съ горестью смотрѣлъ онъ, какъ сіи хищники вездѣ шарили, все забирали, укладывали. Вотъ они уже вышли. Бѣдный Микола началъ было оживать и уже прислушивался къ исчезающему шуму, какъ вдругъ снова вбѣгаетъ одинъ татаринъ—ни съ чѣмъ болѣе, какъ напиться воды, которую онъ замѣтилъ въ хатѣ.

Микола опять безъ души, но увидѣвъ, что татаринъ пьетъ смирно, пріободрился и не утерпѣлъ, чтобы не сказать обыкновеннаго при семъ случаѣ комплимента: *здоровъ пывъ*! Татаринъ, не понимая привѣтствія, бросился на печь, связалъ арканомъ бѣдному Миколѣ руки и потащилъ его къ своимъ товарищамъ. Сидѣвшій подъ мосткомъ, увидѣвъ, что брата его ведутъ злодѣи, не выдержалъ и закричалъ въ свою очередь: *Прощай, Миколо!* Тотчасъ схватили и этого. Только лишь управилися съ ними, какъ третій братъ, смотрѣвшій на грушѣ и видѣвшій все происходившее, вздумалъ ихъ пожурить и въ свою очередь воскликнулъ: „*чого було вамъ дурнымъ витзываться?*“. Не нужно сказывать, что и его татаре не оставили дома.

4.

Одинъ малороссіянинъ, полтавскій житель, за вѣрное въ своемъ кругу разсказывалъ: „якъ дойшовъ Бонапартъ до Москвы, тай хотивъ було тамъ зимовать; ажъ ось бижыть гонець: Динци рушылы! А винъ тилько усомъ моргонувъ (Бонапартъ !). Дали другый прыбигъ, що вже козацтво (вообще малороссіяне) настыга! Бонапартъ каже: нехай ихъ; намъ тутъ тепленько! Ажъ ось бижить третій: Полтавци рушають!—Тоди вже баче, що не перелывкы—засумовавъ! тай каже: ге-гей, хлопци! бида! щобъ не було намъ того, що й шведови!—Якъ гляды завтра, чуть маленькій свитокъ, и побиглы, не оглядаючысь. А вармія въ Москву А то бъ воны, пожалуй, и довгенько тамъ бы панькалысь!“

5.

Одинъ путешественникъ увѣрялъ, что онъ не находилъ ничего глупѣе, какъ *хахлы*. Въ примѣръ сему разсказывалъ, что, въѣхавъ въ одно малороссійское селеніе поздно вечеромъ, искалъ постоялаго двора, и гдѣ ни спрашивалъ, вездѣ слышалъ одинъ отвѣтъ: „ни, нехай Богъ мылуе!“

Потерявъ терпѣніе путешественникъ началъ въ первой избѣ просить ночлега.—„*Та для чого? Можно! паняйте съ двиръ!*“

Вотъ, наконецъ, нашли пристанище и въѣхали.—„Мужичокъ! нѣтъ-ли у тебя продажнаго сѣна и овса?“—„*Нема, нехай Богъ мылуе! се не постоялый двиръ, а іе тамъ у садочку, то нехай хлопци ваши наберуть, скилько имъ треба.—Геге! послухайте: тамъ стоитъ велыкій стигъ, то съ того не беритъ, бо сино осоковате, а биля іого маленькій, копычокъ съ пьятнадцять, то того наберите*“. Люди пошли и набрали сколько имъ надобно было.—А овсеца нѣту? спросилъ проѣзжій.—„*Та іе и овесъ. Нехай хлопци пійдуть въ комору, та и наберуть, а я вже далеби самъ не пиду, бо за день утомывся*“. Сколько-же мѣрокъ взять?—спросили его.—„*Э, голова! Та беры, скилько треба: уже не впхаешъ конямъ въ горло лышніого. Нехай идять, скилько треба*“. Людямъ также поставили добру миску борщу, каши *та варениковъ полумысокъ*. На завтрашній день *глупой хахолъ* сказалъ проѣзжему: „*Одже, пане, я пиду у лисъ, а жинка до конопливъ, тилько диточкы остаются—то якъ будете выизжаты, то нехай ваши хлопци позачыняють хату и ворота!*“—А деньги кто возьметъ? „*Яки?*“—А за квартиру?—„*Та що за недобра маты! Хиба се постоялый, а бо що? Мы симъ не торгуемо, той грошей вашыхъ не треба.*“—Такимъ образомъ, не смотря ни на какія убѣжденія, по словамъ сего путешественника, *глупой хахолъ* не взялъ ни копѣйки ни за квартиру, ни за кормъ людей и лошадей.—И это приписываютъ глупости! Хорошо, какъ бы такихъ глупцовъ поселить *поболье* по столбовымъ дорогамъ!!

6.

Чумаки съ фурами пришли въ Москву. Сдавъ клажу по принадлежности, два товарища пошли бродить по городу. *Потапъ такы бувавъ на Москви уже не разъ*—вотъ онъ и повелъ Охрима съ собою смотрѣть всѣ диковины. Подошли къ Ивану Великому.—„Дывись бра! дзвиныця! ще выща, нижъ у Куряжи (въ просторѣчіи такъ называется Старо-Харьковскій монастырь заштатный). А галкы, галкы! тай до пропасти ихъ! Одна ихъ, дви ихъ, тры...“ Гдѣ ни взялся удалая головушка служивый, который уже давно ходилъ вслѣдъ за чупрунами,

чтобы отъ нихъ чѣмъ-нибудь поживиться. Подбѣжалъ и грозно спрашиваетъ: Хахолъ! что ты считаешь?—„А щіо, галокъ!“—Сколько насчиталъ?—.,*Та... ваше благородіе, ище тилькы шисть*“.—Давай-же шесть рублей.—„Іо? За вищо се?“—Велѣно отъ команды: сколько кто галокъ насчитаетъ, за каждую брать по рублю штрафу.—„Отце-жъ лыхо! Господы! служивый! та чы не можна половыны?“—Молчи, безмозглой! Давай поскорѣе шесть рублей, а не то въ тюрьму!—Нечего Потапу дѣлать: вынимаетъ мошну и робко отсчитываетъ деньги. Только лишь скрылся служивый, какъ вдругъ нашъ заѣзжій отводитъ удивленнаго товарища въ сторону (къ стѣнѣ Кремлевской, между консисторіи и сената) и разсказываетъ ему съ удовольствіемъ человѣка, обрадованнаго неожиданною удачей: „*Охрыме, я одурывъ: я насчытавъ двинадцять галокъ, а іому сказавъ, що тилькы шисть, а винъ, мовъ дурный, повирывъ, та шисть рубливъ узявъ*! Похохотавши довольно долго надъ оплошностью служиваго, Охримъ промолвилъ: *не безъ розумныхъ людей таки и у нашому народови*.

7.

На Крымской границѣ, въ одномъ селеніи, находилась отдѣльная команда для содержанія карауловъ. Начальнику велѣно было имѣть при себѣ также и сотню тогдашнихъ козаковъ малороссійскихъ. Важнѣйшіе посты охранялись армейскими; козакамъ-же поручена была большая дорога. Въ предосторожность отъ чумы, всѣ обозы, идущіе изъ Крыма въ Россію, должны были въ семъ пунктѣ поворачивать въ сторону на пять верстъ къ учрежденному карантину. Несмотря на карантинъ, обозы шли безостановочно мимо козаковъ, и начальникъ всей команды долженъ былъ затрудняться препровожденіемъ обозовъ сихъ въ обратный путь и къ карантину. На взысканіе его козаки отвѣчаютъ: „*що-жъ! мы-бъ и радныши не пускать, такъ не сыла на нашому бекетови*“. Прибавили имъ еще смѣну козакокъ, все тоже.

Наконецъ, являются къ начальнику нѣкоторые изъ козаковъ съ объясненіемъ. „Вже-жъ мы ихъ не пускаемъ, вже и просымо и лаемо, такъ такы народъ такый, такъ и лизе! Та ще

въ очы сміются! Будьте ласкави, дайте хочъ зъ пару салдатъ, а то безъ ныхъ далеби ничого не зробымъ". Какъ ни строгъ былъ начальникъ, но, позабавившись простодушіемъ сихъ неопытныхъ своихъ подчиненыхъ, для пробы послалъ къ нимъ шесть солдатъ русскихъ. Новые товарищи не долго думали: поставивъ ружья въ пирамиду среди дороги, сами подсѣли къ *галушкамъ съ саломъ*, которыми на ту пору, по обыкновенію, козаки утоляли свой голодъ. Только лишь обозъ приближался, вдругъ солдатъ, выдавшись изъ кучи обѣдавшихъ козаковъ—своихъ товарищей, закричалъ: „не ѣзди, караулъ сломаешь!" И обозъ постепенно удалился въ сторону. Начальникъ, видя, что все пошло исправно, спрашивалъ солдатъ, научили-ли они малороссіянъ караулить.—„*Позвольте еще, ваше высокоблагородіе, поучить ихъ съ недѣльку*!" сказалъ одинъ, который былъ отважнѣе прочихъ: „*хотя козакъ та и простоватъ, да галушечки его съ сальцемъ вкусны*".

Вл. Каллашъ.

Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ. [1]

Полтавскій институтъ открытъ 12 декабря 1818 года по мысли жены малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина, Варвары Алексѣевны.

Княгиня В. А. Репнина была дочь министра народн. просвѣщенія графа Разумовскаго, при которомъ были открыты многія учебныя заведенія въ Россіи; сама она, до переѣзда въ Полтаву, была предсѣдательницею не задолго передъ тѣмъ основаннаго петербургскаго женскаго благотворительнаго общества, вотъ почему и понятно, что когда князь Н. Г. Репнинъ былъ назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ въ 1816 г., то 17 января 1817 г. предложено было собранію дворянства Полтав. г. губернскимъ маршаломъ маіоромъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Данилевскимъ выслушать „полученный имъ отъ лица, исполненнаго духомъ истинной благотворительности, проектъ и объяснительную къ нему записку объ учрежденіи въ Полтавѣ *дворянскаго благотворительнаго для дѣвицъ института*“. Проектъ состоялъ изъ 25 § и опредѣлялъ цѣль учрежденія института, составъ управленія, правила пріема и выпуска дѣвицъ съ краткимъ перечисленіемъ предметовъ обученія.

---

[1]) Составл. по документ. архива Полтавскаго института.

Основная цѣль института состояла въ воспитаніи на счетъ дворянскаго сословія 15 бѣднѣйшихъ дѣвицъ, по одной изъ каждаго повѣта губерніи, съ предоставленіемъ маршаламъ ихъ выбора, и въ доставленіи дворянамъ удобнѣйшихъ способовъ къ образованію дочерей за умѣренную (500 р. въ годъ) плату. Предполагалось дѣвицъ 1-го разряда принимать изъ фамилій, доказавшихъ дворянство; а своекоштныя могли быть и купеческаго сословія двухъ первыхъ гильдій, но всѣ онѣ должны быть христіанской религіи.

Управленіе дѣлами института предполагалось возложить на совѣтъ изъ дворянъ и въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателя, двухъ членовъ, казначея и письмоводителя. Совѣтъ этотъ „никому частно не даетъ отчета и лишь ежегодно даетъ его обществу при публичныхъ актахъ въ институтѣ, а потомъ публикуетъ его черезъ напечатаніе и сообщаетъ дворянскому собранію". Опредѣлялось испросить всемилостивѣйшаго соизволенія Императрицы на принятіе учрежденія, какъ „образовавшагося изъ дѣйствій патріотическихъ чувствъ", подъ высочайшее покровительство.

О пріемѣ дѣвицъ въ запискѣ сказано: установить его на основаніи правилъ, дѣйствующихъ въ институтахъ: въ число воспитанницъ принимать дѣвицъ 8—10 лѣтъ, а въ число пансіонерокъ 9—12 л; для первыхъ обязательный курсъ обученія 9-ти лѣтній, съ выпусками черезъ каждые 9 лѣтъ; что же касается вторыхъ, то время ихъ поступленія, воспитанія и выпуска изъ заведенія предоставляется на волю родителей.

Собраніе дворянства по прочтеніи проекта и записки опредѣлило того же 17 января: 1) проектъ утвердить за исключеніемъ ст. о предсѣдателѣ совѣта и 2-хъ его членовъ, 2) на устройство и сохраненіе института пожертвовать по 50 к. съ души принадлежавшихъ каждому владѣльцу крестьянъ, внеся эту плату въ двухгодичный срокъ, 3) просить княгиню В. А. Репнину принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ съ правомъ избранія ею 2-хъ членовъ женскаго пола и 4) настоящій актъ представить на благоусмотрѣніе малороссійскаго военнаго губернатора.

Князь Репнинъ немедленно далъ ходъ дѣлу, и 20-го февраля состоялся журналъ комитета министровъ, которымъ 1) дозволялось дворянству полтавской губ. приступить къ учрежденію въ Полтавѣ института, 2) пожертвованія дворянства принимать не по числу душъ крестьянскихъ, а по мѣрѣ усердія и возможности каждаго дворянина, и 3) просьбу дворянъ о принятіи Императрицею института подъ высокое покровительство представить на высочайшее соизволеніе. Государь Императоръ утвердилъ первые два пункта, а относительно послѣдняго повелѣлъ представить на утвержденіе тогда, „когда самое заведеніе приметъ свое начало и содержаніе его обезпечится".

Кн. Репнинъ увѣдомилъ дворянъ о монаршемъ одобреніи, приложилъ и копію письма къ нему министра юстиціи Д. П. Трощинскаго, который, какъ дворянинъ Полт. губ., „готовъ выполнить предположеніе о взносѣ слѣдующей съ него суммы по числу имѣнія и увеличить ее по своему желанію". Въ тоже время кн. Репнинъ обратился съ письмами къ разнымъ владѣльцамъ въ губерніи, или изъ знатнѣйшихъ фамилій, или извѣстныхъ по своей образованности. Большинство ихъ отозвалось съ полнымъ сочувствіемъ, а въ числѣ ихъ первый—маршалъ вновь открытой Полт. губ. Семенъ Михайловичъ Кочубей въ письмѣ къ княгинѣ отъ 24 авг. 1817 г. жертвуетъ принадлежащій ему въ Полтавѣ домъ со всѣми строеніями и землей и проситъ княгиню располагать его домомъ, какъ одною изъ ея собственностей, опредѣленныхъ ею „для человѣколюбивыхъ упражненій".

Сборы на институтъ поступали къ повѣтовымъ маршаламъ, и къ дворянскимъ выборамъ 3 января 1818 г. исчислялось всей жертвуемой суммы приблизительно отъ 150 до 175 т. р. На этихъ же выборахъ былъ пересмотрѣнъ первоначальный проетъ института, измѣнены и дополнены нѣкоторыя статьи, а 12 января и утверждены дворянствомъ: 1) учрежденіе, т. е. „положеніе о благотворительномъ для дѣвицъ въ Полтавѣ институтѣ", 2) штатъ его и 3) правила для выбора 15 воспитанницъ по повѣтамъ. Въ этомъ же собраніи дворянство постановило пригласить кн. Репнину къ принятію званія попечительницы института, а 15

января поручили избранному въ члены совѣта института надворному совѣтнику Левенцу „принять въ свое вѣдѣніе какъ собранныя уже повѣтовыми маршалами пожертвованныя суммы, такъ и долженствующія поступить, и вести счетъ приходу и расходу по распоряженіямъ попечительницы". Левенецъ принялъ по вѣдомости 36187 р. 12 к., а 4 апрѣля 1818 г. совѣтъ института открылъ свои дѣйствія. Онъ состоялъ изъ кн. Репниной, маршаловъ: губернскаго Чарныша, уѣзднаго—Левенца, и приглашенныхъ княгинею—В. В. Капниста, М. Н. Новикова и С. М. Кочубея. Совѣтъ ассигновалъ 10 т. р. и поручилъ Левенцу приспособить для института подаренный Кочубеемъ домъ; попечительница приняла на себя приглашеніе служащихъ лицъ женскаго пола, и сдѣлано распоряженіе объ увѣдомленіи маршаловъ, что совѣтъ функціонируетъ, и потому, чтобы всѣ пожертвованія и направлялись къ нему. Домъ Кочубея былъ приспособленъ къ сентябрю 1818 г. Съ 1 октября вступили въ должность 4 классныя дамы, а 1 ноября и директорша института Реньи, вызванная изъ Парижа. 12 декабря—въ день рожденія Государя—состоялось торжественное открытіе института въ присутствіи всѣхъ виновниковъ учрежденія, дворянства и властей. На этомъ торжествѣ было: 15 воспитанницъ общественнаго иждивенія, 4 пансіонерки кн. Репниной и одна своекоштная. Черезъ три дня послѣ открытія института совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ постановилъ: „такъ какъ институтъ открытъ и содержаніе его уже обезпечено значительною суммою, то—вмѣняя въ обязанность себѣ удовлетворить намѣреніямъ благороднаго дворянства—приступить нынѣ къ принесенію всеподданнѣйшаго прошенія Ея Имп. Величеству объ удостоеніи его Всеавгустѣйшимъ Ея покровительствомъ". Рескриптомъ 28 іюля 1819 г. на имя кн. Репниной Имп. Елизавета Алексѣевна изъявила свое согласіе на просьбу совѣта.

Послѣ открытія института стало дѣйствовать „Учрежденіе", по которому управленіе института ввѣрено было: 1) попечительницѣ института и 2) совѣта. Права и обязанности попечительницы были таковы: она предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и имѣетъ

два голоса при рѣшеніи вопросовъ объ управленіи институтомъ, объ его капиталѣ, постройкѣ зданій, обезпеченіи воспитанницъ по окончаніи образованія; кромѣ того, все, что касалось внутренняго порядка заведенія и исполненія утвержденныхъ опредѣленій, зависѣло исключительно отъ попечительницы. Дѣла по вопросамъ воспитанія и обученія, содержанія хозяйства „Учрежденіе" возлагало на начальницу заведенія, которой поставлено въ обязанность дѣйствовать только по указаніямъ попечительницы и отдавать ей во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ, а въ отсутствіе попечительницы—совѣту. Штатъ института при 15 воспитанницахъ и 65 пансіонеркахъ состоялъ изъ начальницы, надзирательницы по воспитанію, 5 смотрительницъ (т. е. классныхъ дамъ по числу 5 классовъ, въ каждомъ отъ 15—20 дѣвицъ), смотрителя дома, экономки и ея помощницы, смотрительницы при больницѣ и учителей: Закона Божія, русскаго, французск. и нѣмецкаго языковъ, математики, исторіи, географіи, рисованія, танцевъ, рукодѣлія и музыки. Прислуги полагалось 16 человѣкъ: 3 мужскихъ и 13 женскихъ. Штаты эти на первыхъ порахъ колебались, и только въ 1822 году опредѣленъ слѣдующій составъ должностныхъ лицъ съ получаемыми ими окладами:

I часть воспитательная.

Директриса съ жалованіемъ 3 т. р. и по 50 р. за каждую пансіонерку, т. е. за 88 панс. 4400 р.

Инспектриса классовъ . . . . . 3 т. р.

„ по хозяйств. части. . . . . 2 т. р.

9 клас. дамъ 5800 р., при чемъ дамѣ высшаго класса 1 т. р.

II часть учебная.

Учителя: Закона Божія . . . . . 1500 р.

„ Русской исторіи и географіи . . 1 т. р.

„ Нѣмецкаго языка. . . . . 1 т. р.

„ Живописи. . . . . 3 т. р.

„ Рисованія. . . . . 800 р.

„ Танцевъ. . . . . 1500 р.

„	Пѣнія	1500 р.
„	Музыки 1-й учитель	3 т. р.
„	„ 2-й „	2 т. р.
„	Мастерица рукодѣлій.	1 т. р.
„	Музыкантъ и настройщикъ . . .	500 р.
„	Регентъ	400 р.

Церковь 500 р., канцелярія 1500 р., больница 2900 руб., прислуга 5470 р. и содержаніе воспитанницъ 38480 р. Общій итогъ расходовъ 87350 р.

Всѣ должностныя лица служили въ институтѣ по найму, на основаніи заключенныхъ съ ними контрактовъ. Особенную заботу доставляло кн. Репниной пріисканіе начальницы съ французскимъ образованіемъ и надлежащихъ преподавателей искусствъ. Съ первою начальницею Реньи былъ заключенъ кн. Репниной контрактъ въ Парижѣ, а потомъ въ Полтавѣ совѣтомъ. Г-жа Реньи обязывалась по контракту принять должность директрисы на 3 года и наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что относится къ нравственности, наукамъ и поведенію дѣтей. Въ контрактѣ было оговорено, что если Реньи послѣ 3 лѣтъ пожелаетъ оставить институтъ, она должна объявить объ этомъ за 6 мѣсяцевъ до срока, а попечительница и совѣтъ обѣщали обставить ее тѣми же удобствами, при которыхъ она прибыла изъ Парижа, т. е. хорошимъ экипажемъ, надежнымъ проводникомъ, по крайней мѣрѣ до Вѣны, и всѣ путевыя издержки отнести на счетъ института (издержки при пріѣздѣ Реньи изъ Парижа въ Полтаву обошлись институту въ 3376 р.). Въ 1821 г. контрактъ съ Реньи былъ возобновленъ на безсрочное время (она оставалась директрисой по октябрь 1829 г.), съ нѣсколько измѣненными условіями: въ случаѣ отказа, она обязывалась объявить о томъ совѣту за шесть мѣсяцевъ до срока и получить отъ совѣта 5 т. путевыхъ издержекъ. Кстати замѣтить, что средства института съ 1825 г. постепенно уменьшались, вслѣдствіе чего совѣтъ не всегда выплачивалъ жалованье директрисѣ, и къ 1829 г. долгъ совѣта ей возросъ до 22 т. р., при чемъ совѣтъ при отъѣздѣ Реньи уплатилъ ей до 12 т. р., да кн. Репнина 11 т.

Количество инспектрисъ установлено въ 1822 т. Инспектриса по учебной части была вызвана изъ Франціи, а другая—какъ сказано въ контрактѣ—за порядкомъ по внутренности дома была приглашена изъ Москвы. Директриса, инспектриса по учебной части и 8 классныхъ дамъ преподаютъ французскій яз., а также исторію всеобщую, миѳологію и всеобщую географію по учебникамъ, выписаннымъ изъ Франціи. Нѣмецкому яз. сначала обучали кл. дамы, но съ 1821 г. былъ приглашенъ спеціальный учитель этого языка.

Преподаваніе Закона Божія съ постояннымъ законоучителемъ началось съ 1820 г., когда прибылъ на покой въ Крестовоздвиженскій монастырь бывшій профессоръ переяславской семинаріи архимандритъ Сильвестръ, который преподавалъ также риторику и логику. Русскую грамматику, ариѳметику, географію Россіи, исторію русскую и естественную преподавалъ штатный смотритель Полтавскаго повѣтоваго училища Зозулинъ съ титуломъ преподавателя „россійскихъ предметовъ". Лучшими учителями по музыкѣ были Руссель и особенно Летанъ, которому платили 3 т. р. въ годъ; рисованію и танцамъ обучалъ воспитанникъ Харьковскаго университета Сплитетейстеръ, пѣнію—„пѣвица" Полина, а мастерица рукодѣлій Мартенъ была выписана изъ заграницы.

Институтъ состоялъ изъ 5 классовъ: курсъ I и II кл. былъ однолѣтній, III и IV—двухлѣтній, а V-аго трехлѣтній. Въ I кл. преподавались Законъ Божій, русское и французское чтеніе и танцованіе; во II—Законъ Божій, русская и французская грамматика, ариѳметика, нѣмецкое чтеніе и письмо, музыка, рисованіе и танцы, въ III—къ предметамъ II-го класса прибавлялись: русская географія и нѣмецкая грамматика; въ IV—прибавлялись: русская, греческая и римская исторія, всеобщая географія и миѳологія; въ V кл. учили: русскую словесность, физику, естественную исторію на русскомъ языкѣ; всемірная же исторія, всеобщая географія и французская словесность на французскомъ яз. Девятилѣтній курсъ былъ обязателенъ только для стипендіатокъ дворянства.

Въ объяснительной запискѣ къ преподаванію разъяснено, что исторія русская и всеобщая преподаются на яз. французскомъ, а хронологія на русскомъ, на француз. же языкѣ преподаются географія и миѳологія, при чемъ послѣдняя „есть неизбѣжная надобность людей, долженствующихъ жить въ большомъ свѣтѣ".

Распредѣленіе учебнаго дня воспитанницъ сдѣлано было такое: въ 6 ч. утра всѣ воспитанницы встаютъ отъ сна и это время до 8 ч. назначено для одѣванія, молитвы и завтрака, съ 9 до 12 уроки; съ 12—2 обѣдъ и отдыхъ; съ 2—4 уроки, съ 4—$4^1/_2$ „полдникъ", отъ $4^1/_2$—7 уроки, отъ 7—8 ужинъ и отдыхъ, съ 8—9 молитва и приготовленіе ко сну; въ 9 ч. всѣ дѣвицы должны быть въ постели. Въ субботу послѣ обѣда уроковъ не было, а это время назначалось для повторенія уроковъ всей недѣли.

Институтъ былъ открытъ при наличности 20 воспитанницъ (15 общественныхъ воспитанницъ и 5 пансіонерокъ); въ 1819 г. въ разные сроки прибыло 34 дѣвицы въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ. Всѣ онѣ дѣлились на группы и обучались предметамъ по ланкастерской, тогда модной, системѣ: дѣвицы дѣлились на дивизіи, а младшія дамы были монитрисами. Первый правильный выпускъ былъ въ 1827 г., когда окончили общественныя воспитанницы, но для пансіонерокъ допускались выпуски и раньше.

Между тѣмъ доходы института къ 1 января 1828 г., получавшіеся изъ процентовъ на капиталъ 205339 р., внесенный дворянами, составляли ежегодно отъ 40 до 45 т. р.; на эти средства институтъ существовать не могъ, входилъ въ долги и даже не удовлетворялъ жалованьемъ служащихъ.

О такомъ положеніи дѣлъ кн. Репнинъ довелъ до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало изданіе положенія и штата 7 февраля 1828 г., которымъ утверждался институтъ казенный, унаслѣдовавшій отъ института дворянскаго домъ съ землею и инвентаремъ.

Пересельци (зъ дому и до-дому).

(*Оповидання*).

Гнатъ Соболенко бувъ соби тыхый, роботящый чоловикъ; бувъ винъ майстерный чоловикъ—плотнычавъ. Хочъ мало не кожный майстеръ—пьяныця, але-жъ Гнатъ зовсимъ не вжывавъ горилкы, черезъ те було у ёго скризь багато роботы: людямъ выгоднійше такый майстеръ, що не пье, бо „порціи“ ёму не треба. Хочъ було у Гната багато роботы, хочъ винъ и не пьяныця, а все жъ таки у ёго грошей бракувало, бо земли не було, а дитей було четверо, та ще недавно й жинку поховавъ. Люды про ёго жинку Ходолю казалы, що вона „никуды не способна“, а винъ, мабуть, думавъ, що способна, бо николы ій не бывъ, а якъ умерла, то казавъ, що безъ жинкы погано; самъ-же не женывся вдруге: боявся мачухы для своихъ дитей, боявся, що друга буде гирша и що другій жинци треба буде годыты. Взявъ ій Гнатъ зъ велыкои семьи одъ матери. Мачуха ій багато была и все зъ неи глузувала, наче вона ій на потиху далася. Други диты (браты та сестры Ходоли) не давалы себе обижаты: булы зубаты, дакъ мачуха на Ходолю нападалась, бо Ходоля була тыха та ще й не дуже проворна. Часто мачуха прыказуе ій що-небидь робыть, а тая и прыступытысь не вміе. Мачуха сердыться, крычыть: „робы мени заразъ! що ты дарма хлибъ йисты будешъ, чы що“? Крычыть, а показаты, якъ ёго треба

робыты, не покаже ни-въ-свити; Ходоля-жъ своимъ розумомъ не дійде, и плаче, покы старша сестра (Мотря) не покаже, не поможе, а бильше того, що сама за неи зробыть. Мачуха побачыть тее и почне Ходолю быты по щоци и въ ухо—куды попаде, и лае: „дакъ це за тебе други роблять, ледащо прокляте, куды ты способна!“ — и чыстыть Ходолю, поки чы братъ, чы старша сестра не оступытся: „що це вы справди, мамо, все ін печете, годи вже“!—

Дуже добре Ходоля памьятала, якъ-колысь (ще вона була зовсимъ мала) за те, що вона не догледила, якъ свыня гарбуза вхопыла на городи, мачуха погналась за нею зъ пугою; Ходоля на-втёкы по селу—мачуха й соби; трохы досталося ій пугою: разъ получыла вона по спыни, разъ зачепыло по вуху; вона прыпустыла швыдче—мачуха за нею изъ лайкою, ажъ покы не добиглы до хаты, де жыла титка Ходолына,—такъ тая выскочыла на крыкъ, бо Ходоля на все село верещала: „ой, не буду, рятуйте“!—та заступыла Ходолю и сказала спокійно мачуси: „я вамъ, кумо, не позволю дытыну каличыты“! Мачуха—червона, ажъ задыхалась, а зъ розгону хотила ще бигты, одняты, достягты Ходолю, побыты ін, може вбыты, абы сердце одійшло; не подывылась вона на молодыцю, лизла прямо впередъ, наче слипа, хлёстала пугою на вси бокы,—тилько кума двери замкнула и не пустыла ін. Ходоля такъ тремтила, якъ листочокъ, и ледве могла проковтнуты пырижка, що титка сунула ій въ руку; винъ ажъ солоный зробывся одъ ін слизъ, що все теклы мымоволи. До-дому вона цилый день ни за що не хотила вертатысь, покы титка ввечери ін не одвела сама; хочъ мачуха трохы и одумалась, та все жъ такы дала Ходоли дватры штурханци за те, що титка ій пожалила.

Батько за Ходолю николы не заступався; винъ ридко дома сыдивъ: бувъ винъ пьяныця,—що зароблявъ, те и пропывавъ, та ще де-колы и зъ дому тягавъ що-небудь въ шынокъ. Колы жъ напьется, бье себе въ груды и доказуе: „яке та горилка—чортове зилля, що одъ нёго чоловикъ пропадае“. Мачуха дуже часто докоряла дитямъ за батька: „Якій винъ у васъ е, халера бъ ёго забрала!“

Ходоля плакала и за себе, и за батька, и одъ голоду, и одъ холоду, бо поки диты булы мали, заробиткивъ було мало и часто ни хлиба, ни соломы не ставало на зиму,—такъ и сыдилы, якъ червы въ земли, безъ вогню, безъ стравы, поки мачуха не вхытрыться: не вытягне у батька скилько-небудь грошей, якъ тверезый, або вкраде, якъ пьяный, або якъ винъ не вспишыться забраты у того хазяина, де винъ робыть (винъ бувъ укрывальщыкъ). Инши ій давалы, бо знали, що чоловикъ іи пьяныця и все на горилку переводыть, а други не давалы, бо знали, що винъ, якъ пьяный, то дешевше за роботу бере и не замича, чы ёму вирно гроши далы.

Хата Ходолыного батька була знадвору дуже стара (винъ все збирався нову становыты, та такъ до смерти и не поставывъ), а въ середыни брудна, тисна и скризь повна лайкы, крыку, сварки, бо багато тамъ жыло (у Ходоли було ще тры сестры и два браты ридныхъ—то шисть, та у мачухы своихъ одъ першого чоловика двое дитей, та зновъ одъ Ходолыного батька двое—то десятеро, та двое старыхъ: дванадцать душъ жыло разомъ).

Скризь, було, одно одному чого-небидь не дае: „не займай, то мое!“, одно одного проганяе: „геть, иды соби къ чортовій матери!“.

А надъ усимъ цимъ голосъ мачушынъ:

„Цытьте мени, лядськи диты, бо якъ возьму пугу, то побачыте“!

Тутъ заразъ іи диты почынають жалитысь:

„Винъ мене вдарывъ... а вона мени гребинкы не дае“...

Почынается розправа: бійка, слёзы... чысте пекло! А до того-жъ всимъ ривно хочется йисты (може, мачушынымъ—трохы меньшъ), всимъ ривно холодно!

Колы-жъ выпаде день, що не голодни, не холодни и весели, то въ хати зновъ счынытся такый крыкъ, що хочъ святыхъ вынось: одно кукурика, друге мявчыть, трете гавка, четверте пыщыть, пьяте крычыть просто: „ддяя—ддяя—ддяя!“

або „ла—ла—ла—ламъ“! Одни въ кони граются, други шпурляются шулупашкамы одъ цыбули, насиння, картошкы и регочутся и гыкають, дытячи ногы перемишуются, якъ березка, дытячи голоскы перехрещуются, якъ стрекотання цвиркунчыкивъ, дытячи рукы переплитаются, якъ паутыння, дытячи очи переглядаются, якъ свитлячкы маленьки, и тутъ вже нихто ничого не розбере!

Скилько не обрикався Ходолынъ батько не пыты, николы не мигъ вытриматы бильше тыждня: непреминно ёго хто-небудь та зведе, и винъ, добре пидпывшы, почына наказуваты:

„Не треба пыты!.. Соромъ!.. Ой, брацця, брацця, не треба пыты!.. Ось у мене дитки... эге... дитки... на що жъ я пью“? Писля иде до дому. Диты, тилько винъ въ хату, розсыпаются, якъ просо, по куткахъ (не такъ одъ батька, якъ одъ мачухы ховаючысь), а винъ слёзно просыть жинку: „ну, теперъ, жинко, ты мене бый, бый, бо я пьяненькый... ну, що-жъ я зроблю, колы я пья...нень...кый? Диткы мои, де вы, голубья... та подывиться, якый вашъ батько... никуды... неспособ...“.

„Ось лягай, лягай спаты“, каже жинка та такъ тыхенько, що Ходоля ажъ очи вытрищыть: чы то ій мачуха говорыть, чы ни, чы то вона, що вранци кляла батька: „ну, и батько у васъ, трасця и розтрясця ёго матери, зновъ потягся въ шынокъ—пьяныця“!

А батько ще довго, покы не засне провадыть: „я... майстер... ре... (николы не мигъ винъ цёго слова выговорыты) чоловикъ... и у мене тилько и е... е... оци рукы... десять пальцивъ... бильше ничого...! а голова... моя голоооваааа... де жъ це“?

Меньши диты вылизалы зъ своихъ куткивъ и смило вже лизлы до ёго на колина и реготалысь: „татку, а татку, осё-сё голова“!..

Батько хапався за голову и плакавъ: „бидна моя головоньк—а—а—а“!..

Колы батько умеръ, а старши диты понаймалысь хто куды, жыты стало легше, а якъ и мачуха вмерла, то Ходоли, ій братамъ та сестрамъ и зовсимъ полегшало, тилько ни-

колы вже Ходоля не зробылась ни веселою, ни розумною, ни балаклывою, ни смилою (вона, якъ той цвитъ, що вже разъ морозъ ударывъ, погано одходыть); ще до того вона була не зовсимъ здорова: скризь жовта, зморщена, зъ переляканымы круглымы сирымы очыма, нечыстымъ лыцемъ, блидымы губамы и поганымы зубамы,—однымъ словомъ, якъ казалы мачуха та люде, никуды „не способна“. А ось же найшовся такый, що ии за себе взявъ. Колы сказаты правду, то винъ того ии и взявъ, що знавъ, якъ вона ёму пидійде, того й не послухавъ людей, що ему казалы, буцимъ слаба вона и погана.

Гнатъ Соболенко бувъ соби сырота (батько и маты померлы, якъ ще малымъ бувъ) и жывъ у жонатого брата (ихъ двое бративъ), або у кого-небудь зъ людей за шматокъ хлиба. Винъ рано пизнавъ недолю и не любывъ ни челяди веселои, ни вулыци, ни тыхъ дивокъ, що очамы грають, насиння въ лице хлопцямъ плюють та по-за тынкамы цилуются. Гнатъ не любывъ, щобъ зъ ёго глузувалы, того и взявъ за себе Ходолю; вона-жъ, здается, и сміятысь не вмила. Вона все соби сама, якъ горлыця мижъ гайворонямъ, и винъ соби самъ, якъ будякъ середъ жыта; вона сырота и винъ соби безъ роду; вона тыха и винъ тыхый, та тилько вона тыхша, бо винъ не любывъ, щобъ жинка верхъ мала.—Отъ и поженылысь. Старша сестра Ходоли, Мотря, сказала, що, покы не отдасть своихъ трёхъ сестеръ замижъ, и сама не пиде, и скилько ии не сваталы, не пишла, ажъ покы Ходолю за Гната не отдала; тоди рукы ий розвьязалысь, и вона скоро сама выйшла замижъ, хочъ була вже прыстаркувата. Вона бильше всихъ сестеръ Ходолю жалувала, що вона така тыха и всёго боится.

Боялась Ходоля и чоловика свого, хочъ и не було чого бояться; боялась, мабуть, вона и ридныхъ дитей, що ходылы за нею уси четверо, одно за однымъ, якъ гусенята, на довгыхъ нижкахъ, довгошыи, зъ одкрытымы роткамы и вылупленымы круглымы сирымы очыма, кругловыди, якъ копійка; мабуть, боялась вона ихъ, бо николы не осмилылась завернуты ихъ до дому, хочъ ий ажъ стыдно, що воны все слидкомъ за нею

ходять. Почне вона ихъ просыты: „идить, диточкы, до дому, ось идить, любеньки, я скоро вернуся“, а имъ,—якъ объ стину горохомъ; хлопци (два) верещать: „и мы зъ вамы, и мы зъ вамы, ого—гооо—о!“, а дивчата (тежъ дви) почынають кыснуты: „и мы ходемо, и мы... мы... а насъ“!.. И никуды не може питы за своимы дитьмы Ходоля, хиба втиче такъ, щобъ не бачылы; якъ же часомъ несмило скаже: „геть мени“!—то вси стануть такъ ревты и чиплятысь за ii спидныцю, що вона мусыть або зостатысь, або иты разомъ зъ нымы, якъ гуска з гусенятамы (воны скризь ходылы одно за другымъ, наче на шнурочку). Оттакъ балувала Ходоля своихъ дитей и воны у неи все вередувалы, булы сердыти и горлати, багато йилы и часто слабувалы; тоди вона вже сама не своя метушылася по хати, бо диты—то було ii едыне добро и дило, и воны усе знялы и роздыралы ii на вси боки, якъ витеръ кущъ: одно крычыть: „мамо йистки“, друге: „мамо, кажы казку“... та вси разомъ скыглять, тягнуть ii, або розсердывшысь, лупцюють ii маленькымы кулачкамы, куды попало. Самый меныший бувъ самый балованый: все лазыть по столу и, щобъ не було на столи або на лави, все трахъ объ доливку. Ходоля тилько и дывылась, щобъ ничого ни на лави, ни на столи не лежало. Старшый-же все ножи кравъ, щобъ майструваты, и губывъ ихъ. Дивчата булы не таки забiякы, та проте дуже капрызни: все, було, кыснуть и сами не знають чого, а якъ Ходоля спытае, то старшенька ще гирше розплачется, розкрычыться, сяде долi. бье ногамы и крычыть: „хоцу, хоцу, хоцу“—„Чого?“ Зновъ такъ само: „хоцу, хоцу, хоцу“! Тьху, на тебе! А меныша усе прядыво, було, переплутае и намысто порве и соби пыщыть: „хоцу, хоцу, хоцу“!

Розумiется, писля Ходолынои смерты трудно було такымъ балованымъ дитямъ жыты, трудно було для ихъ добру мачуху знайты, и черезъ те Гнатъ не женывся.

Хочъ було у Ходоли багато роду и багато сусидокъ, та прыятелёкъ не було, хиба отъ-тилько стара Лысыха часто ii одвидувала. Це була вдова, що все свое добро писля смерты

чоловика пропыла, а добра того було чымало, бо чоловикъ ій бувъ скупый и дитей у ихъ не було зроду. Лысыха и при ёму очи горилкою залывала, ну, та ще не була вона настояща пьяныця: все бильше тилько „одъ зубей“ горилкою личылысь, бо чоловикъ ій не пывъ и ій не дававъ, а колы винъ умеръ та спродала вона все чысто, то у неи на рукахъ стилько грошей найшлося, що вона думала—николы не переведутся, и почала гуляты, пыты, замисть того, щобъ отдаты ихъ кому-небидь: ій бы до смерты догодувалы за тіи гроши. Пыла, пыла и солодко йила, ажъ покы до послиднёго гроша все не прогуляла; тоди пишла до людей просыты, щобъ ій хто прыйнявъ. Хто жъ бы ій теперъ схотивъ? грошей у неи вже не було, сама пьяныця, та ще й вонюча така, що не можно навернуться, бо була вона слаба и не було слыве ніякои одежи: одна сорочка, одна спидныця, одынъ карсетъ та хустка—бильше ничого ни за собою, ни передъ собою; николы вона теперъ не вмывалась, не чесалась, не прала соби плаття, и вси сусидки гидылыся и проганялы ій геть одъ себе. Одна Ходоля прыймала цію Лысыху до себе. Часомъ, одившы ій въ свою кожушанку, прала ій сорочку, часомъ годувала, а то й яку копійку давала; тоди Лысыха, що скризь така тыха, якъ собака прыбытый, робылась горлата: крычала, спивала, лаяла всихъ на все село, ще й саму Ходолю, що така „дурна, безумна, годуе ій, стару Лысыху“. Це вже Ходоли було зовсимъ не зручно, бо вона-жъ ховалась зъ цією Лысыхою одъ чоловика и одъ людей, и вона казала соби, що вже ни за що вдруге ничого не зробыть для Лысыхы, та все-жъ такы, якъ тая прыйде зновъ и поклянется, що вже „не буде такъ“, то вона и ткне ій кусокъ сала и шматокъ хлиба, и сорочку выпере, тилько грошей не дасть, ажъ покы Лысыха не почне такъ просыты и плакаты, що не можна справди одказаты.

Окримъ Лысыхы булы у Ходоли ще прыятели: вси старци, каликы, слипци й лирныкы. Вона николы не кыдала сухого хлиба въ корыто для свыней, якъ други роблять, а скризь збирала для старцивъ, и кожный лирныкъ знавъ, що, якъ е у неи

яка страва, то скорійше сама не буде йисты, а ёго нагодуе и буде слухаты ёго писни безъ кинця, безъ краю, абы спивавъ, и буде плакаты гирко надъ веселою и надъ сумною.

Ще була одна товарышка у Ходоли: нима дивка Устя. Що-дня забигала вона до Ходоли, звала іи „ммамм“, цилувала и крутыла по хати, колы була весела; колы-жъ була сумна, то такъ жалибно и сердыто крычала, и мукала, и дывылась, якъ слаба телыця; Ходоля-жъ хытала головою и жалувала іи. Кожный день Устя жалилася, що іи одынъ парубокъ одурывъ, покынувъ ій дытыну, а самъ ни винчатысь не хоче, ни жыты зъ нею, щобъ вона була молодыця, а повіявся десь далеко, іи покинувъ. Якъ ни досадно було нимій, що іи одурено, що вона замижъ не пишла, а хлопця свого вона страхъ любыла и все бигала до Ходоли хвалыться Кырылкомъ, а якъ вже винъ пидрисъ, то зновъ стала жалитысь, що не слуха, що іи перекрывля. Такъ-то часто Устя до Ходоли ходыла, що накинець Ходоля стала іи балачкы краще розумиты, нижъ іи ридный батько, а Устя такъ до Ходоли прывыкла, що якъ тая вмерла, то довго плакала, была себе кулакамы въ груды, бигала по селу и всимъ розсказувала, що Ходоли нема и що ій, бидній, робыты? Писля похоронъ Ходоли нима цилый тыждень навидувалась що-дня въ хату до Гната, довго роздывлялась по хати, прыдывлялась до Гната, що майстрювавъ не перестаючы, до дитей, що сыдилы перемишани, дурни, въ кучи, якъ слипи кошенята, дали была себе рукамы по бокахъ и почынала плакаты, а диты и соби, тилько вона того не чула. Краще-бъ ій було помогты Гнату зъ дитьмы жыты, та вона, хочъ усе умила робыты, не догадувалась, що ёму треба, а винъ самъ не прыказувавъ, то вона поплаче та й побижыть до дому. Де-жъ бы Гнату шукаты помочи? Якъ бы не Мотря, Ходолына сестра, пропадать бы ёму, бо прыходылось самому пичъ топыты, варыты, хлибъ пекты, плаття праты и дитей доглядаты, а женытысь не хотивъ та й годи! Мотря, хочъ іи чоловикъ и лаявъ, такы було выбере хвылыну, забижыть до Гната—попоратысь. Прыбижыть, заразъ почне крычаты грубымъ голосомъ на дитей:

„ну ты, паршывець, иды сюды, я тоби сорочку зашыю, обирвався-жъ якъ“! „Ну, ты, соплывый, тоби жъ треба носа вытерты!“ „Иды, иды, сороко, й ты, курчя, ось каши дамъ; аже-жъ вы тутъ голодни сыдыте, дурни, мали“!

И всихъ разомъ нагодуе, розчеше, прыбере, пичъ вытопыть, зварыть, посуду помые, латкы попидшывае, старшу дивчыну налае, щобъ доливку замела, покрычыть, щобъ сыдилы тыхо, мазне тамъ-сямъ, пичъ полагодыть, повернется туды-сюды, дижу, що звечера росчыныла, замисыть, писля хлибы повыробляе посадыть въ пичъ, а якъ случается тутъ нима, звелыть ій повыйматы, якъ буде готовый, а сама бижыть до-дому и сміется про себе: „хиба у цёго Гната багато роботы?—и горобець-бы переробывъ; ни свыней, ни гусей,—вже про худобу ничого и говорыть: коровы нема, а коняку самъ пбрае“.

Нима Устя, якъ найшовся хтось, що ій прыказувавъ, почала и соби помагаты Гнату: прыносыла свого Кырылка и сыдила по цилыхъ дняхъ въ хати у Гната, ажъ батько ій розсердывся, що свое дило стоить, а вона шляется, и набывъ ій добре. Гнатъ-же самъ якось вывивъ ій за двери, злегка вдарывъ по плечу и показавъ: геть! Вона розсердылась, плюнула, кулакомъ на нёго погрозылась и перестала ходыть.

Писля того вже Мотря справлялась зъ Гнатомъ разомъ. Диты по-перва́хъ боялысь ій, а дали попрывыкалы до неи, тилько боялысь пыщаты та вередуваты, якъ при матери було.

Якъ не умовляла Мотря Гната, що треба ему оженытысь, що не викъ же вона буде зъ ёго дитьмы поратысь, винъ тилько казавъ, що якъ ій нема часу и чоловикъ сердытся, то нехай вона ёго кыне, а винъ вже самъ якъ-небудь перебуде, покы диты пиднимутся, а мачухы для ихъ браты винъ не хоче. Мотря крычала, що хиба вона икъ тому усе говорыть, що ій трудно, а ёму жъ самому „невдобно“ безъ жинки; и що винъ соби думае,—хиба гарнои молодыци не можна для нёго знайты? отъ хочъ бы Параска Кыселыха, молода вдова; у неи и хата йе—не треба буде Гнату въ чужій хати жыты.

Гнатъ уперся, якъ вилъ, не хотивъ ничого слухаты и жывъ, якъ и ранійше, самъ, а Мотря бигала мало не що-дня „дитей пораты“, якъ вона казала.

Не женывся Гнатъ; була у нёго друга думка, другый клопитъ въ голови: падумався винъ иты на Томську. Була у нёго цяя думка ще пры Ходоли; винъ все ій казавъ: „ось нехай, нехай мы такы пожывемо ще! Нехай пидемъ и мы кудысь: не будуть диты безземельни“! Вона жъ на все була согласна, ни про що сама не думала, все на Гната покладала, и все бъ стерпила, все-бъ перенесла, щобъ дитямъ було добре.—Тоди вже де-хто выбирався зъ другихъ селъ на Томську, та Гнатъ ще не ришався иты, якось чудно було ёму „початы“; теперъ же, якъ люде сунулы разомъ, и винъ пиднявся. Винъ любывъ дило зо всихъ бокивъ розглядаты, та, якъ не круты, выходыло такъ, що хочъ буде и погано, то и тутъ же погано—разъ, та якъ же може буты погано тамъ, колы земля буде и буде ій стилько, скилько самъ схочешъ запахаты—два! Такъ и ришывъ иты, а колы вже Гнатъ сказавъ: „пиду“, то нихто не мигъ ёго вдержаты. Перше винъ метыкувавъ такъ: що жъ, справди, невже безъ земли оттутъ и пропадаты? Невже мои два хлопци будуть, якъ и я, на чужій латци города сыдиты, купованый хлибъ йисты, будуть по чужыхъ людяхъ за шматокъ хлиба тынятысь? Э, ни, не буде цёго! Треба соби десь мисця шукаты, треба иты, куды очи бачать, ити й иты! Аже-жъ повыненъ десь й для моихъ сынивъ надилъ буты, повынна буты вильна земля тамъ въ Томській! Скилько жъ людей теперъ туды збирается! Йе тамъ земли багато, на всихъ стане! Нихто на ій не жыве, и всяке може заораты ій, скилько око бачыть! Отъ тамъ можна жыты, отъ тамъ можна забагатиты“!

Чымъ бильше Гнатъ думавъ, тымъ бильше хотилось ёму схопытысь, бигты, зибратысь одразу и перелетиты въ ту сторону у одну мыть, одмиряты соби земли, походыты по своему полю; рукы кортилы у ёго ораты, волочыты, сіяты, косыты и молотыты свое жыто, поставыты свою хату; винъ наче бачывъ тую рублену хату (непременно рублену, бо тамъ-же лису до-

чорта!), що винъ поставыть; отъ тоди винъ покаже на своій хати, якый винъ плотныкъ!

Тилько й думкы, тилько й балачкы було у нёго, що про Томську, зъ кожнымъ чоловикомъ, а ще бильше зъ тымы, що сами збиралысь зъ нымъ у далеку дорогу. Це булы: Васыль Куцый, що ридный батько выгнавъ ёго зъ хаты и не давъ ни латкы поля,—якъ знаешъ, такъ и жывы; Васыль Рябый, що бувъ шостымъ въ семьи и получавъ на свою долю зъ надилу пьять сажень земли; Максымъ Пугачъ, що скризь по заводахъ служывъ, по свиту ходывъ, и увирывся, що нигде нема гирше, якъ у насъ; Васыль Рудый, що було такъ багато дитей, що ажъ въ хати тисно стало.

Булы й таки, що не нужда ихъ гнала; ось хочъ Ермыла багатырь, що хотивъ забагатиты ще бильше,—того и йшовъ; або Мытрохванъ Билый,—душно ёму було вдома, хотилося бачыты свиту, людей, не хотилось сыдиты, якъ грыбъ, цилый викъ свій на одному мисци, не хотилось умираты, не побачывшы, що було тамъ за риднымъ селомъ, за риднымъ степомъ. И гыдка ёму стала ёго хата зъ очерету, хотилось чогось иншого, чогось кращого...

Инши збиралысь иты просто того, що имъ було все йидно, чы тутъ буты, чы въ другому мисци, и воны, якъ трискы за водою, ишлы за другымы. А то булы й таки, що зъ радистью розносылы и спродувалы свои хаты и хазяйство, наче хто ихъ въ шыю гнавъ.

Багато назбиралося народу, и вси почалы спродуватысь, гроши складаты, прыготовлятысь. Поля нихто зъ ихъ вже не пахавъ, не сіявъ; що-недили збиралысь воны, балакалы, крычалы, спорылысь, радилы, що ось-ось выберутся и пидуть; а куды?—и сами добре не зналы.

Гнатъ продавъ коня, посправлявъ гроши, що ёму було слидъ за роботу, взявъ зъ брата выкупъ за свою латку города и вже бувъ готовый податы прошеніе земському, щобъ получыты квитокъ на выхидъ, колы надумався самый обережный зъ ихъ усихъ чоловикъ, Ермыла (той, що хотивъ иты на Томську,

щобъ розбагатиты), що такъ не можна: иты хто ёго знае куды, треба хочъ що-небидь знать про тую сторону. Отъ побалакалы, скынулысь вси людци и ришылы выбраты и послаты двохъ ходакивъ на розвидкы. Выбралы сына Царенка Костянтына, що бувъ учытылемъ въ далекому сели; товарышемъ ёму поставылы Мазлыцю, одынокого чоловика (дитей у ёго не було, а жинка давно ёго покынула). Отъ снарядылы тыхъ ходакивъ въ дорогу. Пишлы воны та й загаялысь: и мисяць—нема, и другый наступывъ—нема. Людямъ не терпилось, людямъ не сыдилось, а бильше всихъ кортило Гната, що и спавъ и бачывъ рублену хату зъ поцяцькованымы одвиркамы; ёму здавалося, що и такъ винъ багато часу перевивъ дарма, що треба було иты, ще якъ Ходоля була жыва,—може-бъ вона и не вмерла тоди. А тутъ саме зновъ прыйшла чутка, що можна выселятысь и що дають тамъ земли, скилько вгодно, скилько душа схоче, и що люде все идуть туды и зновъ идуть, все ламають, якъ ричка лидъ, и идуть, бо тамъ добре. Отъ тутъ-то Гнатъ заходывся непреминно иты, якъ можна скорійше, почавъ пидмовляты другыхъ иты, не дожыдаючы, щобъ ходакы повертались, тилько тіи не слухалы. Тоди винъ самъ подавъ прошеніе на квитокъ и все поглядавъ то на небо, де рожеви хмарынкы казалы, що вже весна блызенько, то на землю, що потроху одтавала, йила снигъ латка за латкою, та мягшала, якъ подушка: треба ораты, охъ, треба сіяты!

— „Що вы соби, куме, думаете? що вы тилько робыте?— накынулась Мотря на Гната, якъ хуртовына, крутячысь по ёго хати.

— „А що“?—спытався той.

— „Та де жъ вашъ розумъ“?

Той подывывся и зъ серцемъ сказавъ: „та що тамъ таке“?

— „Эге, що таке?—передражныла Мотря,—а же жъ ось хочете везты дитей, хто ёго зна куды и на що, та ще безъ матери; безъ матери—це мудро“!

— „Я самъ знаю, куды и на що я ихъ везу, а вы, кумо, не мишайтесь не въ свое дило“,—одризавъ Гнатъ.

Мотря сплеснула рукамы: „вы думаете я ихъ одпущу? эге, дыво“!

— „Та що це справди за опека така! Идить вы соби! Я самъ знаю, що роблю“! Остыгло мени якъ проклята душа по людяхъ тынятысь! Оттамъ на Томській може и соби, и дитямъ своимъ мисце знайду и васъ не спытаюсь“. Гнатъ одвернувся.

Мотря ни крихты не образылась и сказала: „ну, добре, вы идете на Томську, такъ теперъ треба вамъ, значыть, жинку шукаты“.

— „На чорта вона мени“?—

— „Эге, на чорта! хиба оттакихъ-о дитей можна безъ матери у таку путь волочыты зъ собою? Щобъ на дорози вси поздыхалы! оттакыхъ-о неспособныхъ, такыхъ малыхъ-о!“—и Мотря покрутыла жартомъ та боляче за чуба меньшого хлопця.

Гнатъ подывывся на цёго меньшого, писля на другыхъ, трохы зажурывся и дали сказавъ: „ничого, якъ-небудь до мисця доставымось“.

Мотря ударыла себе по чолу, наче щось згадала, и побигла зъ хаты.

Одъ того дня стала вона шукаты жинку для Гната и найшла, а якъ найшла, то напалась на Гната, щобъ оженывся; до неи прыставъ и братъ, и братова Гнатова, и вси родычи Ходоли, и вси сусиды, такъ що выходыло, що, не оженывшысь, ніякъ не можна на Томську выпрявлятысь, бо безъ жинкы не можна обійтысь ни въ дорози, ни на новому мисци: Гнату и такъ клопоту буде багато, а тутъ ще диты пищатымуть, то й голова завернется. Кримъ того, у тіеи вдовы, що ёму совитувалы, була хата и корова—можно ихъ спродаты: гроши-жъ здадутся на чужій сторони; и вона сама була ще молода, весела и роботяща, а найголовнише—согласна иты на Томську. Гнатъ, якъ капуста, що гнитомъ надушена, одъ усихъ цихъ ричей помякшавъ и згодывся оженытысь; сподобалась ёму и вдовына хата, що продаты можна.

Гнатову молоду звалы Лысавета Балдына. Це була ще не стара жинка, кругловыда, зъ велыкымы очыма и ривнымы, якъ шнурочокъ, бровамы, здорова, шырока въ плечахъ; особлыво передъ людьмы хвастала вона своею сылою: бралася за косу, за ципа, або пиднимала таки здорови мишкы, що якъ якый чоловикъ, то й не подужавъ бы. Вона служыла по разныхъ экономіяхъ и мало не кожный годъ соби дытынку прыдбае, бо була вона така, якъ тая яблонька, що не може, щобъ кожный годъ не цвисты и яблукъ на соби не несты.—Одынъ парубокъ ій тымъ сподобается, що чорнявый; другый тымъ, що кучерявый; третій—хто ёго знае чымъ: на вси очи винъ поганый, а ій гарный—и гуляе зъ нымъ, покы можна, а писля спокутуе, плаче, кляне и того „сатану, щобъ ёму не диждаты свита бачыты“, и всихъ парубкивъ, а, дывысь, на другый годъ зновъ гуляе. Одъ чоловика зосталась у неи одна дочка, Гапуня, литъ 12-ть; други трое дивчатъ булы не щеплени яблунькы, а дычкы. Часомъ дуже строго держала Лысавета своихъ дочокъ, все крычала на ихъ, а часомъ кыдала ихъ самыхъ, и все йидно ій було, чы воны голодни, чы ни (тоди старшенька, Гапуня, за хазяйку була), и тилько того й було, що обшывала ихъ и водыла, якъ квиточокъ: то всихъ у жовтому, якъ гвоздыкы, то въ червоному, якъ макъ, то въ голубому, якъ волошкы, то въ зеленому, якъ трава. Вона була дуже чепурна и коло себе, любыла шыты и выгадуваты разну моду, та тилько якъ на неи найде: то нечесана сыдыть, а то уберется, якъ пава. Бильше всёго вона любыла, що могла жыты, якъ хотила: чы варыты, чы не варыты, чы робыты, чы не робыты, чы гуляты де вгодно, покынувшы и хату и дитей; иншый день вона смачно йила, а другый—тилько одынъ сыровець пыла; то въ неметеній хати сыдила, то нападе на неи таке, що вона всю хату переверне, прыбираючы та чепурывшы ій; и зъ дочокъ требувала, щобъ булы роботящи и чепурни. „Чому ничого не робышъ“?—було, крычыть на Гапуню;—„чому сестеръ не прыберешъ“?—А то зновъ загуляе, заведе, покыне все печене и варене и грае, якъ метелыкъ.

Якъ же Мотря не подумала, що четверо дивчатъ та Гнатовыхъ четверо малыхъ—це вже багато буде? Якъ вона Гнату таку молоду выбрала? Хиба не було другои, щобъ дитей поменьшъ? Эге, вона и думала на другу, дакъ тилько одна Лысавета согласна була на Томську мандрувать, а зъ другыхъ—ни одна не хотила иты за „Томця“. Скилько чоловикы тяглы впередъ, стилько жинкы поверталы назадъ. Одъ того дня, якъ думка иты на Томську, наче вогонь, запалыла чоловичи головы, одъ того дня жинкы почалы плакаты и журытысь и дорикаты. Чоловикамъ вдома тисно було и гирко, а жинкамъ—абы никуды не иты, бо тутъ вже звисно якъ, хочъ и погано, а тамъ—ще хто ёго знае якъ, хочъ и добре; имъ здавалось, що Томська—це край свита, це на тимъ свити. Одна Лысавета ничого не боялась, хотила иты, хотила бачыты щось кримъ свого села, и за Гната тымъ бильше согласылась иты, що винъ тыхый и майстерный, ще й на Томську подавався.

— „А ну, ну, побачу и я свита“—казала Лысавета и радила, хочъ маты ii плакала и голосыла: „Бидна моя головонька! Куды ты пидешъ, дурна? Ты тамъ пропадешъ. Вы тамъ зъ голоду попухнете“.

— „Не попухнемо, аже жъ и тамъ хлибъ йе“—сміялась Лысавета.

— „Та де винъ тамъ йе? Може йе, а може и нема! Що то за сторона? Де вона? Ось Мартынъ Цяпоръ пишовъ, де-жъ винъ? пропавъ! Ой, горечко тяжке!... И чого иты, и куды иты? Нихто николы никуды не ходывъ, а тутъ на́ тоби—показылыся!.. Якъ-бы Гнатъ тутъ зоставався, то я-бъ ничого не казала, бо винъ чоловикъ, ничого казаты, гарный... а якъ винъ туды иде, то нехай ёго батько сказытся! Не иды, доню, за ёго, прошу тебе“...

— „Та чого вы, мамо, такъ журытесь? Аже-жъ други люде идуть—и я пиду“.—

— „Хиба тебе вже нихто не посвата, що ты за такого мандра пидешъ? Найдутся люде“.—

— „Якый же винъ мандеръ? А я хочъ зъ нымъ свита побачу“.—

„Прычынна ты!.. свита побачышъ... положышъ свои гаргела на чужій сторони... Ой, я нещасна, що мени робыты! Чого иты, ну чого иты? Тутъ погано, дакъ тутъ все свое! Погано? Дакъ колы вже такъ Богъ давъ, що жъ робыты? Хиба наши батькы, чы матеркы куды небидь ишлы? Дома сыдилы, а й жылы й померлы на своій сторони!.. Ну, чого я не иду? Якъ бы бувъ твій батько, и винъ бы не пишовъ; братъ твій не йде-жъ, бо тутъ же своя—ридна сторона: кожну вербу, кожный колодязь, кожну межу знаешъ и воно тебе знае... Вже жъ я тебе, доню, николы не побачу! Тамъ буде гирше, нижъ тутъ,—ось вирь мени“...

„Хочъ гирше, абы инше“,—упиралась Лысавета.

„Ну, то будь ты проклята, якъ ты матери не слухаешся... Ось визьму и проклыну“.

„Проклынайте, про мене“!

Хочъ стара Параска и не прокляла своеи дочкы, та ходыла до весилля зъ червонымы очыма и ще скилько разъ пробувала іи зупыныты; та тая не послухалась.

Плакала и старшенька дивчына Лысаветына, Гапуня; вона вже багато чого розбирала и не разъ пыталася у матери: „На що вамъ, мамо, замижъ иты? Ось мы пидниземось на ногы, мы й сами себе прогодуемо! И на що на тую Томську иты? Охъ, чуе мое сердце, бида буде тамъ... И на що намъ той „чоловикъ“ здався? На що-жъ намъ иты? Намъ тутъ добре. Пожалійте вы насъ, мамо, мамо“!—

„А, це тебе баба навчыла! Це тебе баба прыслала“!

„Ни, ни, ій-Богу не баба, ій-Богу, я сама. Ось не идить, мамо, замижъ, ось нехай мы поростемо, ось нехай“...

„Цыть, кажу тоби! чого ты свого носа сюды сунешъ? Якъ ты сміешъ мени балакаты оттутъ-о“? И Лысавета часомъ навить была Гапуню.

Гапуня верещала: „ой, не буду, мамо, не буду“!..

А черезъ килька днивъ зновъ почынала та спершу несмило, якъ ячмень колосомъ шелестыть, а дали смилійше: „мамо, ось не пидемъ мы на Томську! тамъ погано, я знаю, що погано... тутъ у насъ и хата, и корова, а тамъ ничого нема“!

„Дурна ты,—тамъ тежъ саме буде; мы ище тамъ забагатіемо, бо тамъ земли даютъ по багато, людей, свита побачымо... тамъ, кажуть, уси чай пьютъ, дакъ и мы будемо ёго пыты“.

Мали дивчата слухалы и повторялы, якъ сороченята: „цаю, цаю“, а Гапуня все свое: „ни, ни, чуе мое серце, що буде намъ бида“!

„А ты, проклята, ще й биду наклыкаешъ“!—розсердытся Лысавета и зновъ попобье ін.

Такъ надокучалы Лысавети то маты, то Гапуня. Матери вона сказала разъ: „мени вже остыгло тутъ изъ вамы сыдячы, якъ печерыця пидъ деревомъ,—сами сыдить; якъ хочете, а мени байдужкы,—пиду соби, и не плачте и не просить, бо не хочу я цёго слухаты“.

Гапуни-жъ маты сказала, що якъ вона ще обизвется зъ свого кутка, то вона ій языка голкою наколе.

Такъ обыдви и замовклы, тилько плакалы, та баба Параска мижъ жинкамы жалкувалась, що ій вже не бачыты своеи дочкы, а Гапуня бигала жалитысь до бабы и просыла ін одвернуты биду:

— Нехай той дядько соби десь другу молоду знайде; на що винъ намъ здався? Нехай винъ до нашои матери не чипляется; бачъ, якый розумный! Вы скажить ёму, бабусю, скажить, нехай не займае!

И смихъ и горе баби зъ тіею дивчыною.

— Богъ зъ тобою,—каже вона,—хиба винъ мене послуха? Хиба я ёму що таке?

— Ну, то нехай винъ своихъ дитей веде на Томську, чы куды знае, а мы не хочемо, не хочемо... мы тамъ пропадемо...

— Эге, пропадете,—то жъ бо и я кажу.

И баба, и внучка—обыдви—почнуть плакать, а якъ выплачутся, то имъ и полегша; баба нышкомъ одъ невисткы (бо вона жыла у жонатого сына) вытягне зъ печи картоплю, дасть Гапуни, а тая стане йисты, повеселійша и пытается:

— Ну, що то таке тая Томська?

— А хто ёго знае, мое серденько, мисто якесь,—одвича стара:—ось туды той, якъ ёго... отъ забулась..., еге, Мартынъ пишовъ... Да-а-алеко це!... ось и звисткы одъ нёго вема, пропавъ десь, може, вовки зйилы!

Гапуня зновъ почына плакаты:—отъ и мы такъ пропадемо!

— Та ни, не бійся, моя люба!—успокоюе баба и ій и себе разомъ; може, то воны ще насъ дурять, може, и не пидуть, де-жъ таки! Ни, ни, твоя маты зостанется: побоится иты. Ось не плачъ, любенька, ось годи!—

Багато такъ баба зъ Гапуней балакалы.

Колы Гнатъ оженывся и перейшовъ зъ дитьмы жыты въ Лысаветыну хату, то и баба и внука заспокоилысь, що вже не пиде винъ на Томську, бо якъ бы йшлы, то продалы бъ хату. Не продавъ же Гнатъ хату черезъ те, що Земськый не дозволывъ продаваты ни хаты, ни города, бо це дитське добро. Гнатъ дуже пожалкувавъ, та ничого було робыты, а поки выйде ёму квитокъ иты на Томську, винъ перейшовъ до Лысаветы жыты. Загуло въ Лысаветынй хати, якъ въ ульи, бо стало дитей багато, наче ягидъ на кущи. Гапуня була рада, бо ей „команда“ побильшала; держала вона усихъ малыхъ строго, Гнатовыхъ ще бильше, нижъ своихъ, бо не булы воны прыучени ни до якого порядку.

Тилько й було чуть Гапунине: „цыть, сыдить тыхо! А що то ты робышъ? Пряды такъ, а не такъ!“ Гапуня сама була, хочъ зъ выду не гарна, та ловка, проворна и чепурна така, що маты колысь ій жартамы прозвала „мушка-чепурушка“. Теперъ цилисенькій день вона була заклопотана: того умый, тій косы выплеты, тому шапку розшукай, тій хустку повьяжы (та ловко, якъ дивки повязуются—тугенько), тій ляльку зробы... та Господы! хиба мало роботы! Вона имъ и цыбулю, и хлибъ дилыла, и дывылась, щобъ кому-небидь бильше не досталось, и все повторяла: „ось я тоби дамъ, я тоби покажу, ты у мене гляды!“ Колы вона була весела, то казала имъ казку про „Билого бычка“, тую казку, що можно казаты одъ ранка до вечора

и одъ вечора до ранку и не скиньчыты; вона могла ій казаты, якъ робыла що-небидь: сама каже, а въ другому кутку прыбирае, картоплю чыстыть, доливку маже—тилько тоненьки киски, якъ мышачи хвостыкы, то тамъ, то тамъ трипаются; тутъ вона коло лавы, и вже зновъ ій нема: генъ побигла ажъ на другый кинець хаты и все торохтыть: „Ты кажешъ—хороша, и я кажу—хороша. Розсказаты тоби казку про билого бычка"!—и зновъ сначатку. Тилько диты бильше любылы тую, що про квиткы, що вона сама выдумала, и розсказувала въ недилю, сыдячы пидобгавшы ногы та лузаючы насиння.

— У трыдесятимъ царстви, у трыдевятимъ государстви случылася разъ буря, та така буря, що вси стрихы сторчъ поставыло, виконныци побылыся, а хаты завалылыся. Схопывся витеръ, що вси дерева зъ кориннямъ повыдеравъ и на землю повалявъ, а квиткы и въ садкахъ и въ поли уси чысто поодрывавъ. Ось квитки зрадилы, бо надокучыло имъ весь викъ свій на одній нижци стояты, зрадилы и почалы танцюваты метелыцю. И було дуже весело! Тамъ булы и повнякы, и волошкы, и гвоздыкы, и макъ, и не займай-мене, и кручени панычи, и квасоля, и троянда, и гайстры, и красоля, и медуныця, и березка, и кульбаба, и чорнобрывци,—та чы мало ихъ тамъ було, переличыты не можна! Отъ пишлы воны уси метелыцю, а биленьки, голубеньки и червони дзвиночкы булы за музыку. И було дуже весело! Колы гвоздыкы сказалы медуныци: „якъ вы, кумо, воняете"!—тая заразъ образылась, выйшла зъ круга, лягла на траву и зовьяла, а петрови батоги побылы гвоздыкы, покы не обидралы лыстячко, ну, все-жъ таки други квиткы ще танцювалы та й танцювалы. И було дуже весело, покы гайстры не настрыкнулыся на колючу троянду; тоди такъ-сякъ паутынямъ затяглы вавку, и вси побиглы до ставка водыцю пыты, бо стало дуже жарко.

Якъ побачылы гусенята, що плавалы на ставку, таке вийсько, ажъ остовпилы.

— Здрастуйте!

— Здрастуйте! А видкиль васъ Богъ несе?

— А мы вже вильни, одвичалы квиткы, куды хочемо, туды й бижымо, якъ вы.

— Охъ-хо-хо, стервенята, кажуть гусенята, сыдилы-бъ вы краще дома та не рыпалысь, сыдилы-бъ тыхо, бо буде вамъ лыхо!

Квиткы засміялысь, а гусенята поплылы дали.

Якъ побачылы себе квиткы въ води, такъ зрадилы, таки соби гарни здалыся изъ своимы рожевымы, сынимы, билымы головкамы, що имъ зробылось ще веселійше, тилько кульбаба, якъ нахылылась надъ водою, то все свое волосся загубыла и стала лыса, якъ дидъ лысый. Ну, це ничого! Вси квиткы побралысь за ручки и побиглы дали. Зъ трояндою вже нихто не хотивъ бигты рядомъ, бо така лыха; вона сама соби попереду скакала. Отъ зустрилы воны перекоты-поле, що гналось по степу, и почалы реготатысь, що воно безъ нигъ, безъ рукъ, а бижыть,—такъ реготалысь, що гайстры и чорнобрывци рострусылы по дорози свое пирьячко.

Подывылыся метелыкы, що квитокъ ниде, ни на левади, ни въ садку, ни въ поли нема, здывовалыся: „де-жъ це воны дилыся“? Зажурылыся, колы бачать—здалека бижать: биліють, червоніють, голубіють, жовтіють, якъ стричкы, якъ намысто.

— Де-жъ це вы, сякы-таки, булы?

— А мы теперъ вильны: куды хочемо, туды й бижымо. Доганяйте насъ!

Зареготалысь, и стало имъ всимъ дуже весело! Побиглы навыпередки и такъ бигалы до пизднёи ночи; ажъ ось полизлы на дуба спаты, та довго не спалы, бо метелыкы все имъ казку про „Билого Бычка“ казалы, а якъ поснулы, то й попадалы доли, бо ничимъ було зачепытысь за дерево: коринячка не було та й не прывыклы высоко спаты; одна троянда на колючкахъ высила. Вранци прыйшлы диты, побачылы пидъ дубомъ стилько квитокъ, наче хто виночкы хотивъ плесты, позбиралы ихъ, бо квиткы не вспишылысь утикты: не такъ то легко було заразъ зъ земли пидвестысь и бигты; троянду, що зачепылась на дереви, тежъ досталы. И було дитямъ дуже весело!

Писля почалы у москалыкы квиткамы гратысь, усимъ квиткамъ головы позбывалы, поламалы. А комарыкы кругомъ литалы и пыщалы: „ото було не ходыты, ото було не радиты, ото було на мисци стояты, бо такъ вже Богъ веливъ“!

Такъ не зосталось квитокъ и на насиння: вси перевелысь, и не було одъ того дня въ тимъ царстви, въ тимъ государстви ни однисенькои квиточкы,—одна трава зелена“!

Такъ казала казку Гапуня, а пьятеро дивчатъ и два хлопци слухалы и все прыставалы: „ще, ще, ще“! або: „ну, ну, дали“! и не вирылы, що вже кязци кинець.

— Що ты тамъ брешешъ, що ты имъ плетешъ?—усмихнется, було, Лысавета.

Гапуня и мали заразъ замовкнуть,—имъ не хотилося, щобъ „люде“ зналы про ихъ дитськи балачкы, про ихъ казкы: на що имъ? то не ихъ дило! И плела Гапуня въ куточку „своимъ дитямъ“, якъ вона ихъ звала, багато и веселого, и смишного, и страшного, и одъ себе, и те, що чула, и коротко, и довго, и зъ спивомъ, и зовсимъ пышкомъ — на вухо, — це вночи, тоди, якъ маты загасять свитло, вси полягають спаты, а воны (дивчата) зализуть на пичъ та спаты имъ не хочется; въ голосъ же балакаты не можна. Ось Гапуня прытулыть щильно свои губы до правого вуха блызчои дивчыны и скаже щось, а та такъ само зробыть третій, и потече слово за словомъ съ пьятёхъ устъ та черезъ пьятеро вухивъ, наче вода по канавци, и балакають такъ, покы чы крайня, чы середня не засне такъ, що не можна передаваты балачкы.

Колы Гнатъ продавъ Лысаветыну корову, то й баба и Гапуня догадалысь, що винъ не покынувъ думку иты на Томську, и зновъ почалы тужыты. Гапуня и „своихъ дитей“ всихъ такъ настроювала, якъ бандуру, що вси разомъ, въ одынъ голосъ, скыглылы и кыслы, не розбираючы объ чимъ и чого. Колы Гапуня, було, скаже: „тамъ васъ вовкы зйидять“, то, розуміется, не можна не журытысь, не лякатысь, хочъ старшенька дивчына Гната, що батько, посадывшы на колина, часто казавъ: „ось пи-

демо далеко, далеко, буде намъ добре-добре", все повторяла: „батько казалы: буде добре-добре, буде добре-добре—казалы батько"!—Гапуня все думала: „ну и маты яки вредни! Щобъ було упертысь и сказаты: „не хочу и не хочу",—батько и зостались-бы, а то!"... Вона дула губы и по цилыхъ днякъ не обзывалась до матери, та не просыла остатысь, бо знала, що тая буде ій быты: вона тилько все бигала до бабы и умовляла щобъ баба зоставыла ій пры соби, та баба не знала, якъ це зробыты?

Баба разъ обисмилылась просыты Гната, щобъ винъ не йшовъ на Томську, бо якъ вона подывыться туды, куды имъ ыты, то наче въ колодець загляне: все тамъ темно, глыбоко, ничого не выдно, страшно! Винъ-же сказавъ: „якъ хоче ваша дочка зоставатысь, нехай зостается,—я й самъ пиду"!

— Та побійся Бога, ты-жъ дитей загубышъ!

— Не ваше дило.

Писля цёго баба вже рота не роззявляла.

Колы-жъ, було, Лысавета почуе, що мали диты пыщать: „тамъ насъ вовкъ изйисть", то вона вже знала, чіи то штукы, и была и дитей, и Гапуню.

Отъ повертались и ходакы. Погано воны балакалы. Учытель, Костянтынъ, казавъ, що не стоить и не стоить на Томську ихы, бо тамъ хлибъ поганый, земля погана, люде погани, що воны вымирялы своимы ногамы кожный сажень, передывылысь своимы очыма кожный колосочокъ, переслухалы кожну балачку мижъ людмы про Томську, вси гроши перевелы, не йилы, не пылы и черезъ сылу до дому досталыся. Громада заразъ побачыла, що учытель хвастае и себе выхваляе; тилько ридный батько его послухавъ, а бильше нихто. Другый ходакъ, Мазныця, ничого такого не казавъ,—винъ тилько плюнувъ и процидывъ кризь зубы: „нехай того батько сказытся, хто туды пиде"!

Ось-же люде и цёму не повирылы, хочъ одразу наче ихъ хто по голови трахнувъ та выскубъ зъ неи вси надіи, якъ ныткы зъ полотна на мережку. Тилько воны поришыла такъ,

що ходаки ихъ грошы пропылы, въ Томськiй не булы та все брешуть—и слухаты ихъ ничого, и вирыты имъ нема чого, а треба збиратысь и иты. Бильше всихъ бувъ выноватый Гнатъ, що не хотилы ходакивъ слухаты, бо винъ, що ранiйше такъ ридко бàдакавъ, теперъ роспустывъ языка и писля кожного ихъ слова казавъ: „не слухайте ихъ, хлопци! ходимъ—та и все тутъ“!

А тутъ якъ-разъ прыславъ Мартынъ Цяпоръ до жинкы пысьмо зъ Томськои губернiи, щобъ заразъ збиралась зъ дитьмы, все продавала и до него прыбувала, бо ему добре, гроши у него йе, и щобъ жонатый братъ ёго тежъ ишовъ, бо, скилько-бъ не прыйшло, всимъ буде тамъ добре.

Вси повеселiйшалы и сталы выбиратысь въ дорогу. Тилько и речи було,що про Томську. Хтось сказавъ (а хто—незвисно, наче само слово вродылося), що тамъ водытся якыйсь змiй, що жывцемъ людей ковтае, та „пересельци“ тилько смiялысь и казалы: тю, тю! Якъ жывцемъ хапае, то можна и ножа зъ собою взяты: черево ёму зъ середыны розризаты и выйты знов на свитъ Божый“! Казалы, що якъ такому злодiю, якъ Мартынъ, добре жывется, то, значыть, тамъ справди добре.

— Колы иты, такъ и иты!—мовлявъ Гнатъ.

Накинець получылы квиткы, найнялы до городу пидводы, наклалы горы всякого добра, посадылы дитей зверху, якъ на копахъ, що зъ поля возять, побралы земли зъ могылъ, поклалы за пазуху, перехрестылысь, попрощалысь зъ своимъ родомъ, що зостався дома, и пишлы.

Вже Гнатъ бувъ зовсимъ готовый иты, колы Гапуня пропала; шукалы ii, шукалы и Лысавета, и диты, насыпу найшлы десь въ бурьяни, прывелы ii. Вона плакала и крычала: „ой, рятуйте, люде добри, не хочу я, не хочу... ой, не пиду я... намъ тутъ добре було... ой, мамо, що вы робыте? ось, слухайте, зостанемось тутъ... ось я“...

Лысавета ажъ заплакала и почала тыхенько уговоряты дочку: „ну, чого-жъ бо ты? Бачъ, скилько людей идуть, чого-жъ ты боишся? Не плачь! Якъ погано буде, то вернемось... а

теперъ треба иты, бо земський веливъ, чуешъ ты? Та що зъ тобою багато розговарювать, цыть мени"!—додала маты строго.

Дивчына трохы замовкла, выдряпалась сама на воза, обняла Марушку и плакала вже тыхенько: тилько, якъ баба почала тужыты, вона зновъ скочыла доли, вчепылась за бабыну спидныцю и не хотила бабы зоставыты, поки Гнатъ не одирвавъ ій сылкомъ, не вдарывъ пугою по кобыли, не сипнувъ однією рукою поводъ, а другою Гапуню за руку и не пишовъ скоро впередъ, не обертаючысь, хоча Параска лаяла ёго, що дочку веде на край свита, а Мотря крычала: „куме, чы взялы соли, чы взялы сала? Ось стійте, я жъ вамъ пампушокъ напекла, розвьяжить торбынку, то покладу... Не слухае, бодай ёго...! Стійте!". А нима тежъ щось мукала и бигла слидкомъ, щобъ ёго задержаты. Дарма!

Лысавета насылу одъ матери вызволылась, бо тая все плакала:

— Дай на тебе надывлюся, дай побачу, яка ты е?—и не пускала ій.

Лысавета спробувала засміятысь: „може, въ Томській ще краще зроблюсь, ось побачыте", а дали заплакала и сама, вырвалась и побигла за Гнатомъ, що бувъ вже далеко на краю села.

Колы выйихалы за село, потяглыся степы ажъ до самого неба, ривни, довги та шыроки; жыто саме цвило, и скризь стояла золота, пахуща курявка, ярына зеленила нызенько и тыхенько хылылась то на той, то на другый бикъ. Чоловикы йшлы коло коней, понуро дывлячысь въ землю, жинкы и старшеньки диты—за нымы мовчкы; инши вытыралы рукавамы юпокъ очи и часто зитхалы; мали диты, якъ курчата въ кучи, сыдилы высоко на вози; воны булы весели, прыдывлялысь до всего; саму Гапуню тишыло розглядаты всихъ тихъ людей, що йшлы за нымы и по переду ихъ и зъ свого, и зъ чужого села; вона замичала, де у кого що лежало на вози, де червонила, або сынила яка-небудь юпка, де стырчала драчка, або ночвы.

А ось якась стара жинка поспишае и не тилько слизъ не вытырае, а ще усмихается, дывлячысь впередъ своимы старымы

очыма; побручъ зъ нею иде, мабудь, чы не сынъ ii зъ жинкою, жинка закрыла лыце обома рукамы, такъ що не бачыть куды йде, а чоловикъ штовхае ii въ бикъ и каже: „годи, годи!“ „Ну и чого вже оттакій старій баби тягатысь?—дума Гапуня—чысто старый черевыкъ!“ Ермыло богатыръ иде и веде ажъ тры пидводы, винъ хочъ самъ и снаряжавъ ходакивъ и чувъ одъ ныхъ, що иты не стоить, та ришывъ, що зъ грошыма ниде не пропадешъ, а може ще й щастя знайдешъ: а ну, спробувать!—А ось иде Максымъ Пугачъ. Винъ хочъ знавъ добре, що гирше, нижъ у насъ, ниде нема, та очы ёго якось погаслы, мижъ бровамы лягла глубока бганка, а губы булы, наче злиплени—такъ мицно зведени. Максымъ йшовъ ще тыхше, нижъ ёго коняка, наче ёго хтось стреножывъ, и все то скыдавъ свою шапку, дывывся въ середыну—буцимъ тамъ щось було, то зновъ надивавъ ii на сами очи. Мытрохванъ Билый, навпакы йшовъ дуже скоро; здавалось, ось-ось винъ здиймется и помандруе черезъ степъ, якъ гайстеръ выставляючы впередъ свій довгый нисъ.—Инши все хрестылыся, други рвалы и теребылы романъ-зилля, або волошки край дороги и соромлыво ховалы за пазуху, або подавалы дитямъ на визъ гратыся, и диты крычалы, щобъ имъ ще далы, чы спустылы побигаты.

Дивчата не булы дуже смутни и лузалы насиння идучи. Гапуня пидійшла до ихъ, колы батько пустывъ ii руку, що мицно державъ у своій руци.

— А ты була колы въ городи?—спытались дивчата Гапуню тыхенько, бо нихто не балакавъ въ голосъ.

Вона видповила, що ни, и якась дивка почала розсказуваты, яки вона „чудасіи“ бачыла, якъ жыла въ городи.

Якъ ни багато визъ Гнатъ дитей, та на вози Васыля Рудого, що тягся позаду одъ всихъ, ихъ було ще бильше: бо ажъ десятеро сыдило тамъ, та таки вси дрибни, якъ голубьята, укутани въ щось дране, такъ, що весь визъ бувъ похожый на визъ тряпошныка зъ ганчиркамы. Маты ихъ йшла рядомъ и

гирко плакала, та и батько, здается, вытыравъ очи чорнымъ, здоровымъ кулакомъ.

Гнатъ ще разъ обернувся и подумавъ: „вже николы не побачу".

Ёго наче щось за серце схопыло: чы добре жъ винъ робыть, що иде, що своихъ дитей на чужу сторону веде?

— У насъ буде своя земелька, у насъ буде тамъ свое жытечко, своя ярына, хочъ вже не на цей годъ,—ажъ на той. Жалко тилько, що такъ низно выбралысь! Ну, поки що построимось, а тамъ!... „А цёго вже не побачу, ни!—пронеслось, якъ блыскавка въ ёго голови"—и гирко ёму стало и повернувся винъ, и подывывся въ остатній разъ на свое село и махнувъ рукою.

— Краще буде,—проговорыла Лысавета до Гната, наче вгадала, про що винъ дума.

— Эге, сказавъ винъ, а тилько чи таке воно тамъ?

— Чого?—спыталася жинка не розибравши, що винъ каже.

Гнатъ зновъ махнувъ рукою и подывывся на хмары, що биглы куды скорійше одъ ныхъ и кыдалы свои тини на возы, на людей, на жыто, на ярыну и закрывалы на мыть сонце.

По дорози зустрилысь имъ якись люде. Пересельци, якъ одынъ чоловикъ, знялы шапкы и поклонылысь нызенько; въ другый разъ, може, нихто бъ не кланявся такъ нызенько гуртомъ незнакомымъ людямъ, а теперъ, колы ти крыкнулы: „Боже поможы!",—воны зновъ уклонылысь, хочъ ти вже пройихалы соби.

— Ціи до дому, а мы зъ дому! Ба, та вже не можно вернутысь, хочъ бы й схотилы!—подумавъ Гнатъ. И вси пересельци, наче у ныхъ одна голова на плечахъ, подумалы такъ.

Степъ розлягався, розгортавъ свои зелени роздолля, а пересельци йшлы та йшлы. Знявся витеръ, погнавъ скорійше хмары, жовту куряву и пересельцивъ, а куды?—нихто зъ ихъ цёго не знавъ; такъ само не знавъ, якъ не знавъ того слипенькій хлопець Мартынивъ, що сыдивъ зъ матирью та братомъ на вози и наводывъ свои очи прямо на сонце.

Писля того, якъ дочка пишла на Томську, стара Параска не могла дня прожыты, щобъ не згадаты ии и не поплакаты; ій здавалося, що вона все йидно, що поховала свою дочку; та ни—гирше: бо наче и йе вона, и нема ии, николы и не побачутся! Бильшъ всёго ій було жалько, що вона не зоставыла пры соби Гапуню. А якъ тая ии просыла, якъ плакала, якъ ховалася! Поскилько тоди Парасци здавалося, що не можна дивчыну у себе зоставыты, постилько теперь ій було ясно, що Гапуню зовсимъ легко було зоставыты вдома; треба було тилько попросыты сына та невистку взяты ии за няньку до своихъ малыхъ, чы наняты на тютюнъ, и вона бъ имъ выплатыла той хлибъ, шо зйила-бъ за зиму. Стара Параска все себе пытала: „ну, чому я не зоставыла справди дивчыну"?—и не знала чому: чы того що сына боялася, чы того, що думала—Лысавета ни за що не покыне такои, якъ Гапуня, дивчыны; тилько теперь вона часто сусидкамъ казала: „бильшъ всёго мени дивчыны жалько: такъ вона не хотила ыты!..."

Що-дня Параска заглядала у хату своеи дочкы, и кожный день ии серце болило, бачучы тую пустку: нихто не находытся, щобъ ии наняты, бо багато пересельци покыдалы хатъ, а населыты ихъ зновъ ще не вспилы,—отъ и стоялы порожни.

Писля выхода пересельцивъ, стало на сели трохы пустійше и просторійше, тилько не для бидныхъ людей, у которыхъ було по-багато дитей: воны, якъ и ранійше, тиснылыся въ своихъ старыхъ хатахъ, новыхъ не купувалы (грошей не выстарчало) и все тилько думалы, щобъ пиднятысь и соби на Томську.

Парасчынъ сынъ, що бувъ назначеный опикуномъ сестрыныхъ дитей, бачучы, що хата доходу не дае, ришывъ ии спродаты зъ городомъ. Такъ и зробывъ, а грошы, що взявъ, потратывъ на свое хазяйствечко. Старои Параскы, розуміется, не пытались, та вона-бъ ничого не сказала, бо думала, що вже ии дочка и внучкы николы не вернутся,—такъ нехай хочъ сыновымъ дитямъ буде.

Насылу-насылу Параска диждала лыста одъ зятя. Винъ пысавъ, що все „благополушно“, що вже воны поставылы соби „збу“ и купылы пару коней, що вси здорови и кланяются.

Здается, треба бъ було радиты, а стара Параска заплакала гирко и ни слову не повирыла въ цимъ лысту, бо казала вона: „чуе мое серце, що то за „зба“: то яка-небидь катрага та и вже! Пара коней? Нема у ихъ тыхъ коней? Пышуть такъ абы тилько, що добре... Охъ—хо—хо, жаль мени дивчыны, чому я ій тутъ не зоставыла?... Я и не жалію, що Лысавета за Гната выйшла: винъ чоловикъ смырный, тыхый, та якъ бы жъ то винъ тутъ!

Сусидкы слухалы Параску и казалы: „такъ, такъ“.

Скоро прыйшла звистка, що сынъ одніеи старои жинкы, що и сама зъ охотою пишла на Томську, и сына зъ невисткою потягла за собою, ума тронувся, покы дійшлы у ту сторону, а вона сама онимила зъ переляку та нудьгы.

Одъ того разу новыны все прыбувалы, якъ вода на весни, и стара Параска, сыдячы въ недилю коло церквы, багато наслухалась страшного, черезъ що вона плакала ще бильше. Казалы, що Мартынъ набрехавъ, колы пысавъ, що въ Томській добре: винъ тилько хотивъ пидманыты свого брата, щобъ прыйшовъ, бо самому було трудно бидуваты, то нехай и другый спробуе! Казалы, хтось вернувся и розсказувавъ, якый тамъ хлибъ: чорный, якъ земля, гиркый, якъ полынь, що тилько першый годъ родыть, а на другый, третій—ничого нема, ни снопа, а щобъ ораты, треба лисъ выкорчуваты, а це степовымъ людямъ не можна робыты; що и лисъ такый поганый—рубленои хаты не поставышъ; треба-жъ жыты въ землянци пидъ хворостяною стрихою; що холодно такъ на весни (икъ святій недили), що въ колодязяхъ стаё лидъ, а земля така мерзла, що не вкопаешъ заступомъ, такъ що колы де-яки пересельци тамъ померлы, треба було имъ сокырою могылу вырубаты; що писля, одразу якъ пиде снигъ, по колина вода стане, и мошкари налетыть стилько, що не можна робыты въ день, тилько въ ночи, а то зайидае; що селъ нема (по дви, тры семьи пересельцивъ ростуть у лиску), церквы нема, лавокъ нема

нема де купыты ни соли, ни сирныччкивъ, ни гасу, ни горилкы, хиба за сорокъ верстовъ йихаты; нема де заробыты, бо нема ни панивъ, ни жыдивъ; що по селахъ „киргизы“ жывуть и земли не дають, а якъ и дадуть за велыку цину, то дывлятся, якъ звири, и якъ що не по ихъ—заразъ готови заризаты чоловика; що скризь по дорози бродять розбійныкы, злодіи и каторжни, що готови зъ-за кутка задушыты; що пересельци, бильшъ диты, часто болію̀ть: губы пухнуть и йисты не можна...

Одъ такыхъ балачокъ Парасчыне серце розрывалось, и надумалась вона напысаты дочци черезъ жыда, щобъ хочъ дивчыну вона назадъ прыслала изъ людцямы, що верталысь до-дому.

Тилько трудно було-бъ Лысавети самій безъ Гапуни справлятысь на чужій сторони. Якъ тилько побачыла Лысавета, що „не такъ воно склалось, якъ бажалось“, то и рукы ій опустылысь и почала вона голосыты та проклынаты свою лыху долю, що ій туды занесла; по цилыхъ дняхъ простоювала вона, дывлячысь на маленькый лисочокъ, що торчавъ передъ ій очыма замисть зеленого степу, стояла и тужыла: „ой, мои ниженькы! скилько вы попоходылы, скилько вы намерзлыся“. Вона скризь була така, що тилько що не по ій, заразъ плаче и кляне; що скажы,—заразъ образытся, ничого не хоче робыты, а сяде и тужыть: зъ малечку ій маты, якъ едыну дочку, балувала, покы замижъ не отдала, та и чоловикъ по ій робывъ, и вдовою ій жылося легко, а тутъ на̀-тоби! Вона не могла помырытысь изъ тымъ, що жылы въ темній землянци безъ виконъ; иншый разъ, було, вона зъ серцемъ колупала земляни стины и прыказувала: „розступыся, сыра земле, розступысь могыло“! Дитей вона разъ-у-разъ была безъ розуму, абы душу одвесты; сама не вмывалась, не чесалась, ничого не робыла (вона любыла робыты на людяхъ, а тутъ ни людей, ни вулыци, ни лавкы, ни ярмарку, ни церквы, хочъ пропады: не знаешъ—колы будень, колы праздныкъ), тилько якъ Гнатъ вже дуже розсердыться и крычыть, то вона за що-небудь визьметься та робыть такъ нескоро, безъ охотки, що ажъ нудно на неи дывытысь.

Гапуня одна трохы давала помогы батьку, бо, побачывшы, що маты такъ сумують и зъ ихъ ніякого дила нема, сказала: „хто-жъ буде варыты, хто-жъ буде робыты?“—та й стала варыты такъ-сякъ юшку то зъ крупивъ, то зъ кропывы, збирала хворостъ, грыбы и тишыла дитей, колы воны почыналы дуже тужыты, що голодни. Багато було роботы Гапуни: кримъ дитей, вона часомъ и матирь годувала, бо тая, якъ заголосыть: „на що ты мене, матинко моя, породыла, якъ мени оттутъ пропасты!“,—то не хоче ни йисты, ни пыты, ничого не бачыть и не чуе. Тоди Гапуня якъ визьме ій просыты: „мамочко, та ій-Бо, мамочко, та годи вамъ! Мамочко, аже жъ дитямъ треба даты, а другои ложкы-мыскы немае; йижте-жъ бо швыдче, мамочко, а то якъ батько побачать, то буде вамъ лыхо“. Лысавета послухае, почне, не дывлячысь, у горшку ложкою бовтаты та тежъ не дывлячысь до рота несты, а дали кыне росплачется, обниме Гапуню и скаже: „золотая ты моя головонька! Добре я зробыла, що тебе баби не оддала.“—Трохы писля цёго пидчынытся Лысавета, почына робыты, а дали ще дужче засумуе, що жывуть воны, якъ въ острози

Самъ Гнатъ багато робывъ: винъ то тынокъ заплитавъ кругомъ свого горóду, то хворостъ на хату рубавъ (доброго дерева на рублену не найшовъ), то глыну копавъ, то де-що справлявъ по хозяйству. Трудно ёму було тутъ справлятысь: и дерево негодяще, и земля—солонци, и диты крыклыви, и жинка вередлыва,—все було проты ёго, и згадувавъ винъ свою Ходолю и думавъ, що зъ нею було-бъ куды способнійше, и зробывся винъ лыхымъ, все крычавъ: „убью“! Одну Гапуню винъ жалувавъ, не крычавъ на неи, а вона, було, все до нёго бигала: „тату, а тату, зъ цихъ ягидъ можна кисиль зварыты? А, дывиться, скилько я гилля натягала! А, бачыте, яки грыбы? Тату, а тату, а якъ же теперенькы: у насъ силь выйшла, що теперенькы? Хиба побигты до дядька Васыля позычыты (Васыль Рябый не дуже далеко одъ ихъ поселывся). Тату, а Марушка та Максымка найшлы якесь коринячко, що ёго йисты можна: дуже солодке. Хочете спробувать? ось“.

Якось Гнатъ спытався іи: „а що, Гапуню, хочешъ до бабы?

— Якъ?—вылупыла на нёго свои маленьки очи Гапуня.

— Такъ!—Ось и лыстъ одибравъ, якъ у волость ходывъ. Пыше, щобъ тебе прыслаты зъ кымъ-небудь, хто видсиль буде иты,—то я знайду кого-сь".

У Гапуни ажъ очи заблыщалы, а дали вона подумала, подумала и сказала:

— Ни, я не пиду.

— Чому?

— Що жъ зъ васъ тутъ буде безъ мене?

— Эге, зъ насъ!—усмихнувся Гнатъ, мы вже якось-то будемъ!

Гапуня заплакала.

— Чого ты, чого?—пытався Гнатъ.

Довго вона казала „такъ, такъ, такъ",—а писля—„якъ тамъ весело у насъ: ягоды вже, мабудь, есть и огирочкы маленьки вже позавьязувалысь...

Гнатъ самъ трохы не заплакавъ и сказавъ:

— Не журысь! Ось я тебе одправлю скоро до бабы.

— Ни, ни, тату, я не хочу до бабы, ій Богу, не хочу! не пиду, не пиду! А диты жъ якъ?—добавыла зъ перелякомъ, наче вона ихъ маты.

— Дарма! у бабы краще,—умовлявъ Гнатъ.

— Ой не кажить такъ, бо, ій-Богу, розсержусь!

Гнатъ замовкъ, провивъ рукою по очахъ, а писля по чорненькій головци Гапуни. Гапуня побигла до матери, тилько ничого не сказала ій про усе; Гнатъ тежъ не хвалывся про лыстъ, що заполучывъ одъ тещи.

Гнатъ думавъ такъ-сякъ перебытысь черезъ лито, щобъ побачыты, якый выйде ячминь, що винъ такы успивъ посіяты; тилько зъ Лысаветою ніякъ не можна було, бо вона, бачывшы, якъ тамъ холодно на весни, не соглашалась зоставатысь на осинь и зиму и въ одну душу голосыла: „хочъ бый мене, хочъ ризъ мене, а я тутъ не зостанусь! Хочъ бы вмерты! на що ты мене сюды завывъ? Мабудь повишусь у тому лиси на берези, бо все йидно

не выйдемо видсиль жывымы". Ну, та це дарма, що Лысавета балакала, а ось диты почалы слабуваты: одъ комаривъ, чы що, покыдавъ у ихъ по тилу сыпъ, а меньшенькый хлопець умеръ; простудывся, чы Богъ ёго знае, лежавъ тры дни червоный, якъ малына, и гарячый, и все очкы заплющувавъ, наче ёму трудно було дывытысь, а на четвертый день схопывъ батька, що нахылывся надъ нымъ, за чорну здорову пучку своимы спотилымы тоненькымы пучечкамы и не пустывъ ёго, покы не заснувъ, та не заснувъ на викы, не похоловъ... Самъ батько поховавъ ёго безъ молытвы, безъ помынокъ и подумавъ: „ну, що якъ другый тутъ пропаде?!... ни, треба вертатысь!" До того ще пидъ кинець и йисты ничого було; свое перейилы, нового не було, гроши то сюды, то туды перевелысь: на дорогу, на коней зъ возомъ, що кыргызы ёму навьязалы; вже почалы зновъ выкопувать зъ земли тую картоплю що на весни трохы посадылы. Ось Гнатъ и ришывся иты до дому, хочъ, якъ бы винъ бувъ самъ, безъ дитей, безъ прычынноі Лысаветы, що ще була ваготна, то й пережывъ бы якъ-небудь въ землянци, а дали поставывъ бы хату и... Ну, ничого робыты! Продавъ коней, пооддававъ де-що пересельцямъ, що ще зоставалыся тамъ, передавъ имъ свій ячминь, що зеленивъ добре, и ришывся тикаты, покы тепло, а лито було и въ Томській таке гаряче, що ажъ Лысавета на жару жалилася.

Колы Гнатъ вертався до-дому, хлибъ вже бувъ знятый, мисцямы и звезеный, такъ що на поли тилько де-не-де стоялы копы, якъ золоти хатки. Степъ вже почавъ и чорныты, наче убраный довгымы и узькымы шматкамы поризаного плысу, бо багато людей вспишылось поораты, а зоставлена стерня яснила, якъ коротеньке биленьке волосся на хлопьячій голови. День бувъ ясный, хочъ сонечко и не хотило вже горыты и свитыты, якъ ранійше. Пахло землею, та сытый духъ жыта обступавъ кругомъ. Хмары булы куды бильши, нижъ веснянн, и били складалысь зъ сирымы, робылысь чорни и рослы; та по одынъ бикъ сонце ще блыщало, а по другый въ рижныхъ мисцяхъ смугы дощу зводылы небо зъ землею; здавалось, що хтось точывъ сирый

макъ кризь диряве решето. Дорога жъ не була сыра, курява вставала цилымы стовпамы та кущамы, бо сыльный витеръ розганявъ хмару, зрывавъ хустку зъ головы у Лысаветы та Гапуни, хотивъ поскыдаты дитей зъ воза, якъ комахъ, а коняци (що наняты у городи) все закрывавъ очы грывою, и замитавъ такъ дорогу, що трудно було що-небидь розглядиты передъ собою; одначе Гнатъ здалека пизнавъ свое село и сказавъ:

— Ось и зновъ побачылы!

Лысавета, якій було важко тягтысь такъ далеко, перехрестылась.

— Слава тоби, Господы!

Диты заверещалы, запыщалы на вси голосы и заскакалы, якъ клубочкы, на вози,—мало не скотылылыся вси до-долу. Гапуня сплеснула рукамы, плыгнула и побигла швыдче конякы впередъ такъ, що скоро счезла зъ очей.

Гнатъ и жинка ёго булы теперъ похожи на тіи вербы, що на степу пры дорози выросты, що витеръ, якъ не зовсимъ зламае, та повыкручуе такъ, що воны ни на що не похожи, наче ихъ хто заставлявъ проты воли танцюваты, ажъ покы головъ не позверталы соби; диткы жъ ихъ булы похожи на сухее лыстячко скручене, маленьке, що буря жене и не дае оддыхаты; воны булы блиди и наче пыломъ прысыпани, зъ шырокымы, голоднымы очыцямы.

Гнатъ згадавъ, якъ воны йшлы на Томську гуртомъ, цилою смугою, а теперъ винъ вертався одынъ въ однымъ тилько хлопцемъ и, хоча було ёму и тоди не весело, та теперъ же було ще смутнійше: не подержавъ винъ колосся зъ свого жыта, не молотывъ свого хлиба, не пробувавъ ёго та вже й не спробуе... „Треба зъ хлопця майстра робыты!“

Ото вже зрадила стара Параска, колы зновъ побачыла свою дочку.

— Та якъ-же ты змарнила!—сплеснула вона рукамы.

Лысавета розсказала матери уси свои мукы, розсказала, якъ перша жинка зъ ихъ стороны, що воны зайшлы до неи въ

землянку у Томській, сказала: „Охъ, сестрычкы жъ мои, чого жъ вы сюды попрыходылы? Я ось другый годъ борщу не куштувала: все надъ сухымъ хлибомъ!“

Прыйшлы-жъ до дому, и вдома не було ни що йисты, ни де жыты, бо той чоловикъ, що купывъ Лысаветыну хату, не хотивъ ій пускаты, бо казавъ винъ:

— Якъ такъ купуваты, що треба зновъ отдаваты, то я не хочу, бо не забирае жъ чоловикъ корову назадъ, якъ продасть у ярманку.

У Гната не було грошей, щобъ одкупыты хату,—треба було ще тягатысь зъ опекуномъ, що продавъ, а поки що поселывся винъ зновъ въ чужій и ставъ тамъ зъ Лысаветою жыты, ставъ зновъ по людяхъ робыты; та жылы воны биднійше, хочъ дитей зновъ було восьмеро (одно въ Томській вмерло, а друге—найшлося, якъ прыйшлы до дому), та диты мали: помочи не давалы.

Колы Гната теперъ пыталы про Томську, винъ тилько рукою махавъ и казавъ:

— Було-бъ краще не ходыты! Думавъ, що все обдумавъ, а выйшло не такъ!

Винъ теперъ ище менышъ ставъ балакать, нижъ перше, а до Лысаветы и зовсимъ переставъ говорыты, все черезъ Гапуню ій прыказувавъ: „нехай маты те зробыть, нехай друге прынесе“, бо спротывылась вона ёму писля Томськои.

Лысавета жъ зновъ стала весела, якъ перше була, и багато розсказувала про Томську матери та сусидкамъ, що все дывовалысь: „ну, скилько-жъ ця Лысавета перетерпила—то страхъ!“ Ій же ажъ весело було розсказуваты про свое нещастя та недолю, бо цее все мынулося (а бабы слухалы такъ ловко), весело казаты, що „въ Томській николы лита та тепла не бувае, а все лидъ та лидъ! Николы сонце не лягае, а все день та день!“

Маты якъ ни зрадила Лысавети, та все докоряла: „я жъ тоби казала, донько, я жъ тоби говорыла, що такъ воно й буде. Ага, не послухалась, пишла! Ага! Старыхъ людей треба слухаты, а зять то мій думавъ, що винъ одынъ розумный е!“

Гапуня одійшла дома—стала веселійша, не така заклопотана; почала вона дитямъ нови казкы плесты про вовкивъ, „людей-соплякивъ“, про машыну-змія зъ червонымы очыма. Диты сыдилы та слухалы, наче прычаровани, и дывылысь на Гапуню, якъ на саму мудру людыну въ свити. Скоро ій въ тютюнъ почалы посылаты гроши заробляты, и вона стала така горда, що й не пидступайсь; усе каже: отъ ще днивъ тры—таке здорове насыння поросте, зовсимъ сылу стягне!“—або: „пора вже й тютюнъ обризуваты! що той дурень табашныкъ соби думае, я и не знаю!“. Черезъ годъ оддавъ Лысаветынъ братъ Гнату гроши. Гнатъ купывъ латку гороху, почавъ строитысь и взявъ земли десятыну въ оренду, и посіявъ соби хлибъ.

Де жъ други пересельци, що разомъ зъ Гнатомъ йшлы?

Одни прыйшлы назадъранійше, други — пизнійше. Максымъ Билый вернувся до-дому и заразъ подався на заводъ, жинку зъ дитьмы зоставывъ у батька зъ братомъ, и тамъ вси, одъ велыка до мала, ій лаялы, буцимъ-то вона була выновата, що на Томській погано жыты. Ермола не вернувся, бо зъ грошыма всюды добре, и попавъ винъ якось ловко добрый надилъ, то й оброблявъ ёго добре. Васыль Рудый вернувся и завирявъ всихъ, що не въ Томську треба було подаватысь, а на Херсонщыну, и що винъ непремынно на той годъ пиде туды. Васыль Рябый та Васыль Купый зосталысь въ Томській, бо не було зъ чымъ вызволытысь, ни зъ чымъ було назадъ вернутысь, а то бъ воны давно утиклы видтиль. Мартынъ Цяпоръ, злодій, тежъ зостався, бо дила ёго пидчынылысь: винъ и тамъ почавъ тую „прахтику“, що у себе дома, и ничого—покы не зловылы кыргызы, або пересельци,—жылось ёму добре. Братъ-же ёго вернувся и такъ клявъ Мартына за те, що ёго звавъ, що ажъ страшно робылося. Инши повертались зовсимъ голи, и такъ, якъ хатъ у ихъ не було, то прыйшлося иты въ мандры, або по людяхъ жыты, хто прыйме, та робыты за кусокъ хлиба.

Такъ, ходакы не набрехалы, а старыхъ людей та бабъ тра було слухаты, бо, мовляла Параска: „все, що хто ёго знае де и що таке, все—погане, а хочъ и добре, то не для насъ“.

Грыцько Грыгоренко.

Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованія.

Въ то время, какъ неоднократно приходится слышать и читать о малорусской поэмѣ, малорусской драмѣ, музыкѣ, лирикѣ,—на малорусскую пластику наброшенъ какой-то таинственный покровъ. Правда, изрѣдка, урывками говорится объ отдѣльныхъ предметахъ: то о красивомъ старинномъ зданіи, то о своеобразномъ портретѣ или рѣдкой иконѣ, то о чудесной вышивкѣ шелкомъ или серебромъ, случайно найденной среди стародавняго хлама какой-нибудь разрушающейся часовенки; но о малорусской архитектурѣ, о малорусской пластикѣ, живописи, какъ о чемъ-то вполнѣ самостоятельномъ, значительномъ и цѣнномъ, не говорится ничего.

И благодаря этому непонятному замалчиванію одной изъ интереснѣйшихъ чертъ малорусской культуры, сплошь и рядомъ съ горечью приходится наблюдать, какъ безпощадная рука времени, а еще чаще современныхъ вандаловъ въ лицѣ реставраторовъ, ревнителей—меценатовъ, порою даже „знатоковъ"—годъ за годомъ уничтожаетъ и безъ того уже немногочисленные остатки искусства XVI—XVII вѣковъ—эпохи, которая по справедливости можетъ быть названа Эпохой Возрожденія Южной Руси.

И стройная, гибкая линія церковныхъ куполовъ, такъ смѣло уходящая въ прозрачное синее небо, все чаще и чаще

сворачивается въ неуклюжую луковицу современнаго псевдо-византійскаго стиля; старинныя узорчатыя ризы, цвѣтистыя, какъ породившій ихъ вѣкъ, пережигаются для добыванія крупинокъ золота и серебра; старинныя фрески сбиваются, какъ „безграмотная мазня", чтобы уступить мѣсто патентованнымъ копіямъ съ иллюстрированныхъ журналовъ; величавыя статуи прячутся по чердакамъ, дѣлаясь добычей мусора и пыли, или, какъ позорный остатокъ неблагочестія, заслоняются первой попавшейся мазнею маляра.

И то, что должно бы вызвать справедливый гнѣвъ не одинокаго любителя, а цѣлаго общества, гордаго своимъ геніемъ,— проходитъ незамѣченнымъ, становясь заурядным, сѣренькимъ явленіемъ, не привлекающимъ даже праздная любопытства.

А между тѣмъ достаточно даже поверхностнаго взгляда на географическое и историческое положеніе южно-русскаго края, чтобъ предугадать, сколько своеобразнаго и интереснаго должна въ себѣ таить страна, нѣсколько столѣтій служившая арсной борьбы самыхъ противоположныхъ міровоззрѣній и связанныхъ съ ними пластическихъ формъ.

Съ одной стороны—замкнутая, строгая Москва, вся проникнутая аскетическими идеалами древняго, византійскаго Востока,—вся ея духовная жизнь сосредоточилась на вѣрѣ или, правильнѣе сказать, на формахъ ея; съ другой—бурный, тревожный Западъ, со всей утонченностью высоко развитой культуры, съ дивными образцами искусства и смѣлой, проницающей и анализирующей мыслью, Западъ чувственный, манящій, сверкающій.

На долю Южной Руси выпала роль соединительнаго звена между этимъ европейскимъ блескомъ и однотонною Москвой. И оба эти чуждые, даже враждебные другъ другу лагеря, именно въ силу своихъ рѣзко подчеркнутыхъ особенностей, не могли не передать ей нѣкоторыхъ изъ свойственныхъ имъ чертъ; это тѣмъ болѣе естественно, что, если Западъ чаровалъ Южную Русь своей иноземной прелестью, то съ Москвою связывала единая греческая вѣра, все-же въ концѣ концовъ перетянувшая чашу вѣсовъ.

Но сильный народъ, какимъ былъ народъ южно-русскій, выросшій и окрѣпшій въ непрестанной борьбѣ, не могъ совсѣмъ ужъ рабски воспринимать чужіе образцы; внѣшнія заимствованныя формы онъ долженъ былъ оживить своимъ собственнымъ національнымъ духомъ, и весь вопросъ лишь въ томъ, чтобъ съумѣть его уловить.

Какъ я уже сказалъ, черезчуръ мало еще сдѣлано, чтобъ можно было съ полнымъ основаніемъ опредѣлить характерныя черты малорусскаго стиля. Въ *архитектурѣ*, напр., это несомнѣнно должно послужить одной изъ основныхъ задачъ будущаго изслѣдователя; пока-же можно лишь провести кое-какія аналогіи, не лишенныя, быть можетъ, значенія, какъ указаніе на части тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ малорусскій стиль слагался, но все-же далеко не разрѣшающія вопроса вполнѣ.

Между прочимъ я позволю себѣ отмѣтить нѣкоторое сходство южно-русскихъ церквей XVII и даже начала XVIII вѣка съ постройками нѣмецкаго Возрожденія. Какъ примѣръ, приведу университетъ, бывшій коллегіумъ, въ Гельмштедтѣ (начало XVII в.), древнюю гравюру съ котораго можно видѣть въ типографіи Меріяни, [1]) и замокъ Лейтцкау въ Альторкѣ (1566—1595), гдѣ мы можемъ видѣть высокіе, четырехгранные, увѣнчанные башенкой куполы, по изгибу линій нѣсколько напоминающіе каску и составляющіе столь характерную особенность нашихъ мѣстныхъ церквей; нарисованная-же еще Т. Г. Шевченкомъ „Богданова церква у Субботови“, своимъ узорчатымъ фронтономъ, покоющимся на нѣсколько грузномъ корпусѣ, невольно просится на сравненіе съ другимъ нѣмецкимъ зданіемъ XVII вѣка—ратушей г. Мюндена, построенной архитекторами Фридрихомъ Вейтманомъ и Георгомъ Гроссманомъ. Многочисленныя орнаментаціи, украшающія эти церкви, носятъ ужъ болѣе опредѣленно-самобытный характеръ. Хотя въ нихъ и можно угадать вліяніе тѣхъ или иныхъ западныхъ школъ, но вліяніе это отнюдь

---

[1]) Снимокъ съ этой гравюры воспроизведенъ въ «Denkmaeler deutscher Renaissance», стр 45.

не лишаетъ ихъ своеобразной красоты, присущей имъ, какъ и образцамъ *гравировальнаго* искусства той-же эпохи, съ которыми ихъ связь несомнѣнна. Кто внимательно просматривалъ южно-русскія изданія конца XVII и даже половины XVIII столѣтія, тотъ навѣрно замѣтитъ крайнее разнообразіе, какъ въ способахъ трактовки сюжетовъ, заставокъ, заглавныхъ буквъ, такъ и въ самомъ мастерствѣ исполненія. Наряду съ виньетками, точно скопированными съ картинъ итальянскихъ мастеровъ,—какого-нибудь Тинтбратто, попадаются образчики другого, болѣе простого, наивнаго стиля, стремящагося, порою и неумѣло, передать свое, родное—мѣстные типы, мѣстную обстановку. Укажу для примѣра на иллюстраціи Печерскаго Патерика той эпохи: нѣкоторые пейзажи въ немъ—виды Днѣпра, а дѣйствующія лица сплошь и рядомъ одѣты въ богатые парчевые кафтаны съ широкими откидными рукавами знатныхъ пановъ. Заставки и буквы также даютъ богатый матерьялъ для изученія. Вліяніе Запада въ нихъ также несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы чувствуете, что Западъ давалъ въ этомъ дѣлѣ лишь образцы, по которымъ учились творить самостоятельно. Эти переплетенныя виноградныя листья и сложныя завитушки чужды волшебной легкости итальянскихъ арабесокъ; въ нихъ есть какая-то скрытая твердость, порою даже грубость, но, по моему, такими и должны быть работы современниковъ Хмеля и Петра Могилы. Другимъ, несомнѣннымъ уже, отраженіемъ западныхъ вкусовъ нужно считать присутствіе въ нѣкоторыхъ церквахъ *статуй*, то въ видѣ надгробныхъ памятниковъ, въ родѣ Константина Острожскаго Великой Лаврской церкви, то въ родѣ простыхъ архитектурныхъ украшеній—каріатидъ, амуровъ; послѣдніе большей частью изъ дерева.

Въ этомъ случаѣ скульптура входитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ *рѣзьбой* и *литьемъ*.

Снова тутъ является необходимость отдѣлить чисто занесенныя черты отъ чертъ національныхъ—работа, которая, думается мнѣ, должна дать много въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ сопоставленій.

Конечно, при изученіи этихъ произведеній малорусскаго искусства, не слѣдуетъ упускать изъ виду и попутнаго изслѣдованія образчиковъ производства *ткацкаго*, а также разнообразныхъ узоровъ и рисунковъ то шелкомъ, то серебромъ на полотенцахъ, воздухахъ и т. п. предметахъ домашней и церковной утвари.

Такъ какъ, по самому своему характеру, эти работы зачастую являются произведеніями не мастеровъ-спеціалистовъ, а самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества—отъ простого крестьянина до именитой панны, движимой ревностью къ вѣрѣ или связанной обѣтомъ,—то онѣ, эти работы, въ большинствѣ случаевъ характеризуются особенно яркимъ отпечаткомъ мѣстныхъ особенностей или чисто индивидуальнаго творчества. Поэтому, въ нихъ и должно, мнѣ кажется, главнымъ образомъ искать излюбленныхъ мотивовъ южно-русскаго орнамента, мотивовъ наиболѣе интимныхъ, а потому и наиболѣе типичныхъ.

О *живописи* я нарочно рѣшилъ заговорить въ концѣ, такъ какъ изъ всѣхъ пластическихъ искусствъ она несомнѣнно доставитъ наибольшее количество матеріала для изслѣдователя какъ художественной, такъ и чисто бытовой стороны жизни южно-русскаго народа.

Нѣсколько словъ Павла Алепскаго, сказанныхъ по поводу видѣнныхъ имъ образцовъ, довольно мѣтко опредѣляютъ характерную ея особенность: „Въ этомъ городѣ (Кіевѣ), говоритъ онъ, среди козацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть...“ [1]) Упоминанье о существованіи еще обычая писать портреты со всѣхъ пріѣзжающихъ патріарховъ, равно какъ и сохранившіяся до послѣдняго времени сравнительно многочисленныя изображенія нѣкоторыхъ знатныхъ и чѣмъ-либо замѣчательныхъ особъ, свидѣтельствуютъ о томъ,

---

[1]) Путешествіе Патріарха Макарія, описс. Павломъ Алепскимъ Вып. II, стр. 76.

что „портретъ“ являлся однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ „козацкихъ“ художниковъ XVII вѣка.

Дѣйствительно, портретъ проникаетъ даже въ церковь. Какъ примѣръ, приведу хотя-бы прекрасные, уничтоженные нынѣ, портреты русскихъ царей и князей, украшавшихъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стѣны Великой Лаврской церкви, портретъ Дмитрія Ростовскаго въ библіотекѣ той-же лавры, большое характерное изображеніе строителя церкви и трапезы Выдубицкаго монастыря—Михайла Миклашевскаго и совсѣмъ почти неизвѣстный портретъ Иннокентія Монастырскаго (1684—1692) на стѣнѣ праваго придѣла Кирилловской церкви.

Оставляя въ сторонѣ чисто техническую сторону вопроса, я укажу лишь на нѣкоторыя внѣшнія черты, характеризующія эти произведенія и придающія имъ, помимо искусства, чисто историко-археологическую цѣнность.

Я говорю о массѣ деталей—покроѣ платья, утвари, узорахъ парчи и др. мелочахъ, существующихъ на портретахъ въ видѣ придатковъ, но, какъ матеріалъ, получающихъ вполнѣ самостоятельное значеніе; къ числу ихъ нужно прибавить и гербы изображенныхъ лицъ съ начальными буквами титуловъ или званія. Но помимо портретовъ, южно-русская живопись характеризуется въ высшей степени интересными образцами иконографическаго искусства, представляющими въ большинствѣ случаевъ удивительную смѣсь византійскихъ, западныхъ и чисто мѣстныхъ чертъ. Любовь къ портретности и тутъ сказалась во всей силѣ: сплошь и рядомъ святыя мученицы принимали видъ женъ или сестеръ заказчиковъ, или же эти послѣднія, какъ на Западѣ, изображались предстоящими или молящимися Предвѣчной Дѣвѣ въ облакахъ. Самые лики Спасителя и Божьей Матери тоже, вслѣдствіе значительныхъ уклоненій отъ византійскаго прототипа, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны любителя древняго искусства.

Трудно, да и врядъ ли нужно, подробнѣе останавливаться на всѣхъ вопросахъ, могущихъ возникнуть при изученіи малорусскаго искуства XVI, XVII и начала XVIII вѣка. Набрасывая

этотъ бѣглый очеркъ, я имѣлъ лишь въ виду указать на дѣйствительно въ высшей степени странное обстоятельство: въ то время какъ доисторическій и княжескій періоды нашего края разработаны чуть ли не до мелочей, эпоха, о которой я говорю—этотъ богатый и пышный расцвѣтъ южно-русской культуры, какъ въ области мысли, такъ и въ области искусства, почти не находитъ себѣ изслѣдователя, а уцѣлѣвшіе остатки старины—заботливой руки, охраняющей ихъ отъ разрушенія. Возбудить къ нимъ интересъ, котораго они, на мой взглядъ, вполнѣ заслуживаютъ—вотъ задача настоящаго очерка.

Е. М. Кузьминъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ? Въ майской книжкѣ «Странника» за текущій годъ г. Марковъ познакомилъ публику съ проектомъ бывшаго генералъ-губернатора юго-западнаго края А. П. Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ нашемъ краѣ. Фактъ проведенія генералъ-губернаторомъ А. П. Безакомъ этого проекта черезъ законодательныя инстанціи извѣстенъ, конечно, давно, но кто былъ дѣйствительный авторъ его, остается еще въ печати нераскрытымъ. Благодаря тому, что въ упомянутой выше статьѣ г. Маркова приведенъ текстъ проекта, можно теперь не ошибаясь сказать, что составителемъ его былъ покойный коведральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ. Первымъ доказательствомъ тому служитъ черновая записка, найденная въ бумагахъ П. Г. Лебединцева и сообщенная намъ родственникомъ его о. Іоанномъ Гордіевскимъ. Сверивъ эту записку съ напечатаннымъ въ «Странникѣ» текстомъ проекта, не трудно видѣть, что проектъ есть дословное воспроизведеніе сохранившейся записки. Кромѣ того, изъ нѣсколькихъ писемъ Д. Г. Лебединцева къ брату своему, Петру Гавриловичу, несомнѣнность ближайшаго участія послѣдняго въ составленіи этого проекта становится очевидною, и конечно, черезъ генералъ-губернатора Безака проведена была по всѣмъ высшимъ инстанціямъ записка составленная П. Г. Лебединцевымъ.

По этому вопросу мы находимъ въ письмахъ Д. Г. Лебединцева къ брату слѣдующія мѣста.

1) Въ письмѣ отъ 10 февр. 1868 г.

«Спѣшу сообщить тебѣ о ходѣ дѣла по запискѣ Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ. Въ Синодѣ, какъ тебѣ извѣстно, дѣло о гражданскихъ правахъ православнаго духовенства уже производилось, а именно—въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Комитетъ этотъ требовалъ денегъ для улучшенія быта духовенства, но какъ таковыхъ въ государственномъ казначействѣ не очень густо, то комитетъ и притихъ. Записка Безака побудила Синодъ заняться безотлагательно обсужденіемъ вопроса о гражданскихъ правахъ духовенства; но вопросъ желаютъ теперь рѣшить не для одного юго-западнаго края, а для всей Россіи.

2) Когда дѣло это приняло благопріятный оборотъ, Даніилъ Гавриловичъ писалъ брату:

«Безаку и кому-то другому большое спасибо скажетъ вся Россія, что не дали заснуть этому дѣлу. Въ Синодѣ немного недовольны, что предвосхитили у нихъ честь почина, а я думаю, что безъ записки Безака они едва-ли бы что сдѣлали, такъ-какъ изъ всѣхъ архіереевъ только кіевскій митрополитъ да курскій епископъ заявили, и то довольно робко, объ уничтоженіи сословности духовентсва, да еще херсонскій архіерей. Что духовенство наше не было приготовлено къ уничтоженію его сословности, видно изъ того, что въ духовной нашей литературѣ нѣтъ ни одного серьезнаго сочиненія по этому предмету. Такимъ образомъ, въ канцеляріи юрисъ-консульта пришлось писать историко-богословскій трактатъ о началѣ и распространеніи духовной касты и о несогласіи этого учрежденія съ ученіемъ соборовъ греческой церкви и духомъ православія. Можетъ быть, это зависѣло и отъ того, что духовная цензура едва-ли бы пропустила такое сочиненіе».

3) Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года Д. Г. Лебединцевъ писалъ такъ.

«Наконецъ дѣло объ упраздненіи сословности духовенства прошло и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Говорятъ, что оно принято единогласно, и только одинъ изъ членовъ предложилъ вопросъ—не произойдетъ-ли черезъ это недостатка въ кандидатахъ для замѣщенія священо-служительскихъ мѣстъ, но, получивъ успокоительный отвѣтъ, согласился съ прочими. Послѣ этого Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, великій князь Константинъ Николаевичъ, сказалъ, что *это третье 19 февраля.* По окончаніи засѣданія нѣкоторые изъ членовъ подходили къ графу Толстому съ поздравленіемъ. *За симъ поздравляю и я тебя*».

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ находится другое дѣло—объ улучшеніи содержанія духовенства въ этомъ краѣ, дѣло, разрѣшившееся въ благопріятномъ смыслѣ немного раньше перваго дѣла (въ 1867 году) и тоже не миновавшее рукъ П. Г. Лебединцева. Тотъ-же родственникъ Лебединцева, о. Іоаннъ Гордіевскій, сообщаетъ намъ слѣдующее:

«6 ноября 1867 года депутаціею почетнѣйшихъ лицъ мѣстнаго (кіевскаго) духовенства были поднесены иконы и прочитаны благодарственные адресы генералъ-губернатору А. Н. Безаку за исходатайствованіе имъ средствъ для улучшенія содержанія духовенства. Изъ представителей духовенства никто не зналъ, что среди нихъ находится то лицо, по запискѣ котораго Безакъ исходатайствовалъ прибавку жалованья духовенству. Этимъ лицомъ былъ П. Г. Лебединцевъ. Записка эта читалась въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи Государя-Императора и Безака. Во время чтенія лицо Государя сіяло, а по окончаніи чтенія Государь сказалъ: ты снялъ, Александръ Павловичъ, большой камень съ юго-западнаго края». У меня имѣлась въ рукахъ собственноручная замѣтка Петра Гавриловича Лебединцева, что эта записка составлена имъ. Онъ до смерти Безака (30 декабря 1868 г.) никому не открывалъ этой тайны и только въ іюнѣ 1869 года, какъ видно изъ переписки его, въ первый разъ сказалъ объ этомъ своему старшему брату, Арсенію, а потомъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ. Не говорилъ онъ и о томъ, что я случайно узналъ по прочтеніи рукописныхъ его воспоминаній о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1855 г., [1]) какъ онъ подалъ записку Безаку объ отмѣнѣ натуральныхъ крестьянами повинностей въ пользу духовенства, положенныхъ 20 іюля 1843 года. 16 января 1867 г. Высочайше повелѣно: повинности эти отмѣнить съ 1 янв. 1868 года и съ того-же времени начать поземельный сборъ въ юго-западномъ краѣ на поддержаніе и возобновленіе церковныхъ домовъ».

Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому. Приводимое ниже письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому относится къ іюню мѣсяцу

---

[1]) См. Кіев. Стар., 1900 г. № 7—8.

1856 года, когда Кулишъ, окончивъ составленіе второго тома «Записокъ о южной Руси» во время пребыванія у себя на хуторѣ, вернулся снова въ Петербургъ, гдѣ и занялся подготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ «Чорной рады». Въ качествѣ предисловія къ послѣдней Кулишъ, какъ извѣстно, [1]) приготовилъ статью «О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверной», относительно содержанія которой онъ находился въ сомнѣніи. Раньше чѣмъ отдать ее въ печать, онъ разослалъ ее въ рукописи своимъ знакомымъ (В. В. Тарновскому—отцу, М. Грабовскому), съ просьбой подѣлиться съ нимъ по поводу ея своими мыслями. Каковъ былъ отвѣтъ со стороны В. В. Тарновскаго—мы не знаемъ; что же касается Грабовскаго, то онъ, какъ видимъ изъ приводимаго ниже письма, а также знаемъ изъ прежде опубликованныхъ матеріаловъ, [2]) обстоятельно отвѣтилъ Кулишу, сдѣлавши свои замѣчанія. Далѣе, изъ даннаго же письма мы видимъ, что предисловіе также было послано и Аксаковымъ, въ Москву, которые нашли, что хотя оно написано хорошо, но вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Отношенія Кулиша къ Аксаковымъ въ это время были самыя лучшія. «Я можу буты прыстрастный до Аксакова, которого *дуже поважаю и люблю*»,—писалъ онъ въ январѣ 1856 г. В. В. Тарновскому—отцу. [3]) Съ другой стороны, и Аксаковъ (отецъ) просилъ Кулиша прислать ему «Чорную Раду» на русскомъ языкѣ, которую, какъ видимъ изъ письма, Кулишъ собирался лично отвезти Аксаковымъ, въ ихъ деревню, для «Русской Бесѣды», энергичными сотрудниками которой, со времени ея основанія въ 1856 году, явились—сначала Константинъ, а затѣмъ Иванъ Аксаковы. [4])

Весьма любопытна выраженная Кулишемъ въ письмѣ идея о возникновеніи «звесты до-купы тры народы» (великорусскій, малорусскій и польскій).

---

[1]) Кіевск. Стар. 1896, II, 116.

[2]) Кіев. Стар. 1898, IV, 358.

[3]) Кіевск. Стар. 1898, II, 111.

[4]) Переводъ „Чорной Рады“ напечатанъ былъ въ „Русской Бесѣдѣ“ въ томъ же 1856 году, вмѣстѣ съ упомянутымъ предисловіемъ, или, точнѣе, послѣсловіемъ, въ виду цензурныхъ затрудненій. Это послѣсловіе Кулишъ, какъ видно, нѣсколько передѣлалъ,—вѣроятно на основаніи указаній, сдѣланныхъ ему его пріятелями, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Кулиша къ В. В. Тарновскому-отцу отъ 24 октября 1856 г.; „не давайте списка (передмовы) никому: въ немъ багато сказано не такъ, якъ треба. („Кіев. Стар.“ 1898, II, 124)

1856, іюня 12. Спб.

Зрадивъ я дуже, побачывшы Вашъ любый мынй лысть отъ 19 мая. Спасыби Вамъ за увагы, що робыте объ моій передмовѣ до Чорной рады. Ще не знаю, чы дозволять выпустыть у свитъ сю исторію; а передмову я передавъ у Москву Аксаковымъ, и воны кажуть, що гарно написано, тилько мають щось мынй навпротывъ сказаты, а що—не знаю, бо то люде непосыдящи, знай бигають по Москвѣ або у ихъ народъ товчется зъ ранку до вечора, то имъ николы и до стола прысисты, добрымъ словомъ изъ прыятелемъ перекынуться. Ось якъ самъ пойиду до ихъ у село, бо вже вырвалысь изъ Москвы на спочывокъ, то тоди й порадымось, що зъ тіею передмовою чыныты.

Я и самъ зъ мисяць жывъ оце на дачи, чы то-бъ-то по нашому на хутори, да якъ мынй нѣяка ледарь не докучала, то я спорядывъ гарненько другый томъ *Записокъ о Южной Руси* да оце йославъ у Москву до цензора. Первый артыкулъ: *Сказкы и сказочныкы*; другый: *Разсказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ*, съ передмовою и эпилогомъ одъ мене самого, третій: *Универсалъ гетмана Остряници съ замѣчаніями М. А. Грабовскаго*. (Чы не розгниваетесь?) [1]) и съ дополненіямы одъ мене самого; четвертый: *Критическій обзоръ источниковъ для исторіи Южной Руси*, да ще де що. Первый томъ скончытся друкомъ черезъ мисяць. Тоди я, вхопывшы оберемокъ книжокъ, махну на Вкраину и заразъ, не гаявшы часу, прибуду до Васъ у Александровку и попрывожу Вамъ тацю и кошыкъ изъ того мелъхіору и всяку всячыну, которои бажалы (колы-то все познахожу), бо въ насъ Пушкынныхъ такыхъ липлять, якъ цыганъ, або жыдивъ!

А що пышете, добродію, про *Руську Бесиду*, то повезу самъ до Аксаковыхъ и все те имъ вычытаю. Я й самъ изъ нымы часомъ змагаюсь, да, бачте, въ насъ дуже вже прывернулысь до космополи-

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ Юзефовичу (въ янв. 1857 г.) Кулишъ пишетъ: „Бувшы въ Кыиви, чыталы мы зъ паномъ Грабовськымъ универсалъ гетьмана Остряныци и мизкувалы надъ нымъ—вынъ польскою и шляхетською, а я южно-руською и козацькою головою. Посли мы списалы свое мизкованнѣ на папиръ и теперъ його цензура, посли довгои волокыты, пропустыла... Панъ Грабовськый мого пысанія не знае, а прочытавшы (се нехай буде межъ намы), може и винъ носомъ закрутыть (Кіевъ. Ст. 1899, мартъ 31.

тызма, то реакція й верне круто; а якъ трошки хрыщеный мыръ одумается, то все те перемелется—и мука зъ того буде. Тимъ-то, шановный пане, дорого и мени теперъ и собі подать якыйсь голосъ, щобъ Москали не дуже брынькалы зъ своею народностью, що стоить наче та колюча сосна; тилько серце вьяне, на нее дывлячысь, а втихы зъ нея жывій души мало. Тымъ-то добре було бъ проявыты Руському мырови й польську народовость изъ ій буйною красою, щобъ не дуже забиралысь московськи люде у свои пущи да снигы, и щобъ усмихнулось прыязнымъ смихомъ ихъ облыччя, споглянувшы на рідну красу южного чоловика. *Може зъ часомъ Богъ и поможе намъ звесты до купы си тры народы*, що ставшы одынъ до одного спынамы, позырають далеко одъ себе, а не хочуть назадъ озырнуться.

Зрадивъ я ще й того, що Вы не занедбалы своеи литерацькои праци. Треба, треба Вамъ докынчаты свое дило, которе роспочалы съ такымъ шановнымъ заналомъ! Не вважайте на никчемность газетъ и журналивъ. Ваши труды принесуть багато корысти розумнымъ людямъ. Ось уже и въ насъ скилько одъ Васъ пролылось свиту на исторыю! А се жъ тилько зоря! Зъ великою жалобою (буду?) дожыдать одъ Васъ потишной звистки про вашу роботу.—Вашій высокоповажній дружыны низенько вклоняюсь.

П. Кулишъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *8-ми лѣтній герой.* 17 іюля 1837 года, въ полдень, надъ с. Бѣліовкою, Клеванской волости Ровенскаго уѣзда (владѣніе кн. Чарторыйскаго), нависла темная грозовая туча. Вырвавшаяся изъ нея молнія ударила въ уголъ крестьянской избы, гдѣ въ ту минуту находилась древняя старуха съ двумя малолѣтними внуками и внучкою. (Изъ прочихъ обитателей двора одни были въ лѣсу, другіе на барщинѣ). Бабку убило на мѣстѣ, а восьмилѣтній Даніло Киндысь-Левковъ выскочилъ во дворъ, взывая о помощи. Замѣтивъ, однако, что весь домъ объятъ пламенемъ, и что сосѣди не оставляютъ своихъ дворовъ, озабоченные сохраненіемъ собственнаго имущества, Даніло бросился въ огонь и, схва-

тивъ свою трехлѣтнюю сестренку Федосью и двоюроднаго брата грудного младенца Германа, чрезъ нѣсколько мгновеній выскочилъ со своею ношею изъ пламени, на глазахъ остолбенѣвшихъ сосѣдей. Волосы на немъ опалило, но самъ онъ и спасенныя дѣти остались невредимы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, изволилъ всемилостивѣйше наградить юнаго героя серебряною медалью на Владимірской лентѣ, для ношенія на груди, съ выдачею единовременно 300 рублей, которые положены на имя Левкова на храненіе.

---

2) *Янтарь, подобный «брилліанту»*. Въ 1844 году, во время сплава, крестьянинъ Радомысльскаго уѣзда дер. Церковья, Онисимъ Казанюкъ, придя на плотахъ въ Екатеринославъ, отправился какъ-то выкупаться въ Днѣпрѣ и половить раковъ; вдругъ увидѣлъ онъ *«яркое свѣтило, отъ коего лучи по поверхности образовали на волнахъ разноцвѣтные блески»*. Нырнувъ, Казанюкъ схватилъ рукою камень, который, якобы, *«разилъ своимъ блескомъ его глаза»*. Находка, спрятанная за пазуху, не ускользнула, однако, отъ вниманія товарищей, пожелавшихъ прежде всего, испытать ея твердость: ее положили на пень и хватили топоромъ. При этомъ, утверждаютъ очевидцы-показатели, — топоръ, — якобы, *«выломался»*, а отъ камня отскочила только *«крошка»*.

Удостовѣрившись, что находка диковинная, плотовщики стали отнимать ее у Казанюка, который, въ борьбѣ съ товарищами, подорвался и сталъ похварывать.

Между тѣмъ, въ Кіевѣ, камень признанъ кускомъ необдѣланнаго *янтаря* и возвращенъ, по принадлежности, сильно разочарованному владѣльцу, почитавшему его за *брилліантъ*!

---

3) *Сѣверное сіяніе въ Каменцѣ-Подольскомъ*. 1848 г. ноября 5 дня «въ девятомъ часу вечера на сѣверной части неба замѣчено малое облако, снизу освѣщенное и окрашенное. Увеличиваясь въ объемѣ, среднею частію поднялось на значительную высоту надъ горизонтомъ, а нижними концами образовало на небѣ широкій поясъ темнокраснаго облачнаго вида, сквозь который можно было видѣть сіяющія звѣзды. Въ то же время, подъ темнокрасным поясомъ, появилось

сіяніе яснозеленаго цвѣта, котораго напряженіе увеличивалось до 11 часовъ вечера. Въ это время весь сѣверъ былъ освѣщенъ яснымъ темнозеленымъ отливомъ, который имѣлъ на малой высотѣ надъ горизонтомъ, прямо противъ сѣвера, самый большій свѣтъ. Отъ этой точки сила освѣщенія терялась и нечувствительно переходила въ цвѣтъ неба. Кромѣ сего замѣчаемы были, по временамъ, на красномъ облачномъ поясѣ свѣтлые столбы, которые вначалѣ были едва замѣтны, потомъ расширялись и перемѣняли цвѣтъ въ красный, синій и зеленый; затѣмъ они сіяли почти солнечными лучами и, наконецъ, мало по малу теряли блескъ, цвѣтъ, ясность и оставляли послѣ себя кроваво-освѣщенныя облака. Напряженіе краснаго цвѣта въ различныхъ мѣстахъ пояса не везлѣ было одинаково, равно какъ цвѣтъ и ясность столбовъ. Сіе явленіе показывалось то въ восточной части неба, то при зенитѣ, то на западѣ, то, наконецъ, принимало другой порядокъ представленія. Около часу явленіе сѣвернаго сіянія начало терять ясность и вскорѣ совершенно прекратилось»....

Сообщ. **Алексѣй Мѣрдеръ.**

Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши. Напечатанный нами въ № 10-мъ варьянтъ извѣстной Пасхальной вирши, якобы произнесенной запорожцами въ видѣ привѣта Потемкину, вызвалъ сообщеніе въ редакцію В. Ф. Дурдуковскаго о томъ, что онъ, занимаясь въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры, отыскалъ еще одну, тоже старую, запись этой вирши въ рукописи, состоящей изъ разныхъ статей и относящейся, по его опредѣленію, къ концу XVШ-го или къ первымъ годамъ XIX-го вѣка (рукоп. № 210). Произнесеніе вирши запорожцами въ привѣтъ гетману по этому списку относится къ 1795 году. Сличеніе варьянта, любезно сообщеннаго намъ г. Дурдуковскимъ, съ напечатаннымъ у насъ обнаруживаетъ почти полное тождество, что и придаетъ особую цѣну напечатанному у насъ тексту.

Письмо въ редакцію. Пирятинское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи своемъ 30 сентября с. г. постановило ассигновать на благоустройство могилы Е. П. Гребенки 300 рублей. Въ высшей степени желательно было-бы, чтобы почитатели памяти покойнаго

писателя присоединили и свои доброхотныя пожертвованія въ ассигнованной земствомъ суммѣ. Тогда общими усиліями дѣйствительно можно бы соорудить памятникъ и ограду вокругъ него, достойные памяти даровитаго труженика пера, а оставшіяся деньги употребить на постановку портрета Е. П. Гребенки въ находящемся какъ разъ рядомъ съ могилой его земскомъ училищѣ и на благоустройство послѣдняго, съ ходатайствомъ передъ земствомъ о наименованіи его «училищемъ имени Е П Гребенки».

Удобнѣе всего было-бы направлять пожертвованія въ г. Пирятинъ, Полтавской губ., въ Пирятинскую уѣздную земскую управу, которая и могла-бы присоединить печатный списокъ жертвователей, а также отчетъ объ израсходованіи всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи суммъ на вышеуказанный предметъ, къ своему ежегодному отчету очередному земскому собранію, имѣющему быть въ сентябрѣ будущаго года. Данныя отчета могли бы быть распубликованы во всеобщее свѣдѣніе путемъ печати.

Н. В. Стороженко.

Текущія извѣстія.

Присужденіе уваровскихъ премій въ академіи наукъ. 25-го сентября происходило торжественное засѣданіе Императорской академіи наукъ, посвященное чтенію отчета о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. Изъ прочитаннаго академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ отчета видно, что на соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 12 сочиненій и одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса, за непредставленіемъ въ срокъ отзыва рецензента. Между прочимъ присуждены малыя преміи по 500 руб. за слѣдующія сочиненія, касающіяся нашего юга: преподавателю казанской духовной семинаріи *Харламповичу* за трудъ «*Западно-русскія православныя школы 16—18 вѣка*», *Эйнгорну*—за сочиненіе «*Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ*», и помощнику завѣдующаго кіевскимъ центральнымъ архивомъ древнихъ актовъ *Каманину* за сочиненіе «*Матеріалы для исторіи южно-русскаго письма въ 15—18 вѣкахъ*».

Малорусскіе народные спектакли въ Одессѣ. Одесскій особый комитетъ попечительства о народной трезвости особенно широко посмотрѣлъ на свои задачи и принимаетъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы его стремленія, направленныя на пользу нашего рабочаго люда, достигли желанной цѣли. Комитетъ избралъ спеціальную коммиссію, на обязанности которой доставлять духовную пищу простому народу. Коммиссія составила двѣ драматическія труппы: русскую и малорусскую. На содержаніе этихъ труппъ до Великаго поста ассигновано 5 тыс. руб. Въ теченіе сезона будетъ поставлено 110 пьесъ, по 12 въ мѣсяцъ; въ недѣлю—три русскихъ и одна малорусская пьесы. (Одесск. Листокъ).

Отдѣлъ имени Н. В. Гоголя. 22 сентября въ Полтавѣ, въ засѣданіи общаго собранія членовъ Полтавской общественной библіотеки, г. Я. К. Имшенецкій доложилъ собранію о желательности учредить при библіотекѣ, въ новомъ зданіи, которое предположено именовать «Гоголевскимъ», отдѣлъ имени Н. В. Гоголя, гдѣ должно быть собрано все, относящееся къ личности и произведеніямъ этого писателя: его портреты, рукописи, переводы его сочиненій, все написанное о немъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и въ заключеніе ходатайствовалъ, чтобы собраніе разрѣшило комитету произвести расходъ на этотъ предметъ въ размѣрѣ 100 р., съ чѣмъ собраніе согласилось. Означенный отдѣлъ предположено открыть въ февралѣ 1902 г., въ день 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. (Полт. Губ. Вѣд. № 211).

Предстоящіе выборы въ Галиціи. Въ русинскихъ лагеряхъ чувствуется большое оживленіе. Каждая изъ пяти русинскихъ партій дѣйствуетъ самостоятельно и безъ системы. Исключеніе составляютъ одни націоналъ-демократы, располагающіе самой сильной организаціей, значительными денежными средствами и людьми, цѣнными въ агитаціонномъ отношеніи. Націоналъ-демократы почти вездѣ намѣтили кандидатовъ и намѣрены энергически взяться за дѣло, лишь только будетъ объявленъ срокъ выборовъ. Въ сельской куріи Львова, которая до сихъ поръ выбирала поляка, русины выставили кандидатуру Константина Левицкаго—извѣстнаго національнаго дѣятеля. Го-

раздо больше шансовъ имѣетъ, впрочемъ, Ганкевичъ, одинъ изъ вожаковъ русинской соціалъ-демократіи, который, по слухамъ, будетъ выступать кандидатомъ въ томъ же округѣ. Въ сельской куріи тарнопольскаго округа національ-демократы выставили кандидатуру редактора «Дила», В. Будзиновскаго; въ этомъ же округѣ выступаетъ кандидатомъ и извѣстный писатель Иванъ Франко, вышедшій изъ національ-демократической партіи, въ составъ правленія которой онъ еще не такъ давно входилъ. Радикалы, очень слабые въ настоящее время, тоже выставляютъ кое-гдѣ свои кандидатуры. Др. Окуневскій, долгое время бывшій единственнымъ представителемъ радикаловъ въ парламентѣ, больше не выступаетъ кандидатомъ.

Выставляютъ свои кандидатуры въ нѣсколькихъ округахъ и старорусины, хотя и безъ надежды на какой-бы то ни было успѣхъ. Кое-гдѣ появляются и самостоятельныя крестьянскія кандидатуры.

По слухамъ, центральное правительство не будетъ оказывать давленіе на исходъ выборовъ, но нельзя заранѣе сказать, какъ отнесутся къ выборамъ галиційскія власти, находящіяся въ рукахъ станчиковъ. Не даромъ клерикальныя нѣмецкія газеты уже теперь каркаютъ, что въ Галиціи «конечно» потечетъ кровь... («Св. Курьеръ»).

Русинское паломничество въ Римъ. 9 октября отбыла изъ Львова толпа пилигримовъ подъ руководствомъ о. Билецкаго. Среди участниковъ болѣе всего священниковъ (Чеховичъ, Билецкій, Волошинскій, канонникъ Мельницкій) и крестьянъ. Маршрутъ предположенъ на Стрый, Будапештъ и Фіуме до Реки, оттуда на кораблѣ—до Анконы, а изъ Анконы по желѣзной дорогѣ въ Римъ. По пути число участниковъ возросло до 100 душъ, которые 12 октября были уже въ Фіуме, гдѣ совершали торжественное служеніе по восточному обряду. Мѣстные жители съ любопытствомъ разсматривали пришельцевъ, одѣтыхъ въ кожухи и бараньи шапки, а кто посмѣлѣе—то даже дотрагивался до ихъ одежды, чтобы убѣдиться, что шубы ихъ на самомъ дѣлѣ бараньи, а не поддѣлка подъ таковыя. «Серьезнымъ, образцовымъ поведеніемъ пилигримы вызывали удивленіе и почтеніе у гражданъ Фіуме». Для представленія паломниковъ папѣ Льву XIII въ Римѣ остался епископъ Шептицкій, пріѣхавшій туда для сопровожденія на родину останковъ умершаго бывш. митрополита Львовскаго—

Іосифа Сембратовича. 14 октября паломники прибыли въ Римъ и представлены были папѣ епископами Шептицкимъ и Чеховичемъ. («Gazeta Lwowska» № 248 и „Руслан", ч. 231 и 234).

Русины въ Америкѣ. 1) *Русины въ Канадѣ.* Среди галицкихъ русиновъ, поселившихся въ Канадѣ, существуетъ три партіи съ тремя газетами и тремя обществами: «руско-народна,» „гр.—католическихъ русинів", і „московскихъ ренегатів". Первая имѣетъ газету „Свобода" и организацію „Руско-народный союзъ", къ которому принадлежитъ болѣе 3000 членовъ; вторая—газету „Америк.-Рускій Вѣстникъ» и организацію „Соединеніе" съ количествомъ болѣе 8000 членовъ и третья—съ газетой „Свѣтъ" и организаціей „Взаимопомощь", насчитывающей около 1500 членовъ. „Народно-руска" партія—достаточно сплоченная, поставившая себѣ опредѣленныя задачи и цѣли. Вторая партія—распадается на три совершенно противоположныя между собой партіи: 1) Редакція „А.-Р. Вѣстника" 2) партія мадьярскихъ священниковъ-патріотовъ и 3)—темный народъ и тѣ патріоты, которые ни во что не мѣшаются и ничего не желаютъ... Третья партія—предводимая свящ. Грушкой, также подраздѣляется на три болѣе мелкія партіи, враждующія между собой. („Буковина", ч. 120).

II. *Русины въ Южной Америкѣ.* Русины Южной Америки, въ Бразиліи, главнымъ образомъ поселились въ Паранѣ, у Прудентополиса, на три четверти заселеннаго ими. Недавно туда выѣхалъ изъ Галиціи монахъ о. Малинякъ, который будетъ издавать въ Прудентополисѣ газету „Бразилійська Русь"; цѣлью ея явится организація тамошнихъ русиновъ противъ вліянія иныхъ народностей. До сихъ поръ между русинскими колоніями въ Паранѣ не существуетъ почти никакой связи, а есть ихъ нѣсколько, гдѣ Русины поселились въ числѣ отъ 5—20 тысячъ. Наибольшіе колоніи—Прудентополисъ и Ріо-Кларо, на разстояніи 150 километровъ одна отъ другой, а отъ Антлантическаго океана—500 километровъ („Дѣло").

Лекціи малорусскаго языка. 7 октября во Львовскомъ Университетѣ началось чтеніе лекцій малорусскаго языка проф. Ильи Кокурудза для тѣхъ лицъ, которые или совсѣмъ не знаютъ этого языка, или знаютъ очень мало. Лекціи предназначаются не только

для слушателей университета, но также и для чиновниковъ, знаніе малорусскаго языка для которыхъ необходимо при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей. (Дѣло, ч. 217).

Дѣятельность общества „Просвіта“ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Филія товариства „Просвіта“ въ Стрыѣ рѣшила устраивать еженедѣльные литературные вечера для простого народа. 22 сентября проф. Ів. Вахнянинъ прочелъ «Про передісторичного чоловіка», а о. Ол. Вобикевич «Про відродженє Русинів в Галичині по прилученю до Австриі»; 6 октября Юліянъ Кмита — «Про знаряди людської праці» и Володимиръ Устіяновичъ «Про парову машину» („Руслан“, ч. 232).

Состояніе библіотеки и читальни Наукового Товариства імени Шевченка во Львовѣ. Къ 15 іюля 1900 г. въ библіотекѣ Наукового Товариства імени Шевченка состояло 4.195 сочиненій въ 7.997 томахъ. Читальня при библіотекѣ открыта для публики съ начала іюля 1899 г., отъ 2—6 ч. пополудни. Читальню посѣщаютъ преимущественно воспитанники средне-учебныхъ заведеній. Книги выдаются также и на домъ. По постановленію Выдила—съ 19 сентября читальня изъ библіотеки превращена въ комнату для научныхъ занятій. («Літературно-Науковий Вістник, кн. X).

Народный Домъ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Народный Домъ въ Стрыѣ имѣетъ понынѣ 153 члена. На дняхъ окончена постройка самого дома, который съ начала ноября начнетъ функціонировать. Украшеніемъ его служатъ прекрасно исполненные бюсты Котляревскаго, Шевченка, Н. Устіяновича, Федьковича и Лисенка, помѣщенные на фронтовой стѣнѣ Народнаго Дома. Кромѣ того, стѣны извнѣ и огромный залъ декорированы весьма художественно. (Дѣло, ч. 228).

Галичанинъ—Китаецъ. Тсунгъ-Бо-Бра, наивысшій мандаринъ китайскаго двора, назывался первоначально Иваномъ Боберскимъ и былъ родомъ изъ Галиціи. Очутившись въ 1847 году въ Китаѣ, Боберскій, по рекомендаціи французскаго миссіонера Августина Шампелена, назначенъ былъ адъютантомъ наслѣдника престола, а

затѣмъ достигъ чина мандарина I класса. Въ 1863 году въ Нанкинѣ составился заговоръ, и Тсунгъ-Бо-Бра геройски палъ вмѣстѣ съ горстью вѣрныхъ ему союзниковъ.—Семья Боберскихъ происходитъ изъ ходачковой русинской шляхты изъ-подъ Самбора. (Буковина, ч. 119).

Некрологъ. 23-го октября скончался въ Римѣ бывшій митрополитъ Галицкій—Іосифъ Сембратовичъ. Покойный родился въ 1821 г. Рукоположенный въ санъ священника въ 1841 г. онъ долгое время былъ профессоромъ Богословія во львовскомъ университетѣ. Въ началѣ 1865 г. былъ вызванъ въ Римъ въ качествѣ предсѣдателя гр.-кат. церкви въ Ватиканѣ и въ томъ-же году былъ назначенъ архіепископомъ Нанзіанскимъ. Два года спустя ему была дана въ управленіе перемышльская епархія, а въ 1870 году 18 мая вступилъ въ управленіе митрополичьей каѳедрою, въ каковомъ санѣ и пребывалъ до 1882 г. Въ 1891 г. онъ переселился въ Римъ, откуда уже ему не разрѣшалось выѣзжать. (Руслан, ч. 231).

Библіографія.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. т. XXXIII и XXXIV. *Львів, 1900 р., книжки I и II.*

Первый изъ упомянутыхъ томовъ этого научнаго періодическаго изданія содержитъ всего лишь три изслѣдованія: Проф. Михайла Грушевського.— «Бронзові мечі з Турецького повіту (Галичина)», др. Володимира Охримовича— «Про наголос в українсько—руській мові» (рефератъ, предназначавшійся на кіевскій XI археологическій сьѣздъ) и Олександра Конисього— «Варіянти на декотрі Шевченкові твори».

Въ первой, коротенькой статейкѣ, г. Грушевскій даетъ описаніе трехъ бронзовыхъ мечей, изъ числа одиннадцати, найденныхъ въ 1899 г. на полѣ с. Комарникивъ, на верхнемъ Стрыѣ (на угорской границѣ). Всѣ три меча относятся къ широко распространенному и характерному типу средне-дунайской бронзовой культуры, ея позднѣйшаго періода, именно—эпохи расцвѣта, котораго она достигла особенно на карпатскомъ подгорьѣ.

Вторая статья— «*Про наголос в українсько-руській мові*» (стр. 1—64) представляетъ интересное изслѣдованіе въ области изученія украинскаго языка съ формальной его стороны, изслѣдованіе тѣмъ болѣе цѣнное и практически важное, что эта область донынѣ не можетъ считаться въ достаточной степени разработанной и даже разрабатываемой. [1]) Авторъ упомянутой статьи поставилъ своей зада-

[1]) Въ частности же, въ отношеніи акцентологіи,—до сихъ поръ никѣмъ не было высказано общей теоріи ея не только по отношенію къ украинско-русскому языку, но даже и по отношенію къ семьѣ всѣхъ славянскихъ языковъ.

чей опредѣлить, отъ какихъ именно причинъ зависитъ мѣсто ударенія въ украинскомъ словѣ. Матеріаломъ для его работы послужили главнымъ образомъ его собственныя наблюденія, а также, въ меньшей степени, наблюденія другихъ изслѣдователей, занимавшихся вопросами акцентологіи, какъ-то: д—ра Кл. Ганкевича, проф. Івана Верхратскаго, І. Гануша и д—ра Ом. Огоновскаго. Методъ его изслѣдованія—вполнѣ индуктивный: онъ сравниваетъ между собой различныя слова, имѣющія одинаковое удареніе, и замѣчаетъ, что общаго между этими словами; съ другой стороны, сравнивая сходныя слова, имѣющія различное удареніе, подмѣчаетъ, чѣмъ эти слова разнятся между собой. Такимъ путемъ авторъ приходитъ къ отысканію причины сходства или различія ударенія въ различныхъ словахъ. Проповѣдя множество наблюденій надъ акцентомъ въ самыхъ разнородныхъ группахъ словъ, онъ признаетъ существованіе тѣсной связи между удареніемъ и значеніемъ словъ, и приходитъ къ тому выводу, что въ украинско-русскихъ словахъ удареніе падаетъ или на коренной слогъ, или на суффиксъ, или на префиксъ, въ зависимости отъ того, который изъ упомянутыхъ элементовъ оказываетъ наибольшее вліяніе на значеніе даннаго слова; то-есть, въ украинско-русскомъ словѣ удареніе имѣетъ та часть, какая по отношенію къ данному значенію слова имѣетъ наибольшее значеніе и силу. Это основное положеніе свое онъ поясняетъ массой примѣровъ, анализируя въ различныхъ группахъ словъ ихъ значеніе въ связи съ ихъ удареніемъ.

Признавая за авторомъ крупныя заслуги въ созданіи цѣльной теоріи ударенія въ украинско-русскомъ языкѣ и въ установленіи новыхъ, болѣе мелкихъ, правилъ въ этой области, вполнѣ заслуживающихъ серьезной критики со стороны ученыхъ лингвистовъ, считаемъ необходимымъ однако сказать, что едва-ли возможно безграничное довѣріе акцентуаціи къ словарю Желеховського, служившему автору, повидимому, однимъ изъ крупныхъ пособій въ его изслѣдованіи.

Не меньшій интересъ представляетъ статья. г. Конисскаго «*Варіянти на декотрі Шевченкові твори*». Автору посчастливилось найти среди бумагъ одного изъ оставшихся еще въ живыхъ пріятелей Тараса Григорьевича (Л. М. Жемчужникова)—три переплетенныхъ рукописи, въ форматѣ книжекъ, написанныя каждая различнымъ почеркомъ, съ нѣкоторыми поправками и добавленіями, сдѣланными несомнѣнно самимъ Шевченкомъ. По словамъ г. Конисскаго—рукописи эти, безъ сомнѣнія, переписаныподъ наблюденіемъ автора и перепи-

саны съ оригиналовъ, но не для того, чтобы подавать ихъ въ цензуру Подъ многими произведеніями, какія казались хоть немного «нескромными», подписано рукою переписчика «Стихотвореніе это въ оригиналѣ зачеркнуто». Кромѣ того, г. Конисскому О. Я. Кухаренко (сынъ Якова Герасимовича) любезно прислалъ письма Шевченка къ его отцу, въ которыхъ оказались поэмы: «Москалева Криниця» и «Чернець» и стихотвореніе «Вечиръ». По сравненіи этихъ произведеній съ печатными, оказалось, что они представляютъ значительныя отступленія отъ первыхъ. Въ настоящей статьѣ (еще не оконченной) г. Конисскій помѣстилъ варіанты къ произведеніямъ: «Чернець», Москалева Криниця», «Княжна», «Неофиты», «Русалка», «Лилея» и «Петрусь», варіанты, представляющіе настолько большой интересъ, что мы считаемъ необходимымъ ознакомить съ ними читателей спеціально, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины".

Во второмъ, разсматриваемомъ нами, томѣ «Записокъ» (*XXXIV*) въ первый отдѣлъ вошли два крупныхъ изслѣдованія: проф. Михайла Грушевського «*Сторінка з історії сільського духовенства* (по самбірским актам XVI в.) (стр. 1—82) и Юліяна Романчука «*Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка*» (стр. 1—32).

Первое изслѣдованіе, предназначавшееся для доклада на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, касается любопытнаго, но крайне мало изслѣдованнаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о сельскомъ духовенствѣ, главнымъ образомъ, о его экономическомъ и юридическомъ положеніи. Почтенный авторъ, занимаясь два года тому назадъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи, подобралъ богатую коллекцію, содержащую LXVII документовъ о сельскихъ церквахъ и духовенствѣ въ Самборщинѣ въ 20—40-хъ гг. XVI ст. (Сборникъ грамотъ въ Самборскомъ инвентарѣ 1568 г.—въ Литовской Метрикѣ, т. IV, кн. 22). Это было время интензивной колонизаціи въ Самборщинѣ, по иниціативѣ правительства, почему и упомянутые документы даютъ главнымъ образомъ отвѣтъ на такіе вопросы, какъ время и обстоятельства основанія новыхъ церквей и парафій, количество донацій, условія, на которыхъ священники или кандидаты на этотъ санъ получали эти новыя и всякія вообще парафіи, и порядокъ передачи послѣднихъ изъ рукъ въ руки и т. п. Какъ самые документы, такъ и предпосланное имъ изслѣдованіе представляютъ не только мѣстный интересъ, но могутъ служить цѣн-

нымъ подспорьемъ при изученіи быта сельскаго духовенства въ смежой Украинѣ въ современную упомянутымъ документамъ эпоху.

Наконецъ, въ послѣдней статьѣ (г. Романчука)—авторъ имѣетъ въ виду указать значительныя погрѣшности въ изданіяхъ Кобзаря Шевченка, какъ-то: ошибки корректурныя, пропуски (отсутствіе цѣлыхъ произведеній), вставка не принадлежащихъ Шевченку произведеній, неправильное размѣщеніе ихъ. Авторъ не думалъ дать полной и всесторонней изданій оцѣнки поэтическихъ произведеній Шевченка; онъ не прочелъ всего даже «Кобзаря»,—онъ указываетъ лишь тѣ неправильности, какія попались ему на глаза при чтеніи различныхъ изданій и на которыя никто не обратилъ до сихъ поръ вниманія. Упомянувъ вкратцѣ о распредѣленіи «Кобзаря» и о неавтентичныхъ произведеніяхъ Шевченка, авторъ главнымъ образомъ останавливается на погрѣшностяхъ текста, которыя слѣдуетъ исправить—погрѣшностяхъ со стороны правописанія, интерпункціи и формы, а также предлагаетъ не мало поправокъ и дополненій къ тексту (къ обоимъ томамъ). Несомнѣнно, очень многія, высказанныя авторомъ соображенія, заслуживаютъ полнаго вниманія, хотя далеко нельзя сказать этого обо всѣхъ..... Тѣмъ не менѣе, всякому, кому дорого возстановленіе истиннаго текста произведеній незабвеннаго нашего поэта, рекомендуемъ обязательно ознакомиться со статьей г. Романчука.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» въ обоихъ томахъ помѣщены: «*Замітка про гетьмана Сагайдачного*» О. Щуровського (см. Кіев. Стар. 1900 г. май, отдѣлъ II: «Какъ звали гетмана Бородавку»), «Якъ австрийський уряд заінтересувався був Бойками», «Петиция до митрополита і полеміка з-за неі» (относящаяся къ 1849 году). «Про збірник пісень Бодянського», приписываемый О. М. Бодянскому, на самомъ же дѣлѣ принадлежащій Федору Бодянскому, свояку перваго; «До істориі вірші на Вкраіні»—напечатаны вірші, записанныя въ Липовецк. у., Кіевск. губ.: «Про Адамів гріх», «Празник въ селі Переписькім«; некрологи Петра Лашкарева и Митрофана Дикарева. Кромѣ того, въ отдѣлахъ «Наукова хроніка» и «Бібліографія» удѣлено очень много мѣста весьма обстоятельному обзору западно-европейской литературы по всемірной исторіи и исторіи литературы и искусства (глава IV. Новое время), обзору періодическихъ изданій, украинскихъ и другихъ (за 1898 и 1899 годы) и въ особенности обстоятельному и цѣнному

разбору огромнаго количества книгъ и изданій, касающихся области нашего изслѣдованія.

В. Д.

Петръ Гильтебрантъ (Рязанскій): Гедеонъ Балабанъ и его три книги. *Спб. 1900.*

Въ настоящее время Императорская археографическая коммиссія заканчиваетъ печатаньемъ третью книгу «Памятниковъ полемической литературы въ Западной Руси». Первое примѣчаніе къ содержанію этой книги вышло въ настоящее время отдѣльнымъ оттискомъ въ виду своей цѣльности и большого (для примѣчанія конечно) объема. Оно принадлежитъ перу опытнаго библіографа и знатока древнихъ западно-русскихъ печатныхъ книгъ, П. А. Гильтенбрандта. Имъ напечатаны: «Матеріалы для западно-русской старопечати». («Памятники рус. старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи» подъ редакціей П. Н. Батюшкова, вып. VI, стр. 140—160); «Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русскихъ старопечатныхъ изданій церковно-славянск. шрифта» (ibid. стр. 171—193), и «По поводу разбора г. Вержбовскимъ статьи г. Головацкаго: «Sweipolt Fiol und seine Kiril—Buchdrükerie in Krakau» (Древн. и Нов. Россія, 1880 г. № 2.) Названный выше трудъ г. Гильтебрандта имѣетъ предметомъ изслѣдованія опредѣленіе отношенія львовскаго епископа Гедеона Балабана къ новому въ то время дѣлу заведенія типографій съ цѣлью болѣе быстраго распространенія богослужебныхъ книгъ, какъ предметовъ самой первой необходимости въ религіозно-церковной жизни общества въ тяжкую пору возникновенія уніи въ концѣ XVI и началѣ XVII-го вѣка. Дѣло это не было въ ту пору такимъ выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, какимъ является оно теперь, а напротивъ—безкорыстной жертвой и службой на пользу отечественнаго просвѣщенія; оттого заведеніе типографій дѣлается или наиболѣе горячими общественными дѣятелями, не щадящими своихъ личныхъ средствъ ради общаго интереса, какимъ былъ и Гедеонъ Балабанъ, или богатыми монастырями, имѣющими возможность вынести расходъ на печатаніе книгъ, или такими религіозно-просвѣтительными учрежденіями, какими являлись тогда братства наиболѣе важныхъ въ церковномъ отношеніи городовъ, ведшихъ упорную борьбу со сторонниками единенія русской церкви съ

римской и врагами православія. Печатаніе богослужебныхъ книгъ для нуждъ православнаго населенія Рѣчи посполитой и полемическихъ сочиненій противъ своихъ противниковъ было однимъ изъ могучихъ орудій въ борьбѣ за вѣру и составляло великую заслугу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые владѣли этими орудіями. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣятельность Гедеона Балабана и достопочтенный авторъ въ краткомъ біографическомъ очеркѣ знаменитаго львовскаго епископа, относясь къ нему безпристрастно и находя, что во вторую половину его дѣятельности заслуги его для православія и русскаго народа вполнѣ покрываютъ ошибки и проступки первой половины. Нельзя не согласиться, что дѣятельность Гедеона Балабана до сихъ поръ не оцѣнена еще въ достаточной степени полно, и потому авторъ для выясненія значенія его дѣятельности ставитъ цѣлью своего библіографическаго изслѣдованія издательскую дѣятельность Балабана, ради которой были основаны имъ на собственныя средства типографіи Стратинская и Крылосская, при ближайшемъ содѣйствіи его племянника Ѳедора Юрьевича. Въ Стратинской типографіи напечатаны только двѣ книги.: въ 1604 г.—служебникъ и въ 1609 г.—Требникъ; въ томъ же году въ Крылосской типографіи имъ напечатано «Евангеліе учительное». Г. П. Гильтебрандтъ подробно разсматриваетъ сначала внѣшнюю сторону, а потомъ и содержаніе этихъ книгъ. Описывая первую, онъ различаетъ размѣры шрифта, киноварь, дефисы, пагинацію, рисунки, вязь, рамки, гербы, заставки, начальныя и заключительныя украшенія и рисуночныя буквы; при этомъ авторъ даетъ снимки въ нормальную величину выходныхъ листовъ и шрифтовъ. При изложеніи содержанія авторъ описываетъ гербъ Балабановъ и сравниваетъ его съ нѣкоторыми описаніями; предисловіе авторъ приводитъ цѣликомъ и затѣмъ подвергаетъ разбору заключающіяся въ немъ историч. данныя. Далѣе авторъ выписываетъ заглавія входящихъ въ составъ книги статей, приводя начальныя и конечныя слова ихъ; подъ каждой статьей указываются ея отличія отъ такихъ-же статей болѣе позднихъ изданій; послѣсловія также печатаются цѣликомъ и въ свою очередь разбираются со стороны фактовъ; наконецъ, помѣщается перечень опечатокъ. Описаніе старинныхъ книгъ по этой подробной программѣ примѣняется къ дѣлу у насъ впервые; до сихъ же поръ этой программы держались только при описаніи рукописей, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; такъ напр., отличія или сходство описываемаго памятника съ другими ему по-

добными позднѣйшими или даже современными, до сихъ поръ не указывались. И хотя такую подробную и всеобъемлющую опись книгъ авторъ мотивируетъ важностью этихъ трехъ Балабановскихъ изданій, но въ библіотечной и библіографической практикѣ давно уже чувствуется нужда именно въ такого рода описаніяхъ. Представимъ примѣръ: мы встрѣчаемъ старопечатную книгу. Изъ общаго числа страницъ ея уцѣлѣли лишь срединныя, остальныя—въ началѣ и концѣ книги—исчезли безъ слѣда. Какъ опредѣлить заглавіе книги, время и мѣсто напечатанія? При старыхъ библіографическихъ описаніяхъ можно было опредѣлить лишь гадательно; при такомъ же библіографическомъ описаніи, какое даетъ уважаемый авторъ опредѣлить по уцѣлѣвшей части цѣлое можно положительно и безошибочно. Разсмотрѣнная нами книга открываетъ громадное поле для работъ библіографовъ. Желаемъ отъ души, чтобы у П. А. Гильтебрандта нашлись продолжатели и послѣдователи.

И. Каманинъ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 5. *Кіевъ, 1900.*

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Ежегодникъ и въ 1900 г. состоитъ изъ 2-хъ частей, оффиціальной, гдѣ помѣщены некрологи, отчетъ и актовая рѣчь, и неоффиціальной, раздѣляющейся, въ свою очередь, на три части: 1) Труды преподавателей, 2) Матеріалы для исторіи коллегіи и біографіи Г. П. Галагана, и 3) Приложенія. Украшенъ Ежегодникъ портретомъ К. Н. Ламсдорфъ-Галагана и тремя рисунками видовъ и построекъ въ имѣніяхъ коллегіи.

Что касается отчета, то изъ него видно, что воспитанниковъ въ коллегіи 80; число это предполагается увеличить до 100, «значительно расширивъ помѣщеніе заведенія». Тогда же обѣщаетъ отчетъ внести изученіе естествознанія. Вообще отчетъ сулитъ, при расширеніи помѣщенія, улучшеніе преподаванія физики, химіи, искусствъ и «устройства образцовыхъ библіотечекъ, благодаря чему можно упорядочить внѣклассное чтеніе воспитанниковъ».

Изъ дѣятельности правленія пріятною новинкою является докладъ директора о ходатайствѣ, «чтобы была возвращена фактическая, сила тому § устава коллегіи, въ силу котораго греч. яз. преподается

въ коллегіи только для желающихъ». Доходы коллегіи за 1899 г. опредѣляются въ 129243 р. 75 к., а расходы въ 68125 р. 45 к., причемъ приходъ составлятся изъ доходовъ съ имѣній коллегіи (115419) и платы за содержаніе своекоштныхъ восп., при чемъ содержаніе каждаго воспитанника ежегодно опредѣляется около 840 р. Къ отчету приложена замѣтка и положеніе о степендіи имени покойныхъ учредителей. Съ 1890 г. среди бывшихъ коллегіатовъ явилась мысль объ увѣковѣченіи памяти учредителя коллегіи; сложился комитетъ, разослано циркулярное письмо ко всѣмъ товарищамъ, и на этотъ зовъ откликнулось изъ 526 б. коллегіатовъ 68, внесшихъ менѣе 100 р. каждый, 19 лицъ—100 р. и болѣе, а 7 лицъ заявили желаніе сдѣлать взносъ; собрано всего 5300 р., изъ процентовъ съ которыхъ и получаетъ ежегодно степендію одинъ изъ б. воспитанниковъ.

Въ отдѣлѣ неоф. помѣщены три статьи:

а) Вукъ Караджичъ и его школа, Степовича.
2) Максимъ Горькій и его сочиненія, Г. Александровскаго.
3) Учебный отдѣлъ на Парижской выставкѣ, З. Архимовича.

Особенный интересъ представляетъ ст. г. Архимовича, какъ касающаяся, учебнаго дѣла въ Россіи. Мы узнаемъ, что % грамотныхъ новобранцевъ въ Кіев. губ. колеблется отъ 30—35%, тогда какъ, напримѣръ, въ Ярославской—85%. Всѣхъ народныхъ школъ на Руси въ 1832 г. было 1203 съ 68846 учащимися, а въ 1898 г.—министерскихъ школъ 37046 съ 26500058 учен. и съ 84121 преподавателей, и сверхъ того, въ другихъ министерствахъ числилось 41635 училищъ съ 1553188 учащихся и 70531 учащихъ.

Расходы на народныя школы распредѣляются такъ: земство даетъ 21,8%, госуд. казначество 21,3%, сельскія общества 18%, городскія 13,5% и частныя пожертвованія 12,9%. Наибольшее число грамотныхъ новобранцевъ въ Кіевск. округѣ приходится на черниговскую (48,4%) и полтавскую (47,5%), т. е. на земскія губерніи, а въ Кіевской (37,8%), подольской (31,2%) и волынской (28,4%), т. е. въ неземскихъ губерніяхъ оно равняется въ среднемъ 32,7%

Авторъ подробно останавливается на экспонатахъ нижегородскаго земства, г. Нижняго и вятскаго земства, а также на воскресной школѣ Алчевской. Статья г. Архимовича представляетъ очень интересные матеріалы, и можно только пожалѣть, что она появилась въ спеціальномъ и малораспространенномъ изданіи.

Въ отдѣлѣ III (Матеріалы для исторіи Коллег. Павла Галагана) на первомъ мѣстѣ поставленъ «Отрывокъ изъ воспоминаній покойнаго Поч. Попечителя Коллегіи гр. К. Н. Ламсдорфа-Галагана». Чтеніе этого отрывка невольно вызываетъ нѣкоторыя поправки и дополненія, которыя слѣдовало-бы сдѣлать отъ лица, редактировавшаго «Ежегодникъ». Дѣло въ томъ, что въ 1879 г., послѣ ухода изъ коллегіи директора Н. М. Шульженка, покойный учредитель К. въ пріисканіи новаго директора остановился на извѣстномъ всему кіевск. учебн. округу педагогѣ и администраторѣ М. А. Туловѣ. У послѣдняго были свои счеты съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ, а потому его кандидатура и была отклонена съ заявленіемъ — «кого угодно», но не Тулова. Такова суть дѣла. Между тѣмъ графъ Ламсдорфъ узнавши отъ Гр. Пав., что нѣтъ отвѣта изъ министерства по поводу представленія Тулова, тайкомъ отъ Гр. П. ѣдетъ въ имѣніе гр. Толстаго, но получаетъ отвѣтъ «кого угодно», но не Тулова. Съ тѣмъ графъ и уѣхалъ, любезно простившись съ хозяевами. Отдавая — со словъ Гр. Пав.—должное Тулову, графъ добавляетъ, что всѣ были убѣждены въ его назначеніи, что самъ Туловъ былъ въ томъ увѣренъ, такъ какъ «счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру». Дѣло было и такъ, и не такъ. М. А. Туловъ долго колебался не только на счетъ квартиры, но и на счетъ своего устроенія въ Коллегіи, и. ч. помнилъ свои отношенія къ гр. Толстому, и только настойчивыя увѣренія заставили его позабыть свое открытое письмо гр. Толстому. Эту поправку необходимо сдѣлать изъ уваженія къ памяти покойнаго М. А. Тулова, который, по словамъ «Отрывка изъ воспоминаній гр. Ламсдорфа-Галагана», будто бы самъ счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру. Разсказывая дальше о представленіи въ директора коллегіи И. И. Ничипоренка, графъ добавляетъ, что Гр. П. спѣшилъ съ представленіемъ, такъ какъ Кол. «давно уже оставалась безъ директора, и дальнѣйшее промедленіе въ этомъ дѣлѣ могло грозить большими неудобствами и даже опасностями для ея жизни». Не говоритъ графъ точнѣе объ этихъ опасностяхъ, а намъ не приходилось о нихъ слышать. Между тѣмъ, въ дѣлахъ Кол. есть распоряженіе попечителя Антоновича о томъ, чтобы до пріисканія новаго директора коллегіею правилъ бывшій директоръ Шульженко, который ежедневно и бывалъ въ коллегіи, давая ей тонъ и направленіе. Вкравшіяся неточности выраженій въ воспоминаніяхъ графа, неисправленныя редакторомъ, и тутъ набрасываютъ какую-то тѣнь не только на заведе-

ніе, но и на тѣхъ лицъ, которыя отдавали коллегіи всѣ свои силы и здоровье. Особенно-же дѣло о назначеніи Тулова директоромъ К. настолько личное со стороны гр. Толстого, что приходится только удивляться той своеобразности, съ какою оно разрѣшилось, и о немъ слѣдуетъ говорить или со всѣми деталями, или—при невозможности или несвоевременности—лучше до поры до времени умолчать.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено нѣсколько писемъ Петра Гр. Галагана, историка Марковича и одно—И. С. Аксакова къ Григ. Пав. Однородныя письма помѣщались на страницахъ нашего журнала и рисуютъ родныхъ и друзей Гр. П., а также ту среду, которая его окружала.

Ежегодникъ оканчивается переводною статьею восп. Петрушевскаго «Янъ Жижка», подъ редакціей составителя Ежегодника.

Н. Ш.

Краткій историческій очеркъ Кіевской губернской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. *(Кіевъ, 1899 г.) Стр. 70. 2 снимка, 17 фототипій.*

27 іюля 1899 г. исполнилось столѣтіе со дня открытія Кіевской губернской типографіи, и книга, заглавіе которой выписано выше, является изданіемъ юбилейнымъ.

Кіевская губернская типографія, согласно общему указу 1775 г., возникла «во облегченіе излишняго приказнослужителямъ затрудненія, а паче къ постепеннѣйшему восполненію налагаемыхъ по входящимъ документамъ резолюцій».

Анонимный составитель настоящей книги задался цѣлью освѣтить судьбы кіевской типографіи въ связи съ общей характеристикой эпохъ, администраторовъ и лицъ, ближайшимъ образомъ стоявшихъ у дѣла. Поэтому въ книгѣ находимъ статистико-техническія данныя, общія историческія соображенія и историко-біографическіе этюды.

Основана типографія въ 1799 г. при губернаторѣ Коробкинѣ, «проявлявшемъ плодотворную дѣятельность въ другомъ направленіи: [1])

[1]) О предмѣстникѣ Коробкина Милешевичѣ сообщается, что онъ предписалъ вывозить навозъ въ провалье около Кіево-печерской крѣпости.

ябедническимъ жалобамъ онъ не всегда придавалъ значеніе и признавалъ бездѣятельными тѣхъ, на которыхъ не получалось жалобъ» При немъ куплена въ Махновкѣ у Тадеуша Дерича типографія и перевезена въ Кіевъ. Печатались сперва лишь афиши и служебныя бумаги; къ апрѣлю 1806 г. типографія имѣла чистаго дохода 415 р. Вскорѣ машины и шрифты обветшали. Митрополитъ не дозволилъ отлить новые шрифты въ кіево-печерской словолитнѣ. Попробовали въ 1805 г. отыскать Дерича въ Махновкѣ, чтобы помочь бѣдѣ, но Деричъ уже умеръ. Московскій купецъ Селезневъ поставилъ въ 1806 г. 20 пудовъ литеръ на 900 рублей, впрочемъ изъ той-же Махновки Бердичевскаго уѣзда. Въ 1805 г. въ типографіи работали три мастера, три помощника и переплетчикъ съ ученикомъ, получавшіе вознагражденія 127 руб. 6 к. ассигнаціями (въ мѣсяцъ).

Періодъ 1812—1839 г. «не ознаменовался ничѣмъ выдающимся». Работы производились на одной машинѣ простѣйшей конструкціи и двухъ станкахъ. Шрифты испортились и лишь въ 1815 г. заготовлено до 30 пудовъ новыхъ литеръ чрезъ Московскаго купца Селивановскаго. Отчетовъ о доходахъ не сохранилось. Въ 1837 г. потребовалось въ старомъ станкѣ «сдѣлать новый деколь и сковать голову двумя длинными желѣзными гвинтами». Въ 1839 г. въ типографіи работало уже 13 человѣкъ, жалованья получали 175 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Съ 1836 г. въ типографіи началось печатаніе періодическаго органа подъ заглавіемъ «Кіевскихъ Объявленій», подъ редакціей начальника отдѣленія Данилевскаго, съ подписной цѣной въ 2 рубля. Помѣщались свѣдѣнія о продажѣ имѣній, домовъ, о наймѣ квартиръ, концертахъ, театрахъ, курсахъ на золото и серебро. Въ разрѣшеніи на изданіе этого органа было оговорено, чтобы въ «Объявленіяхъ» не имѣли мѣста статьи «оскорбительнаго содержанія и противныя закону». «Но—повѣствуетъ авторъ—вслѣдъ за жизнью идетъ законодательство, санкціонируя и регулируя то, на чемъ уже остановилась нормально текущая жизнь. Эта общая мысль невольно напрашивается подъ перо по поводу судьбы «Кіевскихъ Объявленій». Не прошло и двухъ лѣтъ со времени разрѣшенія этого изданія, какъ законодательное развитіе губернскихъ учрежденій 1775 года, выразившееся въ законѣ 3 іюня 1837 г., косвеннымъ образомъ рѣшило участь «Кіевскихъ Объявленій», вмѣсто которыхъ слѣдовало издавать „Кіевскія Губернскія Вѣдомости“... «Такимъ образомъ, прогрессъ жизни вы-

велъ губернскую типографію изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ она пребывала 35 лѣтъ, лѣниво печатая на ломаныхъ станкахъ свои бланки и циркуляры». Въ неоффиціальной части губернскихъ Вѣдомостей печатались извѣстія о базарныхъ цѣнахъ и предстоящихъ ярмаркахъ, лотереяхъ, о лицахъ прибывшихъ и выбывшихъ, о происшествіяхъ и частныя объявленія. «Заглядывая въ справочныя цѣны, пріятно видѣть, что въ то время были цѣны: за фунтъ говядины 1 коп., фунтъ рыбы 2 коп. и сажень дровъ 5 р. 5 к.»

Въ 1839 г. губернаторомъ назначенъ Фундуклей, которому нашъ авторъ приписываетъ «собственноручное составленіе» научнаго описанія Кіевской губерніи, забывая, что этотъ почтенный трудъ принадлежитъ извѣстному статистику Журавскому. Фундуклей, по словамъ автора, описалъ между прочимъ быть, одежду и пищу народа, «которую самъ испробовалъ»; заполнилъ пустующіе хлѣбозапасные магазины. Въ неоффиціальной части «Губ. Вѣд.» стали появляться научныя статьи: о вліяніи погоды, о прививкѣ оспы и даже о наводненіи 25 мая 1839 г. (статья о наводненіи перепечатана цѣликомъ на стр. 20—22, очевидно, какъ явленіе замѣчательное въ тогдашней губернской литературѣ).

Періодъ 1840—1885 г. начинается разсказомъ о происхожденіи кіевскаго герба, при чемъ первый кіевскій митрополитъ ошибочно названъ Михаиломъ. Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей» иногда «вводитъ своихъ читателей въ область политическихъ идей и въ этой сферѣ проявляетъ глубокое патріотическое направленіе». Такъ, напр. въ № 47 за 1845 г., авторъ неоффиціальной статьи, описавъ значеніе Россіи въ Европѣ, говоритъ: „Заслоняя собою Европу отъ Азіи, Россія служитъ какъ-бы звеномъ между этими двумя частями міра и проводникомъ истиннаго свѣта въ Азію“... Образованъ въ губернскомъ правленіи газетный столъ, но начальниками стола бывали люди безъ образованія, и для неоффиціальной части пришлось приглашать вольнонаемныхъ редакторовъ, не состоящихъ въ штатѣ губернскаго правленія. До половины 50-хъ годовъ типографія находилась въ Лаврахъ, а губернское правленіе рядомъ съ Андреевской церковью. Въ 1858—1865 и 1875 г. пріобрѣтены три скоропечатныхъ машины. Ко дню юбилея въ типографіи работали два наборщика, начавшіе службу въ 1862 и 1864 гг. Авторъ удивляется ихъ выносливости, ибо наборщики, работая 10—14 часовъ въ сутки, «подвергаются разслабленію органовъ кровообращенія; сердца ихъ и пищева-

рительные органы дѣйствуютъ слабо и неправильно, а отсутствіе другихъ занятій способствуетъ ослабленію функцій мыслительныхъ»; бѣдность и необезпеченность вызываетъ горе, безнадежность и апатію ко всему; обыкновенно, рабочіе (кіевской губернской типографіи?) кончаютъ жизнь въ крайней нуждѣ, не доживая и 45 лѣтъ (стр. 26). Съ переводомъ въ присутственныя мѣста, подъ типографію отведенъ подвалъ, гдѣ она оставалась и къ юбилейному торжеству.

Кромѣ губ. вѣдомостей, типографія печатала «Кіевскій телеграфъ», «Воскресное Чтеніе», «Труды Кіев. Дух. Академіи». Завѣдывали типографіей все время люди малосвѣдущіе въ техническомъ и коммерческомъ дѣлѣ, изъ лучшихъ чиновъ канцеляріи губернскаго правленія. Лишь одинъ чиновникъ, Осиповъ (1865—1874), обнаружилъ энергію и познанія, но запуталъ счетоводство и застрѣлился, благодаря завистничеству въ успѣхѣ и злой клеузѣ, «этому постоянному орудію канцелярской тли». Устроенная Осиповымъ словолитня, за отсутствіемъ знающаго дѣло человѣка, сама собою упразднилась. «Такъ вихрь зависти направляется лишь на тѣхъ, кто стоитъ выше посредственности, и проносится надъ ничтожествомъ, не касаясь его».

Въ 1864 г. часть типографіи (1 станокъ съ наборщикомъ) была перевезена въ канцелярію губернатора Казнакова для сокращенія переписки, въ виду тревожныхъ событій въ краѣ. Въ 1871 г. утверждена такса за печатаніе казенныхъ объявленій. Съ 1862 г. Губ. Вѣдомости выходили, вмѣсто одного, три раза въ недѣлю, но это не увеличило доходовъ типографіи. Въ 1882 г. дефицитъ по этому изданію вычисленъ въ 2586 р. Поэтому повышена годовая плата, и оригинально: губернскія и уѣздныя учрежденія платили и платятъ по 3 р., а волостныя правленія, мѣщанская и ремесленныя управы по 8 р.! Какъ бы то ни было, въ 1840 г. типографія имѣла дохода 1438 р., а въ 1880 г. 28.286 р., т. е. почти въ 20 разъ болѣе. Съ 1857 г. значительная часть доходовъ типографіи отчислялась въ пособіе на содержаніе губернскаго правленія, но въ какомъ именно размѣрѣ—изъ книги не видно, о чемъ должно пожалѣть: кажется, можно сказать безошибочно, что здѣсь именно кроется основная причина печальной постановки типографіи, какъ правительственнаго учрежденія, которое, кромѣ прямой своей задачи, служитъ для затыканія дыръ въ бюджетѣ губернскаго правленія и статистическаго комитета и потому не можетъ принять серьезныхъ мѣръ для улучшенія быта типографскихъ служащихъ.

Періоду 1885—1894 г. посвящена пятая, самая обширная и живописная, глава книги (стр. 36—70). Къ концу 80-хъ годовъ въ Кіевѣ было уже 17 типографій, 2 литографіи, 4 скоропечатни. Подъ вліяніемъ конкуренціи, и губернская типографія начала совершенствоваться. 18 періодическихъ кіевскихъ изданій рѣзко оттѣняли безжизненность Губ. Вѣдомостей. Для улучшенія неоффиціальной части ихъ, приглашенъ редакторомъ Алексѣй Александровичъ Андріевскій [1]), который извлекъ изъ губернскаго архива множество любопытныхъ для исторіи края документовъ и опубликовалъ какъ въ Губ. Вѣдомостяхъ, такъ и особыми выпусками; онъ же помѣстилъ въ вѣдомостяхъ рядъ историческихъ очерковъ по мѣстной старинѣ. Въ 1895 г. участіе г. Андріевскаго въ вѣдомостяхъ прекратилось. Кіевскимъ губернаторомъ назначенъ былъ въ этомъ году Л. П. Томара, при которомъ «учрежденія, призванныя охранять общественную безопасность и государственные устои, находили большую поддержку въ авторитетной его власти,—поддержку, доходившую у него до гражданскаго эгоизма» (?—стр. 39). «Такъ какъ, по справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ писателей, «чувство долга растетъ не снизу вверхъ, а распространяется сверху внизъ,» [2]) то примѣръ руководящей дѣятельности (Л. П. Томары) создалъ школу, которая, за немногими исключеніями жертвъ прирожденной тупости и нравственнаго уродства, создала полезныхъ и безкорыстныхъ тружениковъ. Высоко поддерживая престижъ губернаторской власти, будучи точнымъ и чрезвычайно аккуратнымъ, Л. П. Томара вносилъ нѣкоторую сухость и холодность въ свои отношенія къ подчиненнымъ, но эти качества сглаживались теплотой сердца, мягкостью характера и общительностью его помощника, вице-губернатора А. П. Баумгартена. Первый вездѣ и во всемъ поспѣвалъ, а послѣдній всегда и вездѣ опаздывалъ, иногда по самымъ наивнымъ причинамъ, формально ссылаясь, для успокоенія, на то, что онъ занятъ былъ серьезнымъ дѣломъ или чтеніемъ «Правительственнаго Вѣстника». Въ дѣйствительности же его задерживало и отвлекало отъ занятій участіе къ обиженнымъ и обездоленнымъ. Оказывая помощь, онъ никогда не интересовался узнать,

---

[1]) Неизвѣстно почему авторъ называетъ уже въ 1881 г. «старикомъ» этого энергическаго педагога и писателя, который и нынѣ работаетъ на педагогическомъ и ученомъ поприщѣ въ одной изъ южныхъ земскихъ губерній.

[2]) Ссылка на «Руководство для подготовки къ бою».

кого онъ благодѣтельствуетъ. Однажды пришелъ въ его квартиру молодой бѣдно одѣтый человѣкъ и разсказалъ ему, что, состоя на морской службѣ въ Одессѣ, онъ упалъ съ мачты, сломалъ руку и, пролежавъ въ больницѣ, потерялъ мѣсто, а потому проситъ оказать ему содѣйствіе къ полученію мѣста на Днѣпровскихъ пароходахъ. А. П. даетъ просителю рекомендательное письмо. Дней черезъ 8—10 молодой человѣкъ приходитъ въ формѣ капитана парохода и сердечно благодаритъ его за полученное мѣсто. «Очень радъ, только я васъ совсѣмъ не знаю и не припомню, когда я для васъ писалъ письмо». Наполняя карманы разными прошеніями во время исправленія должности губернатора, А. П. за многихъ бѣдныхъ самъ уплачивалъ паспортныя пошлины, говоря въ досадѣ: «денегъ не имѣютъ, а еще ѣдутъ за границу». Въ это время «Губ. Вѣд.» стали получать нѣкоторый казенный оттѣнокъ, и стремленія къ развитію неоффиціальной части нѣсколько ослабѣли. Зато стали появляться въ изобиліи руководящіе служебные циркуляры»... (стр. 40, 41). «Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число дѣлъ въ губ. правленіи и необходимость въ болѣе скоромъ разрѣшеніи ихъ отвлекали А. П. Баумгартена отъ особыхъ заботъ объ улучшеніи типографіи»....

До сихъ поръ о типографіи. Но типографія находится при губ. правленіи. Итакъ, въ сотрудники себѣ по губ. правленію А. П. Баумгартенъ намѣтилъ совѣтника губ. правленія Наркисса Осиповича Брановскаго, съ возложеніемъ на него завѣдыванія типографіей. Г. Брановскому на стр. 42—44 посвященъ теплый біографическій эскизъ, который необходимо привести полностью, такъ какъ онъ имѣетъ, вѣроятно, отношеніе къ задачѣ книги—историческому очерку губернской типографіи. И вотъ что узнаемъ: «Брановскій прошелъ суровую школу жизни, испыталъ крайнія степени нужды и воспитанъ на черномъ хлѣбѣ, пройдя тяжесть ученія отъ монастырской и семинарской школьной скамьи до Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, находясь въ которой безъ средствъ, онъ успѣвалъ пріобрѣтать ихъ, при содѣйствіи директора академіи Королева, путемъ работъ на фермѣ и политехнической выставкѣ, а также переписываніемъ лекцій, дѣлясь порціей скромнаго обѣда съ товарищами и отсылая часть своего скуднаго заработка на родину нуждавшимся родителямъ. Начавъ службу съ низшей ступени писца и проходя ее затѣмъ то въ тѣхъ, то въ другихъ должностяхъ по разнымъ вѣдомствамъ, представляя изъ себя мѣшокъ, набитый въ равной мѣрѣ

пороками и добродѣтелью, онъ въ трудѣ былъ оригиналенъ, въ жизни необщителенъ и, посвящая все время работѣ, игнорировалъ другія потребности и нужды семьи. Забывая невзгоды, онъ въ юности совершилъ цѣлый рядъ шалостей и претерпѣлъ не мало случайностей, подвергавшихъ его непріятностямъ и даже серьезной опасности. Въ описаніи юбилея Почаевской Лавры онъ упоминается, какъ совершившій прыжокъ съ пятнадцати-саженей высоты изъ-за полученія поджаренной сайки; тамъ же сочинилъ молитву: «Къ Тебѣ, о Мати Пресвятая» и, путемъ добытаго въ лаврской типографіи шрифта, напечаталъ ее на страницахъ казенныхъ учебниковъ, за что и былъ наказанъ, но молитва и теперь въ ходу и печатается легально; прервавъ въ 1863 году, на время, занятіе, онъ стремится съ ружьемъ въ м. Радзивиловъ для участія въ отраженіи польскихъ мятежниковъ, но здѣсь чуть не былъ заколотъ своими, заподозрившими въ молодомъ партизанѣ инсургента; въ г. Ровно онъ замертво падаетъ съ бѣшеной лошади и послѣ долговременнаго безсознательнаго положенія выздоравливаетъ, благодаря добросердечію и заботамъ Андрея Ивановича Косича—нынѣ помощника командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, и командированнаго имъ артиллерійскаго врача Яблоньскаго; въ С.-Петербургѣ, спасая дочь съ опрокинутаго буксирнымъ пароходомъ катера, онъ самъ тонетъ въ Невѣ и случайно выплываетъ, ухватившись за свою собаку; въ Кіевѣ, желая послѣ утомленія глазъ промыть ихъ по рецепту, захватилъ вмѣсто черемуховой воды карболовую кислоту [1]); отъ несчастливой этой промывки былъ спасенъ усиліями врача Гальперина. Къ счастью, на службѣ онъ нигдѣ не считался вреднымъ и во многихъ случаяхъ даже пользовался нѣкоторымъ вниманіемъ. Такъ, состоя на службѣ въ Петербургѣ, онъ пользовался особымъ расположеніемъ бывшаго градоначальника Ѳедора Ѳедоровича Трепова, по порученію котораго читалъ лекціи окотолочнымъ и городовымъ въ школѣ полицейскаго резерва и принималъ участіе въ составленіи учебника по этому предмету. Вниманіе Ѳ. Ѳ.—этого достойнаго лучшихъ страницъ исторіи администратора—выразилось въ публичной благодарности за труды, послѣ произнесенія прощальной рѣчи [2]). Брановскій и нынѣ служитъ въ

---

[1]) Надо думать, въ растворѣ?

[2]) Слѣдуетъ примѣчаніе, гдѣ приведена цѣликомъ рѣчь градоначальника.

Губернскомъ Правленіи, завѣдывая типографіей, въ духѣ новыхъ требованій и желаній начальства, направленныхъ къ прогрессивному улучшенію дѣла, драблѣя (sic) лишь подъ вліяніемъ времени, уносящемъ (sic) все прошлое его и надежды въ архивную связку».

«Хотя техническая часть губернской типографіи не улучшалась, доходность ея однако не падала, и избытки обращались преимущественно на нужды канцеляріи губ. правленія, а также на пособія бѣднѣйшимъ чиновникамъ». Дабы доходы не падали, изобрѣтено было оригинальное средство. Положимъ, содержатель ссудной кассы печатаетъ въ Губ. Вѣдомостяхъ *одно* объявленіе о продажѣ *пяти* вещей: публикаціонныя деньги взыскиваются съ него какъ за пять отдѣльныхъ объявленій. Содержатель кассы протестуетъ, но тщетно. Протестуетъ противъ подобныхъ же операцій хозяйственный комитетъ Кіевскаго мѣстнаго арсенала, но тщетно, и платитъ 13 р. 50 к. вмѣсто 1. р. 50 к.; протестуетъ Кіево-Подольское управленіе гос. имуществами, которое имѣло несчастіе напечатать одно объявленіе о продажѣ лѣса въ 49 дачахъ: взыскивается какъ за 49 отдѣльныхъ объявленій; тщетно протестуетъ и волынское губернское правленіе: за одну публикацію о 139 коробочныхъ сборахъ со слезами на глазахъ уплачиваетъ сіе правленіе еврейскими деньгами какъ за 139 отдѣльныхъ публикацій,—вмѣсто 1 р. 50 к.—208 р. 70 к. При всемъ томъ, правительственныя учрежденія неохотно дѣлаютъ заказы губернской типографіи, которая до 1895 г. оставалась при старыхъ машинахъ, плохихъ шрифтахъ и первобытныхъ двигателяхъ. И однако, доходы типографіи увеличиваются: въ 1885 г. 23 283 р., а въ 1895 г. уже 44 944 р.; расходъ въ 1895 г. превышаетъ доходъ и образуется до $13^1/_2$ т. руб. долга, потому что типографія должна покрывать дыры бюджета губ. правленія, но въ какой мѣрѣ, не видно и теперь. Въ виду необезпеченности рабочихъ, въ 1895 г. поднятъ вопросъ о распространеніи устава кассы чиновниковъ на служащихъ въ типографіи, «но вопросъ этотъ остался открытымъ и по настоящее время (т. е. къ столѣтнему юбилею), а между тѣмъ рабочіе типографіи, дающіе своимъ тяжелымъ трудомъ въ распоряженіе начальства избытки доходовъ, сами, въ минуту бѣдствій, не находятъ покровительственнаго учрежденія, могущаго предложить имъ мелкій кредитъ, а послѣ утраты работоспособности, по старости или инымъ недугамъ,—пенсію или единовременное пособіе. Поэтому вопросъ объ учрежденіи

кассы мелкаго кредита для типографскихъ рабочихъ и объ обезпеченіи ихъ подъ старость представляется вполнѣ назрѣвшимъ» (стр. 50).

Почему же сей назрѣвшій вопросъ не получаетъ дальнѣйшаго движенія по установленному порядку, согласно съ дѣйствующими на сей предметъ правилами, узаконеніями и особыми распоряженіями? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: „Частая смѣна служащихъ, имѣющихъ отношеніе къ описываемому предмету, отчасти затрудняетъ открытіе объективной истины и установленіе причинной или эволюціонной связи между фактами и явленіями, а между тѣмъ задачи историческаго очерка, главнымъ образомъ, и должны заключаться съ одной стороны въ возстановленіи дѣйствительной связи фактовъ, а съ другой, отличаться тѣмъ безпристрастіемъ, которое называется историческимъ объективизмомъ».

Что-то темно, но спорить трудно: конечно, объективность прежде всего, затѣмъ точные факты, затѣмъ согласные съ закономъ и логикой выводы.

Къ сожалѣнію, ни фактовъ, ни выводовъ нѣтъ, остается лишь объективизмъ, и читатель остается въ тяжкомъ раздумьи. Ибо дальше повѣствуется вотъ о чемъ.

Вице-губернаторъ Д. С. Ѳедоровъ, при которомъ куплены новыя машины и возбужденъ (кѣмъ?) вопросъ объ улучшеніи быта типографскихъ рабочихъ, прослужилъ весьма короткое время, оставилъ службу и начальникъ газетнаго стола. Вице-губернаторомъ назначенъ П. А. Слѣпцовъ. «Послѣ этихъ перемѣнъ наступило затишье, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, до наступленія болѣе существенныхъ измѣненій въ составѣ высшей администраціи, или измѣненій, которыя можно отнести къ новой эпохѣ какъ исторіи края, такъ и исторіи скромнаго учрежденія губернской типографіи»... П. А. Слѣпцовъ «очаровывалъ окружающихъ благовоспитанностью и тактомъ, обладалъ вполнѣ зрѣлой административной мудростью и высокой научной подготовкой, которая давала ему возможность безъ особыхъ напряженій раздѣлять и облегчать власть губернатора и разрѣшать особенно удачно и легко тѣ вопросы по ввѣренному ему Правленію, или такъ наз. текущія, дѣла, надъ которыми, изнемогая въ безсиліи, сидѣли по цѣлымъ суткамъ чиновники». Куплена литографская машина, установленъ электрическій двигатель, упразднены рабочіе вертельщики. Въ 1898 г. доходъ типографіи достигъ 55.318 р.

Но «этимъ еще не исчерпывается характеристика двухлѣтняго періода, которому можно дать названіе либеральнаго»: «снова возобновилось пополненіе неоффиціальной части «Губ. Вѣд.», хотя съ меньшею тенденціозностью на популярность» (cur, quomodo, quibus auxiliis?!). Именно—въ 1896 и 1897 г. напечатаны статьи о государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, о переоцѣнкѣ земель въ европейской и азіатской Россіи, о нуждахъ церковнаго дѣла на сибирской желѣзной дорогѣ и Забайкальи, о жучкѣ древоточкѣ и амбарномъ долгоносикѣ, о пріютахъ самопомощи, о вліяніи климата на урожаи зёрна и о 900-лѣтіи Десятинной церкви въ Кіевѣ; наконецъ, измѣненъ форматъ вѣдомостей, съ сокращеніемъ расхода на бумагу. «Въ дѣлахъ мірскихъ, увлекаясь прибылью, или огорчаясь убытками, мы всегда стоимъ на почвѣ матеріальной,—измѣнчивой и ничтожной. Возвышающая чувства и чуждая матеріализма идея бытія и Бога наиболѣе свойственна средѣ, пребывающей въ нуждѣ и трудѣ». Уже въ 1799 г. рабочіе типографіи на трудовые гроши соорудили для типографіи икону святителя чудотворца Николая; въ 1895 г. иждивеніемъ наборщиковъ поставлена икона св. Дмитрія; въ 1897 г.—икона св. Кирилла и Меѳодія, патроновъ печатнаго дѣла, съ неугасимыми лампадами, огонь въ коихъ поддерживается на средства устроенной наборщиками кружки. 11 мая рабочіе празднуютъ память первоучителей славянскихъ.

«Характеристика послѣднихъ двухъ лѣтъ 1898 и 1899 годовъ составляетъ послѣднее наслоеніе впечатлѣній и живую картину. Какъ въ отношеніи общаго состоянія административныхъ дѣлъ, такъ и въ частности состоянія губернской типографіи можно сказать, что «со свѣтомъ истины и счастья мы приближаемся къ двери будущаго». Назначены новые генералъ-губернаторъ, губернаторъ, вице губернаторъ, факторъ типографіи и начальникъ газетнаго стола,—впрочемъ, вліяніе этой послѣдней перемѣны въ газетномъ столѣ «на ходъ дѣла въ типографіи покажетъ будущее». «Такіе счастливые исходы и замѣщенія въ высшей администраціи, по истинѣ, имѣютъ характеръ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Съ одной стороны у насъ всемірный авторитетъ военной науки и военнаго краснорѣчія, сердцевѣдъ русскаго солдата и знатокъ народныхъ нуждъ; съ другой—администраторъ, унаслѣдовавшій весьма цѣнныя данныя по исторіи полицейскаго права, изучившій современныя требованія этого права и обладающій добрымъ

сердцемъ и сильной энергіей. За нимъ слѣдуетъ его достойный помощникъ, полный благородства, опытности и дѣловитости. Для осуществленія высокихъ административныхъ задачъ, которыя должны выразиться: въ ясности, простотѣ, силѣ и спѣшности, умѣньи овладѣть довѣріемъ подчиненныхъ и населенія, создать послѣднему условія, охраняющія жизнь, здоровье, имущество, общественный порядокъ и безопасность, словомъ, въ стремленіи къ идеалу общаго благополучія — ничего другого и не нужно, равно не нужно и другихъ поясненій, ибо «никогда не силься растолковать то, что видно только изъ дѣла» [1]).

«А изъ дѣла видно, что и губернская типографія ко дню своего столѣтія не старѣетъ, а обновляется новыми силами и новымъ порядкомъ, словомъ идетъ по слѣдамъ прогресса»...

Гигіеническія условія работы въ типографіи очень нехороши. Поэтому возбужденъ вопросъ о постройкѣ особаго зданія, да денегъ нѣтъ, и вопросъ остался открытымъ. Выписаны нѣкоторыя машины, введено электрическое освѣщеніе.

Въ 1899 г. работало до 60 человѣкъ съ содержаніемъ въ мѣсяцъ отъ 1000 до 1240 р. Ко дню юбилея типографія имѣла долга болѣе 21 т. руб. Предположено дать движеніе вопросу о допущеніи типографскихъ служащихъ къ участію въ ссудо-сберегательной кассѣ чиновниковъ губ. правленія. Приказано устроить предохранители у машинныхъ приводовъ, для предупрежденія несчастій. Устроена гимнастика для малолѣтнихъ рабочихъ [2]). Многое еще нужно устроить, многое намѣчено на будущее время, ибо «наша типографія далеко уступаетъ требованію жизни, а между тѣмъ «царство науки не знаетъ предѣла, всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ»....

Вотъ все существенное, что можно извлечь изъ настоящей книжки, представляющей собою, можно сказать, явленіе безпримѣрное въ юбилейной литературѣ всѣхъ временъ и народовъ.

Авторъ, какъ видно, съ одной стороны задался цѣлями слишкомъ широкими, съ другой — чрезмѣрно съузилъ рамки разсказа. Оттого, вмѣсто изложенія фактовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ

---

[1]) Ссылка на „Программу для обученія рядовыхъ".

[2]) Авторъ подтверждаетъ пользу гимнастики ссылками на Софокла, Сократа, Ликона, Пиѳагора, Платона, Руссо и Локка.

исторіи губернской типографіи, приходится узнать много такого, чему мѣсто скорѣе въ литературѣ мемуаровъ.

Съ этой точки зрѣнія, книга, по безхитростной манерѣ изложенія и по теплотѣ стиля, возвышающагося иногда до истиннаго пафоса, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія. Конечно, желательно было-бы встрѣтить въ юбилейномъ изданіи больше фактовъ и больше связности въ группировкѣ хотя-бы и скуднаго матеріала,—но что отложено, то не потеряно: нѣтъ сомнѣнія, что въ 1999 году двухсотлѣтній юбилей кіевской губернской типографіи будетъ отмѣченъ изданіемъ болѣе полнымъ фактически; едва-ли, однако, это будущее изданіе можетъ стать выше нынѣшняго по теплотѣ чувствъ и мастерству характеристикъ.

Книга украшена многими портретами мѣстныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и такихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи губернской типографіи.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 10; 3) Историческій Вѣстникъ, № 10; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 10; 5) Вѣстникъ Европы, № 10; 6) Русская Мысль, № 10; 7) Научное Обозрѣніе, № 10; 8) Русская Школа, № 9; 9) Книжки Восхода, № 9; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 10; 11) Ateneum, № 10; 12) Biblioteka Warszawska, № 10; 13) Slovanský Přehled № 10 (1); 14) Труды Кіевской Духовной Академіи № 9; 15) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 9; 16) Kwartalnik Historyczny № 3; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Русскій Архивъ № 9.

Изъ моей старины. Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго (продолженіе), (стр. 71—84).

Воспоминанія автора относятся къ 1839 году, проведенному имъ въ Москвѣ. Онъ разсказываетъ о знакомствѣ съ Лермонтовымъ,

разсказываетъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ Лермонтова, характеризующихъ личность послѣдняго; между прочимъ, упоминаетъ, что Лермонтовъ *хорошо* говорилъ по-малорусски и неподражаемо умѣлъ разсказывать малорусскіе анекдоты. Имъ, будто-бы, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ о томъ хохлѣ, который ѣхалъ по непомѣрно широкой почтовой дорогѣ, задремалъ, волы свернули съ дороги и зацѣпились за поверстный столбъ, а проснувшійся хохолъ обругалъ «бисову тисноту, що не можна и возомъ повернутыся»!

С. И. Кедровъ. Настоящее и будущее архивныхъ коммиссій (стр. 85—104) (по поводу книги Д. Я. Самоквасова: «Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ реформой въ Россіи» М. 1899).

Авторъ считаетъ необходимымъ будущую реформу архивнаго управленія въ Россіи совершить въ направленіи государственномъ и въ основу ея положить начала централизаціи архивнаго управленія и матеріаловъ; но соотвѣтственно ходу исторической жизни Россіи распредѣленіе матеріаловъ въ Русскихъ архивахъ получилось-бы иное. Дѣла до-Екатерининскаго времени (до 1775 г.—времени учрежденія губерній) удобнѣе всего сосредоточить въ особо устроенныхъ центральныхъ архивахъ, а позднѣйшія—въ губернскихъ. Къ участію въ расходахъ на нужды спеціальнаго архивнаго управленія могли бы быть привлечены земства и городскія думы, а кромѣ того могла бы быть отчисляема часть доходовъ губернскихъ типографій. Но съ проведеніемъ упомянутой реформы пришлось бы произвести нѣкоторыя измѣненія въ существующемъ устройствѣ архивныхъ коммиссій, и, прежде всего—«было-бы естественно не спѣшить открытіемъ новыхъ коммиссій». Что-же касается до существующихъ, то: 1) необходимо снабдить ихъ денежными средствами, 2) освободить отъ почтовыхъ расходовъ, 3) предоставить право безвозмезднаго печатанія въ губернскихъ типографіяхъ всякаго рода бланковъ, описей, каталожныхъ книгъ и вобще «Трудовъ» коммиссіи.

«Словомъ, настоящее положеніе архивныхъ коммиссій нуждается въ преобразованіи, какъ вообще все архивное дѣло въ Россіи, въ интересахъ развитія исторической науки и связаннаго съ нимъ народнаго самосознанія».

Николай Лернеръ. Письмо А. С. Пушкина къ Е. И. Люценку (стр. 143—144).

Еще въ 1888 г. въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1—3, стр. 39—40), «Землякъ изъ-подъ Глухова» въ отдѣлѣ «Для справокъ» называетъ переводчикомъ изданной А. С. Пушкинымъ въ 1836 г. книги «Вастола, повѣсть въ стихахъ,—соч. Виланда»—Ефима Петровича Люценка, родомъ Черниговца, служившаго съ 1811—1813 секретаремъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ настоящей замѣткѣ г. Лернеръ приводитъ письмо А. С. Пушкина къ Е. П. Люценку, содержаніе котораго касается изданія «Вастолы».

—

Русская Старина № 10.

Алексѣй Мердеръ. Почаевская лавра въ 60-хъ годахъ (стр. 110). Приведено содержаніе записки, полученной, въ серединѣ 60-хъ годовъ, главнымъ начальникомъ Юго-Западнаго края, изображающей порядки Почаевской лавры.

Высочайшая благодарность митрополиту кіевскому и галицкому Евгенію за его трудъ (стр. 140).

Рескриптъ императора Александра I митрополиту Евгенію отъ 28 августа 1825 года за составленное послѣднимъ описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. «Сей трудъ вновь удостовѣряетъ меня, что вы, назидая во спасеніе паству, вамъ ввѣренную, споспѣшествуете въ то-же время къ распространенію познаній церковной нашей исторіи».

Н. К. Шильдеръ. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1824 годъ (Продолженіе) (стр. 201—218).

Авторъ воспоминаній, историкъ отечественной войны, назначенный бригаднымъ командиромъ въ Полтавскую губернію, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ нѣкоторыхъ городовъ Полтавской губерніи (Кременчугъ, Лубны, Золотоноша) въ началѣ истекающаго столѣтія, о жизни мѣстныхъ помѣщиковъ (Родзянко, Требинскіе, Булюбашъ, Лисенко, бывшій министръ юстиціи Трощинскій), о положеніи въ то время Малороссіи вообще. «Я не находилъ въ Малороссіи ни одного человѣка, съ которымъ мнѣ удавалось говорить, выгодно къ Россіи расположеннымъ; во всѣхъ господствовалъ явный духъ оппозиціи» (стр. 212).

«Я замѣтилъ еще, что при каждомъ удобномъ случаѣ малороссіяне осуждали правленіе Александра и выхваляли царствованіе Екатерины. Къ распространенію сего мнѣнія способствовалъ преимущественно жившій недалеко отъ Лубенъ, бывшій министръ юстиціи,

Трощинскій, старикъ лѣтъ 80, почитавшійся въ Малороссіи оракуломъ. Домъ Трощинскаго служилъ въ Малороссіи средоточіемъ для либераловъ; тамъ, напримѣръ, находились безотлучно одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, сосланныхъ впослѣдствіи на каторгу, и Бестужевъ-Рюминъ, кончившій жизнь на висѣлицѣ» (стр. 213—214).

«Такая ненависть происходила отъ нарушенія правъ Малороссіи, отъ упадка кредита и промышленности, отъ возвышенія налоговъ, которые въ Малороссіи произвели повсемѣстную бѣдность, и отъ дурнаго устройства судебныхъ мѣстъ, гдѣ совѣсть была продажная». «Крестьяне находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, они стонали подъ тягостію налоговъ, для взиманія коихъ, особенно для сбора накопившихся въ значительномъ количествѣ недоимокъ, употребляли самыя жестокія мѣры, напримѣръ—лѣтомъ клали подъ рубашку крапиву, а зимою выводили несчастныхъ козаковъ на улицу, снимали обувь и обливали голыя ноги водою, отъ чего происходили ужасныя мученія, или земская полиція выламывала окна и печи у тѣхъ казенныхъ крестьянъ, на коихъ числились недоимки».

«Я не нашелъ въ Малороссіи ни одной отрасли промышленности, которая-бы въ чемъ-либо дѣлала успѣхи, или то, что англичане называютъ improvements». «Хлѣбопашество и рукодѣлія были въ дѣтствѣ, овцеводство, могущее быть источникомъ изобилія подъ ея благословеннымъ небомъ, почти было неизвѣстно, торговля едва существовала на мелочныхъ ярмаркахъ, а о наукахъ и художествахъ не стоитъ упоминать. Въ просвѣщеніи малороссіяне находились едва-ли на высшей степени, на какой они были при гетманахъ» (sic!).

Вѣстникъ Европы № 10.

Въ «Литературномъ обозрѣніи» г. *Т.* помѣстилъ коротенькій, но весьма опредѣленный отзывъ о двухъ брошюрахъ проф. *Флоринскаго* «Малорусскій языкъ и украінсько-руський литературный сепаратизмъ» и «Зарубежная Русь и ея горькая доля». Первая изъ этихъ брошюръ есть не что иное, какъ изданіе отдѣльной книгой извѣстныхъ уже читателямъ статей изъ газ. «Кіевлянинъ», а вторая представляетъ рѣчь г. Флоринскаго въ годичномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Упрекая автора брошюръ за то, что онъ «внесъ въ изслѣдованіе малорусскаго литературнаго сепаратизма такую раздражитель-

ность, которая не подобала-бы человѣку науки и способна помѣшать даже благимъ его пожеланіямъ относительно зарубежной Руси», — г. Т. указываетъ на причины развитія этого сепаратизма, скрывающіяся отчасти и въ тѣхъ методахъ рѣшенія вопроса, какіе употребляетъ самъ г. Флоринскій. По вопросу о протестѣ г. Флоринскаго противъ допущенія на XI археологическомъ съѣздѣ чтенія галицко-русскими учеными рефератовъ на своемъ книжномъ языкѣ, авторъ замѣтки высказываетъ слѣдующую прекрасную мысль: «Намъ представляется унизительнымъ для *необъятной силы русской ученой литературы и для мірового значенія обще-русскаго языка* (слова г. Флоринскаго) этотъ малодушный страхъ, что ихъ достоинство понесетъ ущербъ оттого, что нѣсколько галичанъ (которые, какъ мы знаемъ по собственному наблюденію, дѣйствительно иногда очень плохо владѣютъ русскимъ разговорнымъ языкомъ,—даже люди ученаго круга) прочлибы рефераты на своемъ языкѣ. Объ этой воображаемой опасности смѣшно говорить; но нравственный авторитетъ русскаго языка и науки несомнѣнно выросъ-бы еще болѣе, когда-бы *русское* научное предпріятіе, какимъ былъ кіевскій съѣздъ, равно обнимали всѣ славянскія силы, безъ различія и безъ мелкихъ счетовъ» (стр. 842 – 845).

Літературно-Науковий Вістник, № 10.

Наш альбом. Із поезій Одарки Романової (I—XI). (стр. 1—6).

Без пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 7—28).

Похорони. Нарис Сергія Ефремова (стр. 29—34).

Зъ галицьких образків Андрія Веретельника: 1. Шкода, 2. Квіток. 3. Батькова шапка. 4. Пані. 5. Або сиди, або плати. 6. Школярі (стр. 35—49).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 50—79).

Понад наші сили. Драматичні картини Бернштерна Бернзона (I—II) (стр. 80—108).

Із студий і нарисів Марка Твайна. I. Страховища німецькоі мови, (стр. 109—120).

По за межами можливого, Ів. Франка (стр. 1—9).

До життепису М. О. Дикарева, Олександра Конiського (далі буде) (стр. 10—29). Авторъ, на основаніи личной переписки, соста-

вилъ возможно полный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго съ указаніемъ на его литературные (этнографическіе) труды.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 30—43) (продолженіе) Пребываніе Кулиша въ Варшавѣ въ 1864—1867.—Причины оставленія имъ службы въ Варшавѣ.—Служба въ Петербургѣ въ 1873—1874 гг.

Новини нашої літератури. (Тарас Бульба, нова перерібка М. П. Старицького). Г. Г—а (стр. 44—49). Черезчуръ придирчивый разборъ пьесы г. Старицкаго «Тарасъ Бульба».

Друга руська артистична вистава у Львові,—М. Грушевського (50—54). Впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ при посѣщеніи выставки.

Хроніка і бібліографія (55—68). По обыкновенію, интересный и цѣнный матеріалъ для текущей культурной жизни Украины—Руси.

—

Ateneum, № 10.

Bronisław Gubrynowicz (стр. 97—110). Trzeci zjazd historyków polskich w Krakowie (стр. 97—110). Авторъ даетъ обзоръ рефератовъ, прочитанныхъ на съѣздѣ, значительная часть которыхъ касалась вопросовъ, близкихъ нашей области изслѣдованія, какъ напр. проф. Tretiaka «O żywiole ruskim w literaturze polskiej»; O. Колессы—два реферата по украинско-русской литературѣ; Piotra Bieńkowskiego—«Sarmaci i Roksolanie w sztuce rzymskiej»; K. Bołsunowskiego: 1) Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi, 2) «Wiadomości o domniewanym kalendarzu litewskim» Berto Gedymina «zwanym»; Ksawerego Chamca: «Przeddziejowe stosunki zewnętrzne ziemi Kijowskiej»; Juliana Pagaczewskiego—«W sprawie inwentaryzacyi zabytków sztuki w Polsce, a zwłaszcza w Galicyi».

Въ отдѣлѣ «Rozbiory i sprawozdanio» (стр. 178—180)—помѣщена рецензія на книгу. Zygmunta Glogera: «Geografia historyczna dawniej Polski», z dodaniem mapy Rzeczypospolitej I. Babireckiego.

—

Slovansky přehled, č. 1 (годъ III), № 10.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 47—48) упоминается о дѣятельности «Рускоі Ради» і «Галицко-Рускоі Матіци» въ Галиціи и Буковинѣ, «объ эмиграціи изъ Херсонской губерніи, о дѣятельности Харьковскаго и Черниговскаго комитетовъ трезвости, о поло-

женіи церковно-приходскихъ школъ въ Новороссіи, о русинахъ въ Бразиліи.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 9.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ кон. XV—XVII вв. (стр. 33—130) (продолженіе; начало—въ 1898, № 4).

Упоминая о польскомъ вліяніи (въ XVI и XVII вв.) на Московскую Русь, авторъ перечисляетъ, между прочимъ, произведенія, носящія слѣды пребыванія ихъ въ Юго-Западной Руси, какъ-то: переводы: Описанія Сарматіи Гваньини, Ogroda Krolewskiego (Вертоградъ Королевскій); «Хроника Свѣта»—М. Бѣльскаго, переведенная съ западно-русскаго оригинала, «Позорище всея вселенныя, или Атласъ Новый», *Блеу*—переводъ отчасти «Епифаніевъ», отчасти «Исаіи, товарища Епифаньева»; Сборникъ путешествій въ Индію—м. Готарда Артхуса, «Управленіе здравія врачевъ парижскихъ царю аглицкому списанное и т. д.», Великое Зерцало.

—

Kwartalnik Historyczny № 3.

Dr. Zbigniew Pazdro. Sądy konfederacyjne z roku 1672—1673. Epizod z dziejów sądownictwa polskiego (стр. 409—446). Авторъ отыскалъ во Львовскомъ архивѣ о.о. Бернардиновъ акты конфедераціоннаго суда, функціонировавшаго съ января до конца апрѣля 1673 г. Между прочимъ онъ указываетъ, что въ русскомъ воеводствѣ одновременно дѣйствовали 3 конфедераціонные суда, особые для каждой земли: львовской, перемышльской и саноцкой (въ галицкой землѣ ихъ не было, о холмской ничего неизвѣстно). Засѣданія судовъ происходили въ главномъ городѣ каждой земли: Львовѣ, Перемышлѣ, Сановѣ; мѣстомъ «obrad» былъ замокъ, гдѣ происходили городскіе суды.

Dr. Zbigniew Pazdro. Ordynacya sądu konfederacyjnego przemyskiego z. r. 1673 (стр. 457—462). Приложеніе къ предыдущей статьѣ: регламинъ, утвержденный судомъ на первомъ засѣданіи.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdanie» (стр. 494—497 и 518—519) помѣщены отзывы: о трудѣ Jablonowskiego Alexandra: «*Akademia Kijowsko-Mohilańska.* Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi Zachodniej na Rusi. Kràkòw. 1899—1900», и Емиліана

Терлецкого «*Козаки на Білій Руси в р. 1654—1656* (Зап. наук. Тов. ім. Шевченка, т. XIV).

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Dr. Bronisław Loziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 977—1013) (продолженіе).

Весьма любопытные матеріалы, характеризующіе борьбу русинской народности съ польской въ 1849 году. Разсказывается о введеніи нѣмецкаго языка, въ качествѣ употребляемаго въ школахъ, и малорусскаго языка—какъ обязательнаго предмета,—въ школахъ восточной Галиціи.—Дѣятельность свящ. Шашкевича.—Уничтоженіе обязательности малорусскаго языка въ школахъ.—Введеніе утраквизма. Первое признаніе правительствомъ руссофильства въ Галиціи.—Дѣло свящ. Головацкаго.—Вопросъ о введеніи латинскаго алфавита въ малорусское правописаніе и объ уравненіи календарей.—Общій взглядъ на святоюрское движеніе.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 1014—1020) (продолженіе).

Интересное письмо Залескаго изъ Парижа ксендзу Ипполиту Терлецкому, въ Римѣ, отъ 17 іюля 1848 г., въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему, въ виду политическихъ осложненій въ Галиціи, отправиться въ Русь галицкую. «Ruś zadziera na seryo z Lachami, chce niepodległego, osobnego bytu»; создались русскіе (малорусскіе) комитеты... Однако есть среди духовенства и свѣтскихъ болѣе разсудительныя личности, совѣтующія сохранять согласіе и единодушіе съ Поляками, поставивъ цѣлью свободное развитіе Русской народности—«Owoż tych mężów godzi się podpierać całemi siłami»,—а это возможно лишь на мѣстѣ, во Львовѣ». Самъ Залескій надѣется получить позволеніе на переселеніе во Львовъ, въ особенности, если Вацлавъ Залевскій будетъ назначенъ губернаторомъ послѣ Стадіона. «Замышляютъ во Львовѣ издавать русскій (малорусскій) журналъ,—и въ этомъ отношеніи братъ Владиславъ былъ бы имъ въ высшей степени надобенъ, «bo wielki brak pisarzy ruskich»: кромѣ кс. Цеглевича нѣтъ никого во Львовѣ, кто-бы былъ въ состояніи писать газетныя статьи по-русски».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 27 выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» (Тифлисъ, 1900 г.) помѣщена, между прочимъ, любопытная статья М. Г. Джанашвили: *«Осада Константинополя скиѳами, кои суть русскіе, и походъ императора Ираклія въ Персію»* (стр. 1—64).

Любопытный во многихъ отношеніяхъ разсказъ этотъ о нападеніи скиѳовъ-русскихъ на Константинополь въ 626 г., появившійся въ свѣтъ въ 1042 году въ Грузіи, составленъ на основаніи византійскихъ хроникъ, частью извѣстныхъ намъ, частью же утерянныхъ для исторической науки или, можетъ быть, еще не разысканныхъ. Это не простой переводъ съ неразысканной еще какой-нибудь греческой хроники, но повѣствованіе, составленное по многимъ византійскимъ источникамъ.

До сихъ поръ ни одинъ изъ греческихъ писателей, говорившихъ объ участіи скиѳовъ въ упомянутомъ походѣ, не упоминалъ ничего о русскихъ. Откуда же они взялись у неизвѣстнаго автора повѣствованія? Допуская, что неизвѣстный намъ греческій первоисточникъ назвалъ враговъ, осаждавшихъ въ 626 г. Византію, русскими подъ вліяніемъ походовъ Аскольда и Дира, Олега, Игоря, а равно и походовъ Святослава, войска котораго Левъ Діаконъ назвалъ также скиѳами,—г. Джанашвили высказываетъ предположеніе, что авторъ повѣствованія (грузинъ) самъ вставилъ въ названіе *скиѳы* поясненіе, что они тѣ-же *русскіе*. «Тогдашняя Грузія не могла не знать Кіевской Руси. Это былъ славный вѣкъ Ярослава Мудраго, когда Мстиславъ Тмутараканскій воевалъ съ косожскимъ княземъ, и потому, естественно, у грузинскаго лѣтописца могла явиться мысль, что и въ началѣ VII в. стучался у воротъ Византіи не кто иной, какъ русскій хаганъ (каганъ), съ русскою ратью».

—

Въ № 6 «Всеславянскаго органа» —«Славянскій вѣкъ» —г. Вѣди-како, въ статьѣ *«Малорусскій или общерусскій языкъ?»* распространяется объ «искусственности и условности» книжнаго малорусскаго языка, дѣлаетъ ссылки по этому поводу на книжку проф. Флоринскаго «Малорусскій языкъ и украинско-русскій сепаратизмъ» (Спб. 1900), совѣтуетъ галицкимъ «русскимъ» принять общерусскій языкъ и, наконецъ, подаетъ, неизвѣстно къ чему, совѣтъ «отбросить на время ни на чемъ не основанную щепетильность и поглубже и повнимательнѣй заглянуть въ русскую литературу и въ русскую

жизнь; при всѣхъ несовершенствахъ этой жизни, и они (различные мелкіе народы) найдутъ въ ней много для себя новаго, интереснаго и поучительнаго»...

И никто противъ послѣдняго не споритъ... Какую бы мы славянскую народность ни взяли,—будутъ ли это чехи, поляки, галицкіе малоросы—у всѣхъ ихъ замѣчаемъ живѣйшій интересъ къ знакомству съ русскими талантливыми писателями, какъ Л. Толстой, Горькій, Чеховъ и др. Автора же, не видящаго всего этого, можно упрекнуть въ умышленной или неумышленной близорукости.

—

Въ №№ 231 и 234 газеты «Руслан» помѣщено интересное изслѣдованіе (не оконченное еще) подъ загл. «*Характеристика поэзіи Петра Гулака-Артемовского*». Разсмотрѣвъ всѣ принадлежащія перу Г.—Артемовскаго произведенія, авторъ приходитъ къ выводу, что украинская литература въ позднѣйшихъ произведеніяхъ своихъ писателей значительно пошла впередъ, въ сравненіи съ предыдущими. Главнымъ мотивомъ произведеній Артем., по словамъ автора, является—протестъ противъ крѣпостничества, въ соединеніи съ горячей любовью къ родному слову.

—

Въ №№ 221—226, 228, 233—234, 236 газ. «Дѣло» печатается обширное изслѣдованіе Ив. Рудовича «*Унія въ Львовской епархіи*». Авторъ, начавъ съ 1596 года, касается дѣятельности еп. Балабана, отмѣчаетъ слѣды уніи во львовской епархіи въ началѣ XVII в., останавливается на попыткахъ еп. Іосифа Шумлянскаго ввести унію указываетъ постепенный упадокъ православія во львовской еп. и вообще въ Польшѣ и на причины этого упадка, разсказываетъ о неудачномъ соборѣ 1694 г., о провозглашеніи уніи во львовской епархіи въ 1700 г. и о принятіи уніи львовской Ставропигіей въ 1708 г.

—

Въ № 6817 газ. «Южный Край» помѣщена статья М. Цавловскаго «*Выставка картинъ художника С. И. Васильковскаго*». Авторъ раздѣляетъ картины г. Васильковскаго по содержанію на три типа: Украина и украинская Старина, иллюстраціи Крыма и итальянскіе и восточные мотивы. Что до перваго цикла, то отзывъ критика о работахъ художника въ этой области не слишкомъ хвалебный.

—

Въ № 981 газ. «Приднѣпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью «*О народной пѣснѣ*», въ которой, отмѣчая повсемѣстный упадокъ народнаго творчества, или, по крайней мѣрѣ, сильное видо-

измѣненіе содержанія подъ вліяніемъ новаго уклада жизни, призываетъ къ дѣятельности малорусскихъ авторовъ и композиторовъ, указывая на почтенную дѣятельность въ этомъ направленіи мѣстнаго изслѣдователя Я. П. Новицкаго, автора «Малорусскихъ пѣсенъ Екатеринославской губерніи».

—

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Жизнь» помѣщена статья талантливой молодой писательницы г-жи Л. Украинки о малорусскихъ писателяхъ въ Буковинѣ, а именно—о Юріи Федьковичѣ, Ольгѣ Кобылянской и Стефаникѣ. Эти писатели пользуются гораздо большей извѣстностью въ Австріи и Германіи, чѣмъ въ Россіи, для которой, въ сущности, они могли бы имѣть болѣе интереса и значенія.

Яркій, напр., оригинальный талантъ Стефаника привлекъ вниманіе не только соотечественниковъ автора; переводы его разсказовъ начинаютъ появляться въ польскихъ, русскихъ (два его разсказа помѣщены въ «Сѣв. Кур.») и нѣмецкихъ изданіяхъ. Въ концѣ прошлаго года въ берлинской «Gesellschaft» былъ помѣщенъ переводъ одного разсказа Стефаника («письмо арестанта») съ восторженнымъ примѣчаніемъ редакціи. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора цитируемой статьи, нѣмцы не очень щедры на похвалы писателямъ новыхъ литературъ, и только выдающіеся представители такихъ литературъ имѣютъ шансы на успѣхъ у нѣмецкой критики. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ, по мнѣнію г-жи Л. Украинки, что молодая литература маленькой малорусской вѣтви представляетъ вовсе не малую художественную цѣнность. Кромѣ художественнаго, эта литература имѣетъ и общественное значеніе.

Въ заключеніе своей интересной статьи авторъ, указавъ на тотъ фактъ, что малочисленное населеніе захолустной провинціи, поставленной въ невыгодныя условія для развитія литературы, могло дать за короткое время своего національнаго пробужденія три сильныхъ таланта, относитъ это явленіе насчетъ творческихъ силъ народа, которыя при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы развернуться еще шире. («Сѣв. Кур.»)

—

Въ № 207 «Куб. Областныхъ Вѣдомост.» помѣщена корреспонденція учителя Л. К. Розенберга изъ ст. Родниковской (Лабинск. отд.) подъ загл. *«Повѣрія и предразсудки»*. Авторъ собралъ нѣсколько мѣстныхъ повѣрій, какъ то: вѣра въ вѣдьмъ и колдуновъ и въ хожденіе мертвыхъ, а также записалъ отъ станичниковъ разсказы о происхожденіи родовъ и видовъ нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ: медвѣдя, аиста и цапли, павлина, крысы и кошки, рябой собаки, паука

—

Въ 220 газ. «Волынь» помѣщена статья Я. В. Яроцкаго «*Изъ Искорости въ Народичи*» (Путевыя замѣтки).

Авторъ, посѣтивъ лично нѣкоторыя села волынскаго полѣсья—Ходаки, Татарковичи, Каменку, сообщаетъ попутно любопытныя свѣдѣнія объ этихъ селахъ и окружающихъ мѣстностяхъ по археологіи, исторіи—прошлой и современной—и этнографіи.

—

Въ № 212 газ. «Волынь» въ статьѣ «*Св-Владимірское братство*», заимствованной изъ газ. «Новое Время» и принадлежащей г. Прокофьеву, даются не лишенныя интереса свѣдѣнія о музеѣ братства въ г. Владимірѣ-Волынскѣ, въ которомъ собраны разные предметы древности, находимые при раскопкахъ и передѣлкахъ, а также фотографіи и снимки древностей Волыни, рукописи и старинныя иконы. Среди предметовъ древности многіе дѣйствительно заслуживаютъ большого интереса.

—

Въ № 6 журнала «Дѣтское Чтеніе» помѣщена популярная статья Д. Эварницкаго „*Забытый украинскій философъ Сковорода*“ съ видомъ могилы (въ с. Панъ Ивановкѣ, Харьк. губ.), автографомъ и отдѣльнымъ портретомъ Сковороды.

—

Въ № 6819 газ. «Южный Край» помѣщена статья профессора Н. Ѳ. Сумцова „*Субботы Св. Дмытра. Памяти Якова Ивановича Щоголева*“. Указавъ на нѣкоторыя, болѣе сильныя произведенія покойнаго Я. И. Щоголева, авторъ спеціально останавливается на одномъ изъ нихъ—„Субботы Св. Дмытра», какъ на произведеніи, болѣе всего отразившемъ личную тяжелую жизнь поэта.

—

Въ № 10 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ переводъ съ малорусскаго *М. Р.* извѣстнаго этюда М. Л. Кропивницкаго „*По ревызіи*“.

—

Въ томѣ V, кн. I. «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (1900) помѣщены, между прочимъ: *В. Н. Всеволовскаго*. Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій. (Стр. 1—35). Рецензія на кн. Ѳ. Брауна «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній». Спб. 1899 г. Въ отдѣлѣ библіографія: *Д. И. Абрамовичъ*. Памятники языка и письма и древности южныхъ и западныхъ славянъ на XI Археологическомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ (стр. 324—339) и *А. Л. Погодинъ*. Рецензія на „Materyały

antropologiczno—archeologiczne i etnograficzne, wydaw. staraniem Komisyi Antropolog. Akad. Umiejętności w Krakowie, t. III, 1899 (стр. 358—362).

—

Новая карта Галиціи. Во Львовѣ недавно вышла новая подробная карта Галиціи (на польск. яз.) Ю. Герриха. На карту нанесено раздѣленіе края на 78 старостъ, коммуникаціонныя линіи, правительств. дороги,—мѣстныя, уѣздныя и окружныя, а также желѣзныя—существующія уже и проектированныя. Цѣна $3^1/_2$ кор.

—

Въ журналѣ «Педагогическій Листокъ» (издаваемомъ редакціей «Дѣтскаго Чтенія»), въ кн. 5 и 6 помѣщенъ «Библіографическій Справочникъ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ». Заимствуемъ оттуда свѣдѣнія о книгахъ, переведенныхъ съ малорусскаго языка.

1. *Батрачка.* Шевченка. Изд. С-Прб. Комит. Грамотн. 24 стр. Ц. 3 к.—Высш. отзывъ въ «Образованіи», 1895, № 2 и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1895 г., № 3.

2. *Грицко.* Б. Гринченка (для дѣтей средняго возраста). Изд. «Посредника», 32 стр. Цѣна $1^1/_2$ к.—Посредств. отзывъ въ «Образованіи», 1896 г., № 4 и въ «Воспитаніе и Обученіе», 1896 г., стр. 342.

3. *Иголка.* Разсказъ изъ малороссійской жизни. Изд. Приваишникова, 16 стр. Цѣна 3 к.—Посредств. отзывъ: «Русск. Мысль», 1895 г., № 7, «Русская Школа», 1895, № 9, стр. 194 и неодобрительный—въ «Мірѣ Божьемъ», 1895 г., № 10.

4. *Козачка. Одарка. Горпина.*—М. Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Гр—ти. 40 стр. Цѣна 4 к.—Высш. отзывъ «Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., № 5, «Міръ Божій», 1896, № 2. «Русская Мысль», 1895 г., № 3; Посредств.—«Начальный учитель», 1896 г., стр. 71, и «Образованіе», 1895 г., № 5—6.

5. *Маруся.* М. Вовчокъ. Изд. Ком. Гр—ти. 116 стр. Цѣна 10 к.— Одобрена Министр. Нар. Просв. для начальныхъ библіотекъ и читаленъ. Отзывы:—Высшіе—въ «Русск. Мысли», 1896, № 8 и «Мірѣ Божьемъ», 1896, № 2; посредственный—въ «Образованіе», 1897 г., № 1.

6. *Павло Чернокрыль.* Маркъ Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам. 48 стр. Цѣна 3 к. (для взрослыхъ).

Высш. отзывъ—«Міръ Божій», 1896 г., № 2; посредств.—«Образованіе», 1897 г., № 1 и «Русская Мысль», 1896 г., № 8.

7. *Перекаты - поле.*—Основьяненко.—Посредств. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г., № 5.

8. *Работница.*—Шевченко. Изд. Москов. Ком. Грамотн. Цѣна 3 коп.

Высш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 4, и «Образованіе 1895 г., № 7—8.

9. *Саша.* М. Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грамотн. 24 стр. Ц. 3 коп.

Высш. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ», 1895 года, № 5; Посредств.—«Русская Мысль», 1895 года, № 3; низшій—«Начальный учитель» 1896 г., стр. 71.

10. *Сестра. Ледащая.* М. Вовчекъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам. 46 стр. Цѣна 4 коп.

Высш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 3; «Начальный Учитель», 1896 г., стр. 71; «Міръ Божій», 1896 г., № 2; „Сѣверный Вѣстникъ", 1895 г., № 5.

11. *Сестрица Галя, Украла и Грицко.*—Б. Гринченко. Изд. „Посредника". 30 стр. Цѣна $1^1/_2$ коп. (Для дѣтей средняго возраста). Посредств. отзывъ въ „Образованіе" 1896 г., № 4 и «Воспитаніе и Обученіе" 1896 г., стр. 342.

12. *Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ.*—М. Вовчекъ. Изд. С-Прб. Ком. Грам.—Высш. отзывъ въ „Мірѣ Божьемъ" 1896 года, № 2.

13. *Три доли.* Маркъ Вовчекъ.—Посредст. отзывъ въ «Вѣстникѣ Воспитаніе» 1897 г., № 3.

14. *Украла.* (Разсказъ для дѣтей). Б. Гринченко. Изд. „Посредника".—Посредств. отзывъ въ «Образованіи» 1896 г., № 4.

—

Драматическія сочиненія, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію, по 1 сентября 1900 года.

1) *Въ мори безъ кормыла.* Малорусская драма въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣется въ наши дни на правомъ берегу Днѣпра. (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. К. Разсохина. Москва, 1900 года).

2) *Дивчына—атаманъ банды розбійныкивъ.* Драматычни картыны у 5 діяхъ и 8 одминахъ, зъ спивамы и танцямы. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣется на Нѣманѣ въ XVII вѣку. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года).

3) *Дочка Запорожця XVII вику.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ Н. М. Качинскаго. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографиров. изданію. Литографія московск. театральной библіотекѣ С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года).

4) *За сиротою—Богъ съ калытою.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ. Первой половины XVII вику. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. (По литограф. изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года)-

5) *Мое кохання* (або «Безъ висты пропавша»). Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ивана Степанченкова.

6) *Палке серце—загублена доля.* Малорусская драма въ 4 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка (По литографированному изданію. Литографія московской театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года).

7) *Промежъ молотомъ та наковадломъ* (!). Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка. (По литографированному изданію. Литографія московск. театральной библіотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва, 1900 года).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Баженскій Чеславъ. Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскомъ въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ Западно-Русскій Край». Подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Будде. Казань, 1900, in 8⁰, I—XVII, 1—36.

Бахметева А. Н. Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимірѣ. Изд. 3-е. Москва, тип. Гатцука, in 16⁰, стр. 48.

Бібліотека для руской молодежи. Выпускъ XXV,—Т. 39:—Селянська дитина. Написавъ Данило Ленкій.—т. 40. Зъ сельскихъ образкôвъ. Написавъ Данило Ленкій. Коломыя. Зъ печатнѣ І. Брука і спôлки. 1900. Ст. 64+82. Ціна 35 кр. (70 сот).

Bieliński Józef. Uniwersitet Wileński, 1579—1831, tom III (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, IV). Kraków, 1899—1900.

Bolcewicz B. Katalog monet polskich i z polską styczność maiących od czasów najdawniejszych do roku 1795. Варшава. Тип. І. Сикорскаго, 8 д., 96 стр.

Борзаковскій П. Въ началѣ реформы бурсы. (Изъ воспоминаній). (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій (Отд. отт. изъ «Извѣст. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад.наукъ«. Т. V (1900 г., кн 1). Спб. 1900 г. Тип. акад. наукъ, 8 д., 35 стр.

Witkiewicz Stanisław. Juliusz Kossak. Warszawa, 1900. Nakład Gebethnera i Wolffa.

Вилинскій С. Г. Византійско-славянскія сказанія о созданіи храма Св. Софіи цареградской. Одесса, тип. «Экономическая», 8 д., 109 стр.

Gawroński Rawita. Fr. Studya i szkice historyczne, serya II: *Losy wielkiej fortuny na kresach ukrainnych; Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki*; Kartka z życia społeczeństwa kresowego; *Prawo bratne XVI w.*; *Pogląd na historyę rolnictwa w Polsce*; *Siabrostwo, jako forma władania ziemią*; *Ludowe sądе kupne czyli kopne na Polesiu*; Przygoda Imć. pana Józefa Sieńkiewicza, namiestnika chorągwi tatarskiej; *Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki*; Ludwika Sniadecka.—Lwów, 1900.

Гоголь Микола. Тарас Бульба. (Виданне «Народної бібліотеки», ч. 4—6). Переклав з поясненнями др. В. Щурат. Чернівці, 1900 р.

Грінченко Борис. Привітанне Ганні Барвінок за сорокоплітню літературну діяльність. Накладом редакції «Літ.-Н. Вістника». У Львові, 1900. Ст. 19, in 8. Ціна 25 сот.

Dunin—Karwicki Józef. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości,—wołynskie opowiadania historyczne. Warszawa, 1900.

Збирникъ народныхъ украинськыхъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ М. Лысенко. Девьятый десят. Лит. Редера въ Лейпцигѣ. 8 д., 21 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.).

Ілюстрований календар Просьвіти на р. 1901. Львів, 1900. Ціна 60 сот. Зміст: Чернигівка, правдива подія з другої половини XVII віку—за М. Костомаровим переповів А. Б.; Добра продаж, купно ще ліпше—оповід. Теод. Янцкого; Про управу найважнійших струкових рослин; Народні оповідання про пана Кяньовского; Господарські ради; Народні вигадки; Десять заповідий здоровля; Де-що про Київ і єго памятки—із ілюстрацією; Гетьман Петро Дорошенко—з трема ілюстрациями; Хорватский епископ Йоспф Штросмаер,—з ілюстрацією; Народні рускі товариства у Львові; Правила для руских громад і для Русинів.

Ілюстрований буковиньский православний Календар на рік 1901 (річник XXVIII). Чернівці, виданне «Рускої Бесіди» (ч. 160), з

друкарні «Руска Рада». Ціна 25 кр. Въ литературномъ отдѣлѣ: Поезиі—*Сид. Воробкевича*, *Щурата*, Галіна; «Там звізди пробивались»—Ол. Кобилянськоі; «Зачароване місце»—М. Гоголя; «Як дяків Юстинко допровадив до золотого ковніра»; «Найзнаменитші Київські святині»—подорожні вражіння проф. Еремійчука; «Де-що зъ домашних ліків—Д. Цігуляка.

Карцовъ, А. С. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Статьи о строеніи и систематикѣ растеній, составленная академикомъ С. И. Коржинскимъ. Цѣна 2 р.

Кобищанова, Марѳа Яковлевна. «Не до пары побралысь. Малороссійская драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Курскъ, 1900. Типографія Губернскаго правленія, in 8°, 61 стр. Цѣна 40 коп. (1.000 экз).

Kochanowski J. K. Witold, Wielki książę litewski, studyum historyczne. Lwów, 1900.

Kolessa Alexander. Ukraińska rytmika w poezyach Bohdana Zaleskiego. Lwów, 1900.

Краткій указатель историко-археологической выставки городскаго музея. Кіевъ, 1900 г. Тип. Г. Розенберга. 16 д., 12 стр. Ц. 15 коп.

Kraushar Alexander. Książę Repnin i Polska w pierwszem czterolecіu panowania Stanisława—Augusta (1764—1798), wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Książa pamiątkowa uniwersitetu lwowskiego ku uczczeniu pięćsetniej rocznicy fundacyi Jagiellońskiej Uniwersytetu krakowskiego. Lwów, 1900.

Лепкий Богдан. Стрічки. Заходом К. Студинського. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 106, мал. 8°. Ціна въ оправі 2 кор. Зміст: 1) Посьвята. 2) Засьнів 3) Думки і пісні (26 поэзий). 4) Любов і жаль (12 поезий). 5) Село (9 поэзий). 6) Зъ чужини (6 поэзий).

Лотоцкій Инатій, священникъ. Винница—Брацловскій женскій монастырь и его святыни. Немировъ, 1900, in 8°, 1—62 (съ 6 фототипіями). Цѣна 75 коп.

Majewski Erazm. Rodzina Krukòw (Corvinae) w mowie, pojęciach i praktykach ludu polskiego (odbitka z XIV tomu' «Wisły».) Warszawa, 1900.

Мох Рудольф. Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драматични сцены зъ панщизняныхъ часовъ. Друге поправлене выдане зъ житеписомъ автора. Львовъ, накладомъ А. Хойнацкого. 1900, стр. XVI+120, in 16°. Ціна 70 сот.

Ожеговъ М. Казачка. Пѣсенникъ. Изд. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. В. Кона и Одерфельда въ гор. Ченстоховѣ. 12 д., стр. 108. Ц. 20 к.

Перебендя. Острожница и «Хто винен» — картина К. Зоряна. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого, in 8°, стр. 31. Ціна 30 сот.

Перетцъ В. Н. Къ исторіи кіево-могилянской коллегіи. Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу (От. изъ 1 в. XIV кн. «Чтеній въ истор. общ. Нест. Лѣтоп.») Кіевъ, тип. Т. Мейнандера, 8 д., 19 стр.

Перетцъ, В. Н. и А. И. Соболевскій. Западное вліяніе на литературу московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Спб. 1899). Рецензія. (Отд. отт. изъ Извѣст. отд. рус. яз. и словес. Имп. акад. наукъ. Т. IV (1899), кн. 4). Спб. 1900. Тип. акад. наукъ. 8 д., 7 стр.

Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ;—ихъ возникновеніе и средства содержанія (приложеніе къ циркуляру по Управленію кіевск. учебн. округ. за 1900 годъ). Кіевъ, 1900, in 8, 1—175.

Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена. Зладив др. Фр. Стефчик, управитель бюра Патронату для спілок ощадности і позичок при Віділі краевім у Львові. Львів, 1900. Накладом Виділу краевого Королівства Галичини і Володимирні з Вел. Княз. Краковськім у Львові.—З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 322, in 8°.

Письма А. А. Безбородка къ графу П. А. Румянцову 1775—1793. Изданы съ предисловіемъ и примѣчаніями П. М. Майкова. Спб. 1900. Тип. М. Стасюлевича, 8 д., 154 стр.

Профессоръ Николай Ѳедоровичъ Сумцовъ. (По поводу двадцатипятилѣтія ученo-педагогической дѣятельности его). Харьковъ, 1900, in 16°, 1—15.

Равинъ А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи. 1638. Съ рисунками. Изд. 4-е книгопр. М. Клюкина. Москва, 1900 г., тип. Вильде 8 д., 80 стр. ц. 40 коп.

Ремезовъ, М. Разсказы изъ русской исторіи. Начало удѣловъ на Руси. Съ 9-ю рисунками («Библіотека Дѣтскаго Чтенія»). Москва, 1900 г. Тип. А. Васильева, 8 д., стр. 32. Цѣна 10 к.

Rachunkowość w gminach wiejskich. Podręcznik o prowadzeniu ksiąg i rachunków gminnych wraz z wzorami przepisanych druków. Зложив Віктор Кробіцкий. Львів, 1900. Ціна 1 корона.

Романовъ Василій, свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полтава, 1900, 8 д., 35. стр.

Салтыкова М. Н. Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакціей Х. Алчевской (Изъ журн. «Русская Школа» за 1897 и 1898 г.) Москва, 1900. Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 8 д., 321+II стр.

Самостойна Украина. Вôдповѣдь Романа Стефановича на статью п. з. «Украінська держава», помѣщену въ 67 ч. «Буковина». Львôвъ, 1900. Накладом В. Будзиновского. З друкарнѣ Ставропигійского института. Ст. 28, in 12. Ціна 10 сот.

Слôво абъ проклятой гарэлцы абъ жыцьци и смѣрци пѣяницы. Добраму бѣлорускаму народу, на покрапленья яго душы и рôзуму, разказау прыяцяль яго попячицяль трэзвасьци *А. І.* Друковàна у Пицярбурху 1900 року. Тип. г. Бернштейна, 8 д., 9 стр. (1600 экз).

Соловьевъ В. Великій князь Ярославъ 1-й. Съ рисунками. Изд. 3-е Н. Аскарханова. Спб., тип. Столичная, 12 д., 16 стр., ц. 5 коп.

Стороженко Н. И. Новые матеріалы для біографіи Шевченка. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»), Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 14, выпускъ II. Изданъ подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1900, 41—61; 45—58; 73—123; 29—90; 3—33. Содержаніе: Археологическая находка въ с. Ласковѣ, Влад. Вол. у., въ 1610 г.—*Е. И. Де-Витте*; Старинные польско-русскіе календари—*А. М. Лазаревскаго*; Матеріалы по исторіи землевладѣнія князей Вишневецкихъ въ Лѣвобережной Украинѣ, №№ I—III,—*Ѳ. Д. Николайчика*; Славяно-русская выставка въ С.-Петербургѣ въ январѣ 1900 г. —*И. М. Каманина* и друг.

Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові, 1900, май—серпень. Ч. 3.

Шевченко Т. Г. Пѣсни и думы кобзаря. Въ пер. И. Бѣлоусова. Москва, 1900. Тип. т—ва Владиміръ Чичеринъ. 8 д., 43+1 стр. Ц. 20 коп.

Эварницкій. Д. И. Исторія запорожскихъ козаковъ. Томъ I. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1900 г. Тип. Е. Гербекъ., 8 д., 688 стр. Ц. 4 р.

Jajko wielkanocne. Варшава. Тип. Лепперта, in 16, стр. 39.

Ясинскій М. Н. Къ исторіи апелляціонныхъ судовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго воеводства въ послѣдней четверти XVI в. (Съ приложеніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи луцкаго трибунала.) (Отт. изъ 1 в. XIV кн. «Чтенія въ Истор. Общ. Нест. Лѣтоп.) Кіевъ, 1899—1900. Тип. Г. Мейнандера, in 8°, 72+34 стр.

Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали? Львів, 1900. Накладом товариства «Народна Рада». З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 18, in 12°. Ціна 10 сот.

Яновская Л. Идеальный батько. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Яцків Михайло. В царстві Сатани. Іронічно-сентиментальні картини (Бібліотека «Укр.-руської Видавничої Спілки.» Ч. 21). Накладомъ укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 112, мал. 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1. Осіння неділя в косарні. 2. Погонич і коняка. 3. Собака. 4. Недоумна. 5. Затроена шпилька. 6. Що ж робити. 7. Весняний захват. 8. Поганство юрби. 9. З циклю вічних поезий. 10. Готуріди. 11. Білі вівці. 12. Diva. 13. У наймах. 14. Нухим. 15. Посуди.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

10 октября с. г. состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно было спеціально посвящено докладамъ лицъ, совершившихъ по порученію комитета раскопки и различнаго рода археологическія экскурсіи.

Въ началѣ засѣданія проф. Д. И. Багалѣй сказалъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося проф. харьковскаго университета, члена комитета, *Ю. И. Морозова*. «Признательная память о немъ, по словамъ Д. И. Багалѣя, должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготовляетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ не мало потрудился на пользу археологіи Харьковскаго края; можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ». Ю. И. Морозовъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южно-русской старины; долгіе годы онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Харьковѣ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія, собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ университета, а другая передается нашему предварительному комитету его вдовой. Изъ научныхъ археологическихъ трудовъ покойнаго выдающійся—*О городищахъ Харьковской губерніи.* («Х. В.», 1881 № 43, 45). Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его

трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаетъ перечень харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосвященнаго Филарета, причемъ пополняетъ этотъ списокъ Сѣверскимъ городищамъ и даетъ болѣе подробное описаніе двухъ, ближайшихъ къ Харькову—Хорошевскаго и Донецкаго, на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Нельзя не привести здѣсь окончанія статьи проф. Морозова:

«...Что пропало, то пропало (говорятъ малороссы)—не будемъ завистливы: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ не расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! не будемъ также равнодушны къ нашимъ древнеисторическимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при харьковскомъ университетѣ».

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами своихъ поѣздокъ въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣленій предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. По наблюденіямъ докладчика, екатеринодарское и новочеркасское отдѣленія комитета осуществятъ предложенныя имъ задачи (собраніе археологическаго матеріала по программамъ, собираніе предметовъ—для выставки, археологическія раскопки и др. экскурсіи), въ томъ числѣ составятъ и археологическія карты Кубанской и Донской областей, изъ коихъ—первая уже почти закончена г. Фелицынымъ, а вторая подготовляется г. Сулимой. При посѣщеніи проф. Багалѣемъ въ Сумахъ П. И. Харитоненка, послѣдній подтвердилъ ранѣе данное обѣщаніе—принять на себя всѣ расходы по раскопкамъ, которыя будутъ произведены въ его имѣніяхъ Харьковской губ.

Проф. *М. Г. Халанскій* доложилъ о результатахъ своей научной поѣздки въ Курскую губ. М. Г. Халанскій посѣтилъ г. Путивль и нѣкоторые села Путивльскаго уѣзда, затѣмъ нѣкоторые села Курскаго уѣзда, съ цѣлью изученія, такъ называемыхъ, саяновъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ посѣщено село Красная Поляна—съ цѣлью изученія преданій о битвѣ русскихъ съ татарами на красно-полянской равнинѣ и памятниковъ этой битвы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ прослѣжена бѣлгородская черта укрѣпленій и осмотрѣны древности села Болховца, прежде города Болховца.

Въ г. Путивлѣ вниманіе проф. Халанскаго привлекъ, такъ называемый, «городокъ», кремль стараго Путивля. Здѣсь осмотрѣнъ имъ надгробный камень съ именемъ князя Василія и возвышеніе изъ му-

сора, прикрывающее собою основаніе стариннаго храма. Собраны свѣдѣнія отъ старожиловъ о находкахъ на городкѣ. Изъ храмовъ г. Путивля, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ, особенно много предметовъ хранитъ Молченскій монастырь. Въ немъ имѣются пожертвованія русскихъ царей и царицъ. Любопытны также памятники эпохи самозванца: тронъ самозванца, икона Жировицкой Божьей Матери и др.

Осмотрѣны также древности Преображенскаго собора XV—XVI вв. церквей Николаевской и Воскресенской XVII в.

Самой замѣчательной сокровищницей города Путивля является библіотека изъ старо-печатныхъ изданій, находящаяся при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова. Здѣсь собраны первопечатныя изданія московскія и львовскія, затѣмъ многія книги, изданныя въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и др.

Изученіе преданій села Красной Поляны, связанныхъ съ такъ называемымъ «голубцомъ», поставленнымъ недалеко отъ Муравской дороги, привело профессора Халанскаго къ выводу, что здѣсь была дѣйствительно битва русскихъ съ татарами, но не въ древнее время, а въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ сраженіи, окончившимся побѣдой курскаго воеводы и отнятіемъ полона, набраннаго татарами подъ Ливнами, Ельцомъ и другими городами, есть извѣстіе въ мѣстныхъ курскихъ лѣтописяхъ.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ профессоръ Халанскій имѣлъ въ виду выяснить направленіе старой бѣлгородской черты укрѣпленій. Ему удалось достать матеріалъ для полнаго отвѣта на вопросъ, поставленный г. Иловайскимъ: бѣлгородская, называемая здѣсь «татарской», граница направлялась въ одну сторону отъ Бѣлгорода—на Болховецъ, Кульбаки, Карповъ, Гутово, Ракитное и Суджу, а въ другую сторону на Старый Городъ, Игуменку, Нежигель или Нежигольскъ, Бекарюково, Сурково, Новый Осколъ.

Изъ старинныхъ поселеній на бѣлгородской чертѣ укрѣпленій профессоръ Халанскій посѣтилъ село, прежде городъ, Болоховецъ и осмотрѣлъ церковные и книжные памятники древности, находящіеся въ церквахъ Болховца.

Изслѣдованіе говоровъ Курской губерніи привело проф. Халанскаго къ установленію слѣдующихъ группъ: а) великорусскіе и в) малорусскіе. Великорусскіе говоры распадаются на двѣ большія группы: а) «егуны» и в) «евуны». Въ группѣ «евуновъ» наблюдаются еще два или три частныя подраздѣленія. «Егуны», т. е. употребляющіе

форму «его» или «яго» вмѣсто «ево», а въ мѣстѣ съ тѣкъ и оканчивающіе имена прилагательныя на «аго» въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, повидимому, встарину принадлежали къ литовско-русскому государству; «евуны» относились къ московскому государству. Такимъ образомъ, въ раздѣленіи старинныхъ русскихъ областей на московскія и литовско-русскія, повидимому этнографическія и діалектическія различія играли извѣстную роль.

Прочитанъ былъ отчетъ г-жи *Е. Н. Мельникъ*, которая по порученію комитета производила раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ теченіи іюля. Ею раскопано 11 кургановъ въ четырехъ могильникахъ, расположенныхъ у г. Купянска и деревни Воронцовки. Всѣ изслѣдованные курганы, по мнѣнію г-жи Мельникъ, относятся къ концу каменнаго вѣка; только одинъ заключалъ погребеніе варварскаго характера. Они представляютъ весьма значительнаго объема насыпи, покрывающія коллективныя могилы, по нѣсколько въ каждомъ курганѣ. Скелеты въ скорченномъ положеніи сопровождались глиняными орнаментированными сосудами и красною краскою въ большомъ количествѣ.

Е. П. Трифильевъ, участвовавшій вмѣстѣ съ г-жей Мельникъ въ указанныхъ раскопкахъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ раскопокъ и о предметахъ, найденныхъ при этомъ. Всѣ раскопанные курганы, по словамъ докладчика, представляютъ могилы съ большимъ или меньшимъ количествомъ скелетовъ въ каждомъ, отъ одного до двухъ. Большинство скелетовъ съ поджатыми къ животу ногами, съ прижатыми къ груди и сцѣпленными у рта руками. Черепа почти во всѣхъ случаяхъ—долгіе, съ сильно развитыми надбровными дугами, съ очень низкимъ лбомъ. Во всѣхъ могилахъ были найдены куски угля то разбросанные, то въ видѣ круговъ съ остатками въ серединѣ сгнившаго уже дерева, причемъ ясно видно, что это были колья, предназначенные для поддержанія крыши склепа. Погребеніе сопровождалось большею частью помѣщеніемъ возлѣ покойника, у головы, живота, въ ногахъ, отъ одного до четырехъ глиняныхъ сосудовъ. Покойниковъ погребали или просто въ ямахъ на подпочвѣ съ подстилкой изъ золы, или строили для этого деревянный склепъ. Краска находится то подъ головой, то у тазовыхъ костей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются всѣ кости окрашенными. На основаніи добытыхъ данныхъ, по мнѣнію докладчика, можно раскопанные курганы ввести въ общую классификацію типовъ погребенія, которую даетъ

профессоръ В. Б. Антоновичъ для кургановъ Кіевской губерніи, именно, отнести къ послѣднему типу погребенія каменнаго періода.

Въ курганѣ, раскопанномъ у Сватовой-Лучки Е. П. Трифильевымъ, у черепа найдено двѣ бронзовыхъ вещи.

Н. А. Федоровскій представилъ въ своемъ докладѣ отчетъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи въ археологическомъ отношеніи мѣстности около Райгородки, Изюмскаго уѣзда. Обслѣдованіе этой мѣстности показываетъ, что она въ смыслѣ существованія городищъ въ настоящее время не представляетъ интереса и въ этомъ отношеніи почти не даетъ археологическаго матеріала. Но подпочвенные пески окрестностей Райгородки заключаютъ нѣкоторый матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о жизни здѣсь доисторическаго человѣка, каменнаго вѣка или, вѣрнѣе, переходной эпохи. Райгородка стоитъ, однако, въ этомъ отношеніи не единственной. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ и литературнымъ даннымъ, и въ другихъ пунктахъ Изюмскаго, Старобѣльскаго и Купянскаго уѣздовъ по Донцу и его притокамъ, находятся признаки стоянокъ каменнаго вѣка въ видѣ оббитыхъ кремней и глиняныхъ черепковъ.

А. М. Покровскій доложилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ селѣ Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда. Референтомъ раскопано было четыре кургана; первые три кургана дали вещи совершенно аналогичныя: грубую глиняную посуду, сдѣланную безъ круга, покрытую узорами, кремневые осколки и кремневыя орудія. Въ третьемъ курганѣ было два слоя погребеній; въ первомъ, не глубоко отъ поверхности — скелеты лежали на боку съ подогнутыми ногами и пригнутыми руками къ туловищу; скелеты были, повидимому, обожжены; второй слой былъ ниже насыпи кургана; тутъ были у покойниковъ крашеные костяки; они лежали на спинѣ, руки сложены на животѣ и ноги подогнуты; густо были окрашены голова и конечности— кисти рукъ и ступни. Всѣ три кургана докладчикъ относитъ къ каменному періоду. Четвертый курганъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ другому типу погребеній, но онъ былъ уже кѣмъ-то нарушенъ: всѣ кости въ полномъ безпорядкѣ.

Проф. *Л. Ю. Шепелевичъ* познакомилъ съ результатами своихъ раскопокъ въ окрестностяхъ г. Невеля, Витебской губ. Имъ раскопано 55 кургановъ, давшихъ довольно большое количество памятниковъ, весьма важныхъ для изученія культуры древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Результаты этихъ раскопокъ тѣмъ цѣннѣе, что

Невельскій уѣздъ почти не подвергался археологическому изслѣдованію. Кромѣ кургановъ, проф. Шепелевичемъ изслѣдовано нѣсколько городищъ и добыто нѣсколько цѣнныхъ вещей.

Всѣми докладчиками демонстрированы были добытыя, наиболѣе интересныя, вещи. По предложенію г. предсѣдателя, отъ лица комитета была выражена имъ глубокая благодарность за труды и дано порученіе будущимъ лѣтомъ продолжать свои раскопки и изслѣдованія въ тѣхъ-же мѣстахъ, въ которыхъ производились настоящимъ лѣтомъ. Кромѣ того, приняты предложенія М. Г. Халанскаго: произвести раскопки старинnаго храма на «городкѣ» стараго Путивля, обратиться съ просьбой къ духовному начальству о предоставленіи на археологическую выставку при съѣздѣ нѣкоторыхъ предметовъ, хранящихся въ церковныхъ ризницахъ и складахъ безъ употребленія, и особенно старопечатныхъ книгъ, (предположеніе и о. І. Филевскаго) и объ изысканіи средствъ и способовъ къ полученію библіотеки старопечатныхъ книгъ, находящейся въ г. Путивлѣ при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова.

Отчеты другихъ членовъ комитета, совершившихъ научныя экскурсіи, будутъ доложены въ слѣдующемъ ближайшемъ засѣданіи Выбрана единогласно въ члены комитета г-жа Радакова.

Въ полное распоряженіе комитета и для археологической выставки поступили различные памятники, предметы старины: писанки (отъ учительницы Е. С. Карповой), русскія старинныя монеты (отъ В. И. Николаева), старинныя карты Африки, Америки и Австраліи (отъ г-жи Ю. Лобковской), писанки (отъ студента В. М. Бойкова), иконы св. Митрофанія и Великомученицы Варвары (отъ п. Чудного), три иконы (отъ г-жи К. С. Ткаченко), бронзовые и желѣзные предметы (отъ И. В. Голоперова); вновь монеты (отъ Т. В. Проскурникова), синодикъ XVIII вѣка, мѣдныя иконы, указъ отъ 1794 года (отъ священника отца Сагарды-Николенко), фотографіи съ нѣкоторыхъ иконостасовъ церквей (отъ о. І. Филевскаго), монеты (отъ А. В. Ветухова). Комитетъ приноситъ всѣмъ этимъ лицамъ, а также г-жѣ Н. Л. Морозовой, глубокую благодарность. («Южн. Край»).

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки могильника у с. Нежиловичъ, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Раскопки произведены въ сентябрѣ н. г. М. К. Якимовичемъ. Въ полуверстѣ отъ с. Нежиловичъ, съ с.-западной стороны, надъ дорогой въ д. Комаровку, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ расположенъ могильникъ, состоящій изъ 14-ти невдалекѣ другъ отъ друга разбросанныхъ кургановъ. Мѣстность, на которой расположенъ могильникъ, песчаная и еще недавно была покрыта лѣсомъ, слѣды котораго остались на нѣкоторыхъ курганахъ, въ видѣ нѣсколькихъ вѣковыхъ деревьевъ; благодаря лѣсу курганы остались нераспаханными и отчасти сохранили свою первоначальную форму; но, по разсказамъ старожиловъ с. Нежиловичъ, лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые курганы были раскапываемы однимъ изъ управляющихъ графа Браницкаго, владѣльца с. Нежиловичъ, какъ видно, съ цѣлію найти кладъ. Послѣднее обстоятельсво вполнѣ подтверждается какъ внѣшностью нѣкоторыхъ кургановъ, такъ и безпорядкомъ внутри послѣднихъ, что обнаружено при настоящихъ раскопкахъ.

По характеру насыпей, въ могильникѣ можно различить два типа кургановъ.

Курганы перваго типа (ихъ всего 6) имѣютъ видъ расплывшихся конусовъ, достигающихъ до 1,5 метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 34 метр., и обведены болѣе или менѣе глубокими рвами, прерванными по большей части въ трехъ мѣстахъ мостками, соединяющими внѣшній берегъ рва съ насыпью; изъ этихъ рвовъ и бралась земля для образованія насыпей. Курганы этого типа содержатъ погребенія безъ сожженія.

Вскрытіе всѣхъ кургановъ этого типа дало слѣдующіе результаты:

1-ый курганъ. Подъ песчаной насыпью въ 1 метръ, считая отъ вершины кургана, на одномъ уровнѣ съ окружающей почвой, лежалъ скелетъ, очень плохо сохранившійся, въ вытянутомъ положеніи, головою на западъ. Въ области таза найдена бронзовая, круглой формы, пряжка, снабженная поперечной иглой. Въ насыпи, надъ скелетомъ, найдена часть глинянаго сосудика, изготовленнаго на кругѣ и украшеннаго волнистымъ орнаментомъ; форма сосуда напоминаетъ и нынѣ употребляемые поваренные горшечки.

2-ой курганъ. При тѣхъ-же обстоятельствахъ, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, обнаруженъ скелетъ, повидимому, женщины, такъ какъ у шейныхъ позвонковъ и въ области груди найдена масса стеклянныхъ, разной формы и цвѣтовъ, (посеребренныхъ, позолоченныхъ, инкрустированныхъ) буссъ, четыре сердоликовыя буссы и одна бронзовая привѣска въ видѣ лунницы; у праваго плеча найдено проволочное серебряное неспаянное кольцо, діаметромъ въ $2^1/_2$ сант., а у правой руки—такія-же два кольца, діаметромъ въ 2 сант. каждое; съ лѣвой стороны скелета, возлѣ таза, найдены двѣ лунницы, тождественныя первой, нѣсколько стеклянныхъ буссъ, части бронзоваго, сильно окислившагося, предмета, неопредѣленнаго назначенія и, какъ бы, части истлѣвшаго деревяннаго гребешка, окованнаго бронзовыми пластинками.

3-й курганъ. Подъ песчаной насыпью, въ 1,15 метр., лежалъ скелетъ въ такомъ какъ и въ предыдущихъ курганахъ положеніи, но сравнительно лучше сохранившійся, вслѣдствіе чего было возможно измѣрить его длину, каковая оказалась равной 1,7 метр.; черепъ, по строенію, можетъ быть отнесенъ къ разряду мезоцефаловъ. У лѣваго бока этого скелета находился желѣзный, сильно заржавѣвшій, ножъ, длиной въ 15 сант., имѣющій форму узкой полоски (1 сант. ширины), съ одной стороны отточенной и къ концу съуживающейся; у ножа сохранялись остатки истлѣвшей деревянной рукоятки. Съ правой стороны скелета, прикасаясь обухомъ къ колѣну, лежалъ желѣзный заржавѣвшій топоръ, съ сильно вытянутымъ полукруглымъ лезвеемъ; съ этой-же стороны, около руки, лежала серебряная семилучистая серьга (московскаго типа), съ шариками на концахъ лопастей; между колѣнъ найдена бронзовая, сильно окислившаяся, пряжка.

4-ый курганъ. Курганъ оказался поврежденнымъ кладоискательскими раскопками; лишь восточная часть кургана оказались нетронутой, такъ какъ находившіяся здѣсь конечности ногъ лежали въ такомъ-же направленіи и на томъ-же уровнѣ, какъ и въ предыдущихъ курганахъ. У извлеченной изъ этого кургана части черепа, съ правой стороны, найдены куски четырехъ семилучистыхъ серегъ; благодаря окиси, у этихъ серегъ сохранились пряди черныхъ волосъ, заключенныя между этими подвѣсками.

5-й и 6-й курганы. И эти курганы оказались поврежденными. Удалось лишь извлечь изъ кургана № 5 черепъ, ничѣмъ не разнящійся отъ обнаруженнаго въ курганѣ № 3.

Курганы второго типа (8) имѣютъ форму бугровъ, достигающихъ $^1/_2$ метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 30 метр.; окружныхъ рвовъ нѣтъ. Почти всѣ этого типа курганы имѣютъ въ центрѣ небольшія углубленія, повидимому, признакъ прежней ихъ раскопки. По изслѣдованіи трехъ изъ нихъ, оказалось, что подъ насыпью, на одномъ уровнѣ съ окружающей почвой, въ южной части, ближе къ краямъ, лежало по четыре обугленныхъ дубовыхъ бревна, причемъ, два изъ нихъ, достигая почти 2-хъ метровъ длины, лежали параллельно, въ разстояніи $^1/_2$ метр., одно отъ другого по направленію съ запада на востокъ, два-же остальныхъ бревна соединяли съ обѣихъ концовъ предыдущія, образуя такимъ образомъ четыреугольники. Между этими бревнами попадалось незначительное количество угля, пережженныхъ-же костей или какихъ-либо предметовъ не обнаружено.

—

Въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ. *М. К. Якимовичемъ* и въ теченіи истекшаго лѣта продолжались изслѣдованія *дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка* (о прежнихъ изслѣдованіяхъ см. «Лѣтопись», май н. г.). При впаденіи р. Уши въ Припять, возлѣ с. Яновки, около урочища Козій Скокъ, открыта новая стоянка, давшая тѣ-же находки, что и предыдущія; здѣсь интересны находки кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ прямой острой стороной и съ полукруглымъ тупымъ основаніемъ. Слѣды такой-же стоянки замѣчены и у с. Гриней.

—

Истекшимъ лѣтомъ *И. П. Закревскимъ* было раскопано около десяти кургановъ могильника, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ с. Березовая Рудка, Пирятинскаго у. Полтавской губ. Могильникъ заключаетъ около 120-ти невысокихъ насыпей, расположенъ на берегу р. Переводъ. Въ раскопанныхъ курганахъ оказались погребенія какъ на поверхности почвы, такъ и въ материкѣ; въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчено по нѣсколько погребеній. Покойники клались головой на западъ, помѣщались въ гробахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями. Изъ предметовъ найдены кольца и буссы. Могильникъ несомнѣнно славянскій.

—

Случайныя находки.

На горѣ Нетеребкѣ, расположенной рядомъ съ Княжей горой (у с. Пекарей, Черкасскаго у. Кіевск. г.), истекшимъ лѣтомъ найдена превосходной сохранности каменная рѣзная иконка XI—XII в. Высота ея 4,6 стм., ширина—3 стм., верхняя часть сведена полукругомъ. Рѣзныя (высокимъ рельефомъ) изображенія помѣщены на обѣихъ сторонахъ; по краямъ иконки оставлены ободки. На одной сторонѣ находится болѣе чѣмъ нагрудное изображеніе св. Николая, по бокамъ головы котораго выгравирована вглубь надпись N H (K) O | Л A. На другой сторонѣ—двѣ фигуры святыхъ во весь ростъ, съ крестами въ правыхъ рукахъ, надписей незамѣтно. Рѣзьба отличается замѣчательной тонкостью, особенно отчетливо отдѣланы складки на одеждахъ двухъ святыхъ; вообще, настоящая иконка можетъ бить отнесена къ числу перворазрядныхъ образцовъ древнерусскаго рѣзного искусства. (Поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

—

Въ то-же собраніе Б. И. Ханенко поступила другая иконка, найденная на Княжей горѣ. Иконка изъ обожженной глины, четыреугольной формы ($6^1/_2 \times 5^1/_2$ стм.). На ней рельефомъ исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой держащаго крестъ, поднимающійся выше плеча. Работа иконки очень груба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характерна для русскихъ произведеній этого рода нашего княжескаго періода.

—

Въ Смѣлянское собраніе древностей графа А. А. Бобринскаго недавно поступилъ очень рѣдкій образецъ древняго ювелирнаго искусства. Это золотой, полый внутри, браслетъ, украшенный тончайшей византійской перегородочной эмалью разныхъ цвѣтовъ. Браслетъ найденъ гдѣ-то въ окрестностяхъ м. Мошенъ, Черкасск. у., Кіевской губ. и долго провалялся у находчика—крестьянина, не придававшаго никакого значенія и цѣны этой находкѣ. Одинъ изъ скупщиковъ—крестьянъ пріобрѣлъ его у находчика за... 5 коп. и продалъ затѣмъ гр. Бобринскому за солидную сумму. Неудивительно послѣ этого, что среди крестьянъ Каневскаго и Черкасскаго уу. скупка и торговля древностями превратилась въ промыселъ.

—

Близъ с. Салькова, Переяславскаго у. Полтавской губ., въ 3-хъ верстахъ отъ Днѣпра, при паханіи поля, найденъ сосудъ, 3 вершка высотой, украшенный примитивнымъ орнаментомъ изъ полукруглыхъ и косыхъ насѣчекъ. Сосудъ приготовленъ безъ гончарнаго круга и относится, повидимому, къ каменному вѣку. Вообще на полях с. Салькова встрѣчается масса грубыхъ черепковъ, что указываетъ на вѣроятное присутствіе въ данномъ мѣстѣ стоянки.

Возлѣ того-же села, на пескахъ, найдено около 15-ти серебряныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV вѣка.

Всѣ эти находки поступили къ Б. К. Жуку, живо интересующемуся мѣстными памятниками старины и собирающему о нихъ свѣдѣнія.

—

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Реальнаго училища (на Михайловской площади), при производствѣ земляныхъ работъ для расширенія зданія училища, найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ великокняжеской эпохѣ; именно: сосудъ, двѣ серебряныя монетныя гривны и обломокъ витого браслета.

—

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Покровскаго женскаго монастыря, при земляныхъ работахъ, на глубинѣ приблизительно 2-хъ аршинъ, открыто кирпичное сооруженіе въ видѣ погреба со сводчатымъ потолкомъ, длиной 3 сажня, шириной нѣсколько менѣе. Въ данной мѣстности при Петрѣ I, а затѣмъ, въ 1732—37 годахъ, Минихомъ были устроены земляныя укрѣпленія («ретраншаменты»)—вѣроятно и открытый погребъ представляетъ изъ себя одно изъ крѣпостныхъ сооруженій этого періода.

Разныя извѣстія.

XII-ый международный съѣздъ доисторической антропологіи и археологіи. Съѣздъ происходилъ въ Парижѣ, съ 20 по 25 августа. Кромѣ делегатовъ отъ разныхъ государствъ, ученыхъ институцій и обществъ, на съѣздѣ присутствовали также многочисленные ученые изъ Франціи и со всѣхъ странъ свѣта. Делегатомъ отъ Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ состоялъ Хв. Вовкъ. Рефератовъ

предложенныхъ присутствующими членами и присланныхъ, было такъ много, что большую часть ихъ пришлось докладывать лишь въ сокращеніи. Читались они въ хронологическомъ порядкѣ, соотвѣтственно содержанію и согласно программѣ, выработанной бюро съѣзда: сначала рефераты, касающіеся палеолита, затѣмъ неолита, переходной эпохи, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Рефератовъ, трактующихъ южно-русскія древности, было два: проф. Грушевскаго—Похоронное поле въ с. Чехахъ (объ этомъ рефератѣ см. «Лѣтопись», мартъ н. г.) и Хв. Вовка—О до-микенской индустріи въ неолитическихъ находкахъ на Украинѣ. Послѣдній докладъ заключалъ въ себѣ обзоръ трипольскихъ и другихъ развѣдокъ гг. Хвойки, Бѣляшевскаго и Доманицкаго. Давъ описаніе находокъ, референтъ высказалъ предположеніе, что если найденныя глиняныя сооруженія и представляютъ изъ себя остатки жилищъ (мнѣнія гг. Хвойки и Бѣляшевскаго), то, во всякомъ случаѣ, извѣстная часть ихъ могла быть гончарными печами и мѣстами сожженія покойниковъ.

Представивъ затѣмъ членамъ съѣзда многочисленные рисунки и фотографіи различныхъ найденныхъ предметовъ (сосудовъ и глиняныхъ статуэтокъ), характерныя особенности которыхъ сближаютъ ихъ съ т. н. до-микенской культурой, референтъ перешелъ къ сравненію украинскихъ находокъ съ подобнаго-же рода находками въ Малой Азіи (болѣе всего въ Каппадокіи), въ Галичинѣ (въ Золотомъ Бильчи), въ Буковинѣ, въ Кукутени, въ Угорщинѣ, въ Бутмирѣ, въ Чехіи и въ Моравіи. Сравненіе находокъ, по мнѣнію Хв. Вовка, хотя и обнаруживаетъ большое схоество между ними, но не даетъ возможности считать возникновеніе данныхъ сооруженій результатомъ миграціи какого-нибудь одного племени или народа, миграціи, шедшей съ востока на западъ, скорѣе, остатки этой культуры были занесены въ различныя части Западной Европы независимо одна отъ другой. Обративъ вниманіе на то, что всѣ эти находки обнаружены по берегамъ или большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, или ихъ притоковъ: Днѣпра (Бобрицы и Роси), Буга (Гнилой Тыкичъ), Днѣстра (Збручъ) и Дуная (Прутъ, Сава, Морава), референтъ останавливается на мысли, что распространеніе этой культуры шло въ среднюю Европу водянымъ путемъ черезъ Черное море и впадающія въ него большія рѣки. Упомянувъ затѣмъ о теоріи д-ра М. Гернеса о восточномъ происхожденіи европейской куль-

туры, докладчикъ заявилъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ этой теоріи. («Літерат.-Науков. Вістник»).

—

На уничтоженіе остатковъ старины въ г. Переяславѣ, Полтавской губ., обращаетъ вниманіе корреспондентъ «Кіевлянина» въ № 266 этой газеты. «До настоящаго времени, говоритъ корреспондентъ, въ Переяславѣ сохранились слѣдующіе остатки прежнихъ укрѣпленій: во-первыхъ, громадный валъ, съ обширнымъ наружнымъ рвомъ, тянущійся отъ лѣваго берега Альты до праваго берега Трубежа, и во вторыхъ, незначительныя части валовъ, сконцентрированныя въ районѣ, прилегающемъ къ соборной Успенской церкви. И тѣ, и другіе обломки сѣдой старины мало возбуждаютъ интереса въ средѣ мѣстныхъ обывателей». Остатки валовъ у собора составляютъ части древняго переяславскаго дѣтинца. «Отъ валовъ послѣдняго уцѣлѣли лишь небольшія частицы. Но и теперь лежащій съ юго-западной стороны соборнаго погоста валъ имѣетъ въ ширину сажени 3—4, при высотѣ до 2 саж. И этимъ драгоцѣннымъ памятникамъ старины грозитъ опасность полнаго уничтоженія: въ іюлѣ нынѣшняго года причтъ соборной церкви постановилъ «расчистить валъ, находя, что онъ, не представляя ничего особеннаго въ историческомъ отношеніи, приноситъ собору только вредъ». Грустно подумать, что это постановленіе можетъ быть приведено въ исполненіе, и тогда посѣтителю древнѣйшей части Переяслава ничто уже не будетъ говорить о былыхъ временахъ этого города, на престолѣ котораго когда-то возсѣдалъ Владиміръ Мономахъ. Мы думаемъ, что Императорская археологическая комиссія, на обязанности которой прежде всего лежитъ охраненіе отъ разрушеній памятниковъ старины, не позволитъ исчезнуть съ лица земли остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій 1000-лѣтняго Переяслава».

—

Московскимъ археологическимъ обществомъ выработанъ проектъ правилъ, запрещающихъ вывозъ за границу древнихъ русскихъ предметовъ; кромѣ того, въ виду все усиливающихся раскопокъ, производящихся иностранцами, предполагается воспретить послѣднимъ производить эти раскопки въ Россіи. («Нов. Дня»).

—

Въ настоящее время въ Министерствѣ Юстиціи обсуждается вопросъ о денежномъ пособіи провинціальнымъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Это давно наболѣвшій вопросъ, на который много разъ было обращаемо вниманіе, главнымъ образомъ, на археологическихъ съѣздахъ.

видання не могли-би бити волними; надто уволняемъ отъ всякого жнива, кошеня и воженя сѣна на потребу войсковую и нашу, одъ податковъ, кромѣ мѣсячного на компанцовъ (компанейцовъ?) даючогося и отъ иншихъ всѣхъ, людемъ посполитимъ звичайнихъ тяглостей; мѣютъ еднакъ они и повинни будутъ ремесломъ своимъ войсковую, т. е. когда колвекъ указоватиметъ потреба на войско пѣхотное робити барву и до двора нашого, по древнему обыкновенію, щоколвекъ будетъ на челядь шити или направовать потребно отбувати повинность; поборы тежъ саміе тилко цеховіе и податки ведлугъ давного звичаю знати и тими зъ цехомъ, а не съ посполитими людми, общой городовой потребы бити прикладними..." Въ „листахъ" тому же кравецкому цеху полковниковъ Носа и Галагана—заключается лишь подтвержденіе правъ, указанныхъ Горленкомъ.

Калачницкій цехъ установленъ былъ впервые при Галаганѣ, и въ „листѣ" послѣдняго находимъ указаніе основаній для этого установленія: „симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ донесли намъ вѣдати обыватели Прилуцкіе Филонъ Гордѣевичъ, зъ товариствомъ, же зде, въ Прилуцѣ, доселѣ цеху калачницкого нѣтъ, и того ради въ дѣлѣ калачницкомъ многіе походятъ нестроенія, зачимъ вишеписанние просили насъ, полковника, бисмо позволили имъ, яко то дѣломъ калачницкимъ бавячимся, особливій свой завести цехъ и цехмистра обрати. А такъ ми за слушность прозбу ихъ до насъ внесенную принявши... цехъ дѣла калачницкаго позволяемъ въ полковомъ нашемъ городѣ Прилуце завести... А якъ въ самомъ мѣстѣ Прилуце, такъ и по селахъ до него приналежащихъ, не повиненъ никто съ козаковъ и посполитыхъ людей безъ позволеніи цехмистрового калачовъ и бубликовъ пекти и продавати. А побори на цехъ ихъ, наложенние за ратуша мѣского Прилуцкого, повиненъ кождій подлугъ своего предложеня отдавати..."[1])

---

[1]) Приведенные полковничьи «листы» приложены были къ Румянц. Описи.

Приведенные документы не указываютъ намъ всѣхъ Прилуцкихъ цеховъ; вѣроятно ко времени составленія Румянцовской описи нѣкоторые цехи или уже разстроились или—потеряли свои документы. Изъ другихъ свѣдѣній мы знаемъ, что въ Прилукѣ въ нач. XVIII вѣка было шесть цеховъ: кравецкій, ткацкій, шевскій, бондарскій, калачницкій и рѣзницкій. По ревизской книгѣ 1729 г.—въ нихъ показано „хозяевъ“: въ кравецкомъ—62, ткацкомъ—55, шевскомъ—42, бондарскомъ—11, калачницкомъ—11 и въ рѣзницкомъ—10 (?). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—цехи въ Прилукѣ уже не указываются, а обозначаются лишь „мастеровые люди“; въ это время ихъ показано: кравцовъ—70, шевцовъ—37, кузнецовъ—23, ткачей—19. Но цеховое устройство у Прилуцкихъ ремесленниковъ существовало еще и въ 1786 г., когда Прилуку описывалъ Шафонскій; цеховъ было тогда пять: кравецкій, шевскій, ткацкій, ковальскій и рѣзницкій. [1])

Упоминаніе уже въ листѣ Вишневецкого о „канунѣ“, указываетъ, что тотъ или другой цехъ, получая извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался заботиться о благолѣпіи одной изъ церквей, причемъ образовывалъ изъ себя церковное братство. Повидимому, каждый цехъ, получивъ право на свое устройство, вмѣстѣ съ тѣмъ бралъ на себя обязанности церковнаго братства, при той или другой приходской церквѣ. Если цеха не было, то для заботы о благолѣпіи приходской церкви образовывалось самостоятельное церковное братство, на обязанности котораго главнымъ образомъ лежало устройство *кануновъ*. [2])

Населеніе Прилуки. Польское свѣдѣніе о томъ, что въ Прилукѣ въ 1604 г. было больше 600 домовъ „осады“ (с. 80)

---

[1]) Шафонскій, 518. Тутъ-же описаны цеховые «значки» и «цешки».

[2]) Объ отношеніяхъ церковныхъ братствъ къ цехамъ см. любопытный актъ 1687 г., святит. Феодосія Углицкаго—объ установленіи церковнаго братства въ м. Лѣткахъ, Остерск. уѣзда. (Кіевск. Стар. 1897 г., окт., 7). При этомъ можно вспомнить и обстоятельную монографію—о «Южнорусскихъ братствахъ» («Слово», 1880 г., №№ 9—11), въ которой, между прочимъ, выражено затрудненіе при разрѣшеніи вопроса—объ отличіи ремесленныхъ братствъ отъ церковныхъ.

невѣроятно, потому что и въ главномъ городѣ Вишневеччины—Лубнахѣ—въ 1628 г. числилось только ок. 170 домохозяевъ. Слѣдуетъ думать, что цифра польскихъ пословъ о населеніи Прилуки имѣла въ виду—усилить впечатлѣніе свѣдѣнія о степени разоренія города .. Въ томъ-же въ 1628 г., въ Прилукѣ, по тарифамъ, показано всѣхъ „дымовъ"—40; считая, что каждый „дымъ" (жилая постройка) заключалъ въ себѣ даже пять душъ, окажется, что населеніе Прилуки въ 1628 г. не превышало 200 душъ. [1]) Затѣмъ, о населеніи Прилуки во втор. четверти XVII в.—имѣется два свѣдѣнія: одно въ документѣ, напечатанномъ Шпездѣцкимъ о 366 „господаряхъ" (с. 86), а другое—въ Стокгольмскомъ документѣ—о 800 „домахъ" (с. 3). Къ сожалѣнію, происхожденіе этихъ документовъ необъяснено и оба они не имѣютъ точной даты, почему и трудно судить о ихъ достовѣрности; но быть можетъ свѣдѣніе Стокгольмскаго документа и правдоподобно, въ виду того значенія, которымъ Прилука пользовалась въ послѣдніе годы пребыванія Іереміи Вишневецкаго въ „Заднѣпріи".

За первую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за четыре момента: 1713, 1728, 1731 и 1740 гг., причемъ свѣдѣнія за первые два момента касаются, впрочемъ, одного только посполитаго населенія.

1713 г. По переписи, произведенной лѣтомъ этого года, в. тов. Степ. Тарновскимъ, въ Прилукѣ было 569 хозяевъ „посполитыхъ.

1729 г. По этой переписи въ Прилукѣ оказалось „посполитыхъ людей можныхъ—69 двор., убогихъ—479, весьма убогихъ—302 и вдовъ 53, всего 903 домохозяевъ, жившихъ въ отдѣльныхъ хатахъ. Кромѣ того, мастеровыхъ было: портныхъ—62, ткачей—55, сапожниковъ—42, бондарей—11, хлѣбниковъ—11 и мясниковъ—(?); всѣхъ мастеровыхъ было 181 домохоз. безъ мясниковъ, свѣдѣніе о числѣ которыхъ въ рукописи утратилось, но, считая, что ихъ было десять, всѣхъ домохозяевъ посполитаго званія въ Прилукѣ, значитъ, было около 1100, а считая семью

[1]) Źródła Dziejowe XX, 85 и 69

каждаго домохозяина въ три человѣка, все посполитое населеніе опредѣляется въ *3300 душъ*.

1731 г. Въ этомъ году произведена была перепись козаковъ и посполитыхъ, при чемъ въ Прилуцкомъ полку оказалось: козаковъ 86 домохозяевъ [1]) и козачьихъ подсосѣдковъ—48 домохозяевъ; а посполитыхъ „свободныхъ“—1075 и ихъ подсосѣдковъ 37 домохоз. Всѣхъ домохоз. было 1246, а душъ, считая по три на семью,—3738. Но здѣсь нѣтъ ни старшины, ни духовенства, вмѣстѣ съ которыми все населеніе приблизительно можно опредѣлить въ *3800 душъ*.

1740 г. По этой ревизіи въ Прилукѣ оказалось *свободныхъ* дворовъ—81, [2]) козаковъ: выборныхъ 25 дворовъ, 29

---

[1]) Козаки были подѣлены на четыре *куреня*: Пукасевъ, Олихвѣровъ, Кустовской и Замостскій. Городскіе козачьи курени обыкновенно назывались по имени своихъ куренныхъ атамановъ, почему и здѣсь первые два куреня назывались по имени куренныхъ атамановъ Пукася и Олихвѣра. Кустовцы и Замостье составляли предмѣстья Прилуки.

[2]) Изъ числа хозяевъ «свободныхъ» дворовъ показано: 18 священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей, «откупщикъ збору государевого» Иванъ Шнурчевскій, четыре ратушныхъ урядника, два «подрядчика Броварской почты», четыре «конюха государевыхъ кобылицъ», «стадникъ при государевыхъ кобылицахъ», «досмотрщикъ государевыхъ сѣновъ», «почтарь почты Прилуцкой», «досмотрщикъ мостовъ, гребель и гатей», бывшій войтъ Леонтій Васильевъ («за службы уволенъ полковою Прилуцкою канцеляріей отъ повинностей), «индуктарь» Тимофей Браславскій, Евстафій Евстафіевичъ—«въ отчотѣ денегъ о роздачи на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», «писаръ двору хоружого енералного», дворъ братерскій кравецкій», «дворъ братерскій шевскій», шесть домовъ, принадлежавшихъ лицамъ «подъ протекціей его высокографскаго сіятелства (Миниха?) по лѣбертаціи застающимъ», пять цехмистровъ, два церковныхъ сторожа, три домохозяина «опредѣленныхъ для вывозу изъ улицъ г. Прилуки», пять «служителей баштовыхъ», два дома старцовъ («Марія Столецковна и Галка дѣвка»), девять дворовъ принадлежавшихъ родителямъ сыновей, служившихъ въ разныхъ канцеляріяхъ («Иванъ Дрофань, сынъ его канцеляристомъ судовымъ, Иваниха Гуленкова, сынъ ея при войск. енер. к—ріи, Андрей Гуленко, Василь Соляникъ, сынъ его при ратуши»), Андрей Гуленко «при роздачи денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», четыре школы, четыре «шпиталя» и т. д.

хатъ, подмощниковъ—124 двора, 134 хаты, и козачьихъ подсосѣдковъ—105 хатъ, всего 149 дворовъ съ 163-мя хатами и бездворныхъ хатъ—105 [1]). Посполитыхъ, безъ ремесленниковъ, 257 дв., 265 хатъ; мастеровыхъ (цеховыхъ)—156 дв., 257 х., старшинской „скупли"—37 дв., 37 х., и подсосѣдковъ посполитыхъ (т. е. людей, жившихъ въ хатахъ принадлежавшихъ посполитымъ Прилуки)—26 хатъ. Всѣхъ посполитыхъ было 450 дв., 484 х. Въ числѣ послѣднихъ были какъ тѣ, которые работали на ратушу (будущіе „мѣщане"), такъ и владѣльческіе [2]). Все населеніе Прилуки, безъ жителей „свободныхъ дворовъ", заключалось въ 599 двор., 752 хатахъ. Здѣсь мы имѣемъ уже опредѣленное количество хатъ; полагая, что и семей было столько же и полагая каждую семью въ три души, все козачье населе-

---

[1]) По этой ревизіи Прилуцкіе козаки подѣлены на три курена: „Олихвѣровъ", Кустовскій и Замостскій.

[2]) Это различіе посполитыхъ указывается въ слѣдующей надписи надъ ихъ перечнемъ въ ревизской книгѣ: «Посполитые свободные, до ратуши Прилуцкой прислухаючіи, и въ смотрѣніи старшины сотенной и городовой содержачіесь». Отсюда видно, что здѣсь перечислены посполитые люди какъ ратушные, такъ и владѣльческіе. Къ послѣднимъ принадлежали 37 дворовъ «посполитыхъ скупленныхъ разными владѣльцами и на тѣхъ же грунтахъ жіючихъ» и 26 хатъ посполитск. подсосѣдковъ, «зъ работы питающихся». Общественное положеніе тѣхъ и другихъ въ ревизской книгѣ пояснено такъ: «съ оныхъ посполитыхъ въ скарбъ войсковій собирается ежегодно по 70 р., 60 коп., да осыпъ годовой (т. е. сборъ зерномъ)—овса и ячменю по 10 четвертей; и оные деньги, овесъ и ячмень отдаются сборщикамъ». А затѣмъ добавляется: «Вышеписаніе жъ свободніе, до ратуша городового Прилуцкого прислухаючіи люде—зъ владѣльческими подданными въ расположеніи для общенародныхъ повинностей и консистенской дачи (*квартирная повинность*) бываютъ въ равенствѣ; точію въ томъ не въ равенствѣ, что изъ оныхъ свободныхъ посполитыхъ, отъ 1732 г. по сей 1740 г., по универсалу покойного гетмана Апостола собирается ежегодно для заплаты таковымъ чиновникамъ, сотеннымъ служителямъ и на канцелярскіе расходы, денегъ 92 р. 84 коп., которые деньги отдаются въ Прилуцкую полковую к—рію». Слѣдуетъ думать, что эта послѣдняя денежная повинность была наложена на «свободныхъ» посполитымъ—послѣ раздачи Апостоломъ «свободныхъ» селъ старшинѣ въ ранговое пользованіе.

ніе за 1740 г. опредѣлится въ 2256 душъ. Присоединивъ сюда населеніе „свободныхъ дворовъ“ и полагая, что тутъ было 81 семья, окажется въ нихъ 284 душъ. Остается неподсчитаннымъ еще населеніе старшинскихъ дворовъ (полковника, обознаго и друг., которые сами жили большею частью въ своихъ селахъ), которое опредѣляя примѣрно въ 20 душъ, все населеніе 1731 г. Прилуки опредѣлится, приблизительно въ *2550 душъ*. Сравнивая населеніе 1731 года съ населеніемъ 1740 года, мы видимъ разительное умаленіе населенія въ средѣ посполитыхъ „свободныхъ“. Умаленіе это вполнѣ объясняется тѣми жалобами Прилуцкаго мѣскаго уряда, которыя приведены выше (с. 90) относительно тяжести повинностей, требовавшихся въ это время съ этихъ „свободныхъ“ жителей Прилуки. Послѣднимъ стало не подъ силу отбывать городскія повинности и они разбрелись по селамъ...

За вторую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за 1753 и 1781 годы.

1753 г. По ревизіи этого года въ Прилукѣ оказалось козаковъ—170 дв. и 27 бездвор. хатъ; посполитыхъ—306 дв. и 119 бездв. хатъ и, наконецъ, подсосѣдковъ—518 дв. и 242 бездв. хатъ. Считая, что каждый дворъ заключалъ въ себѣ одну хату съ одной семьей, окажется, что всѣхъ хатъ (включая и бездворныя) было 1338 и въ нихъ столько-же семей, а считая въ каждой семьѣ по три души, все населеніе, безъ старшины и духовенства, опредѣляется въ 4014 д. Въ ревизіи 1753 г. „свободные дворы“ не показаны, слѣд. въ указанной цифрѣ не достаетъ еще и населенія, жившаго въ этихъ дворахъ. Округляя цифру 4014 прибавленіемъ къ ней 136-ми душъ, жившихъ въ старшинскихъ и въ „свободныхъ“ дворахъ, все населеніе опредѣлится въ *4150 душъ*.

Сравнивая населеніе 1740 и 1753 гг., оказывается, что за за 13 лѣтъ, оно увеличилось приблизительно на тысячу душъ, при чемъ прибыль, и прибыль оч. обольшая, оказалась въ подсосѣдческомъ населеніи; по ревизіи 1740 г. подсосѣдковъ было 63 хаты, а черезъ 13 лѣтъ ихъ оказывается—595 хатъ, т. е, число подсосѣдковъ почти *удесятиряется*. Козачье населеніе въ 1753 г. сравнительно съ 1740 г., уменьшилось на 70 хатъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что населеніе этихъ хатъ было „скуплено“ или—переписалось въ подсосѣдки; остальные, вновь прибывшіе подсосѣдки—явились въ Прилуку изъ другихъ мѣстъ, призванные новыми владѣльцами тѣхъ „плецовъ“, которые пустѣли съ уходомъ изъ Прилуки „свободныхъ“ посполитыхъ.[1])

Указанное въ ревизіи 1753 г. число подсосѣдческихъ хатъ (595) принадлежало 67-ми владѣльцамъ, при чемъ послѣдніе, по своему общественному положенію, представляютъ чрезвычайное разнообразіе; кромѣ старшины, тутъ видимъ: „служителя дому его ясневельможности—Саввы Тимофеевича“, „цилюрика полкового Василія Василіева“, „писара протопопского Захарія Капленича“, „господаря асаула енералного г. Якубовича—Василіева Прохоровича“, „козаковъ Прилуцкихъ Турковскихъ“ (имъ принадлежитъ одинъ подсосѣдокъ) и проч. Всѣ эти лица стремились селить на пріобрѣтенныхъ „плецахъ“ подсосѣдковъ, чтобы сначала пріобрѣсти право на нѣкоторый ихъ трудъ, а потомъ, при послѣдующихъ ревизіяхъ, записать ихъ своими „подданными“...

1781 г. Наканунѣ открытія намѣстничествъ, все населеніе гетманщины приведено было въ извѣстность по сословіямъ и въ Прилукѣ оказалось: шляхетскихъ—36 двор., розночинцовъ—34 дв., духовенства—10 дв., церковниковъ—8 дв., а всего 88 двор., принадлежавшихъ привиллегир. сословіямъ. Остальное населеніе составляли: козаки—168 хатъ, мѣщане—365 х. и подсосѣдки, владѣльческіе, разночинческіе и козачьи—294 х., а всѣхъ хатъ—827. Къ этой цифрѣ, для сравненія съ прежними, слѣдуетъ прибавить хаты, находившіяся на предмѣстьяхъ: Чернявщинѣ—85 и

---

[1]) При постоянномъ передвиженіи населенія, «плецы» уходившихъ, большею частью, оставались пустыми, какъ это видно изъ ревизской книги за 1740 г., гдѣ, при указаніи ушедшихъ изъ г. Прилуки посполитыхъ, говорится, что ихъ «плецы» оставались большею частью *пустыми*, потому конечно, что некому было ихъ продавать,—вслѣдствіи множества уходившихъ. О пустыхъ «плецахъ» въ ревизской книгѣ сдѣланы такія поясненія: «Павло Шептунъ—1736 г. зійшовъ въ м. Журавку, а по немъ остался плецъ пустъ, которимъ плецомъ нихто не владѣетъ...» Такихъ плецовъ, оставшихся «пустыми» по уходѣ изъ Прилуки ихъ хозяевъ, въ ревизской книгѣ 1740 г. показано—76-ть.

въ Замостьи—103; всего такимъ образомъ въ Прилукѣ окажется козаковъ и посполитыхъ 1015 хатъ, т. е. гораздо меньше, чѣмъ ихъ было въ 1753 г. Нѣкоторое объясненіе этой убыли можно найти въ тѣхъ хуторахъ, которые послѣ 1753 года возникли около Прилуки. Хутора эти были устроены преимущественно старшиною, которая могла переводить сюда своихъ городскихъ подсосѣдковъ. Такимъ образомъ, въ 1781 г., въ Прилукѣ съ предмѣстьями было примѣрно—*3045 душъ*.

При перечисленіи Прилуцкаго населенія въ 1781 г., въ первый разъ встрѣчается названіе *мѣщанъ*. Не смотря на то, что это слово южнорусскаго происхожденія, [1]) городское поспольство стало именоваться мѣщанами лишь въ к. XVIII в.; впрочемъ мѣщанами стало именоваться лишь то городское поспольство, которое было подвѣдомо ратушѣ, при чемъ тутъ главную роль играли цеховые ремесленники и промышленники; остальное поспольство, состоявшее изъ владѣльческихъ подсосѣдковъ, впослѣдствіи переименовано въ крестьянъ; жившіе въ Прилукѣ козаки такъ и остались козаками. [2])

---

[1]) Мѣщанинъ отъ слова *мѣсто*=торговый центръ (базаръ) и въ этомъ смыслѣ—городъ; *предмѣстье*—окраина города.

[2]) Когда въ 1749 г. генер. канцелярія потребовала отъ полковыхъ канцелярій свѣдѣній—«какіе именно обыватели, обрѣтающіеся въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ, по гражданскому состоянію,—мѣщанами быть должны, «то изъ Прилуцкой полк. к—ріи былъ посланъ въ Глуховъ отвѣтъ, что «по справкѣ съ малороссійскими правами, *коихъ именно гражданскаго состоянія обывателей мѣщанами числить должно и что формально мѣщанинъ есть*, хотя точнаго права не сыскивается, однако по примѣрамъ о головщизнахъ и навязкахъ разнаго чина и званія людемъ, въ малороссійскомъ правѣ статутовой книги положенныхъ и по древнимъ малороссійскимъ обычаямъ мѣщанами быть тѣ должны: 1) гдѣ въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ магистраты или ратуши и при тѣхъ имѣются ратушахъ государственніи грамоты и древніе привиллегіи и протчіи крѣпости албо указы, по коимъ оніи ратуши состоятъ особымъ правленіемъ и имѣютъ особыхъ урядниковъ, якъ-то: войтовъ, бурмистровъ, райцовъ, писаря и протчіихъ чиновъ, управляютъ гражданство—и судомъ и росправою и пристойными градскими распорядки, по малорусскимъ правамъ, *то всѣ обыватели, кои таковому правле-*

Прилуцкія церкви, школы и богадѣльни. Въ Прилукѣ была церковь уже въ 1628 г., потому что въ тарифахъ этого года

нію подвластны и подсудственни, по мнѣнію полк. Прилуцкой к—ріи, *должны быть мѣщанами*, якъ о томъ зъ примѣрного малороссійского книги статута розд. 12, арт. 6 права подтверждать сіе неотмѣнно можно, гдѣ мѣщанъ якъ упривилегованныхъ, такъ и меншихъ мѣстъ, имянуя тѣмъ именемъ отъ *мѣста*, т. е. гдѣ уже слѣдовательно—таковому, какъ выше писано, мѣскому правленію быть должно, различаетъ отъ людей простого стану, якъ-то: слугъ и подданныхъ владѣльческихъ, положа имъ навязку большую нежели простому тяглому человѣку, какъ о томъ ясно оный 6-й артикулъ гласитъ. 2) При городѣхъ и мѣстечкахъ ремесленніи всякого ремесла люди такожъ и всякіи промысленніи обыватели, которіи имѣютъ торговые промыслы и сидятъ съ большими и мелкими товарами въ лавкахъ или и не имѣютъ лавокъ да имѣя въ городѣхъ дворѣ своя, а за промысломъ съ рыбою, солью и протчимъ—ѣздятъ по другимъ городамъ, *оніи*, по вишеписанному въ 1-мъ пунктѣ изображенному обстоятельству, *должны быть мѣщанами*, яко подсудственнимъ (ніе?) особому надъ ними управленію, ибо обыкновенно не только при меншихъ, но и при самихъ большихъ и упривилеованныхъ мѣстахъ гражданскаго состоянія обыватели большою частью ремесломъ, купечествомъ и другими промыслы живутъ, а повинностми градскими, такожъ и судомъ зависятъ отъ командъ своихъ, си есть отъ магистратовъ и ратушей, особливо же ремесники всякого званія, якъ то: кравци, шевци, ткачи, золотари, слесари и протчіи при городѣхъ имѣютъ цехи свои и при цехахъ, особій цеховій урядъ и за древній обычай, во знакъ того цехового правленія, хоругви, чрезъ что все отъ селянъ и протчого тяглого посполства—имѣютъ немалую разнь, а къ тому жъ по силѣ статутового розд. 4, арт. 5—права въ окладѣ головщизны предвозвышенны надъ прочій простый народъ. 3) Въ ревизіальныхъ давнихъ и нынѣшнихъ ревизій книгахъ Прилуцкого полку, въ городѣхъ и мѣстечкахъ, градского званія обыватели писанны неодинаково: иногда сами знатнѣйшіи показыванны мѣщанами, а убогшіи и рукодѣліемъ питающіеся, такожъ подварчане и пашенніи—писаны были посполитыми, а иногда всѣ генерадно—знатніи и убогіи, купечествомъ и ремесломъ и паханіемъ земли упражняющіяся, писывали равно—посполитими и сіе для того, что въ акуратномъ о томъ въ ревизіяхъ показываніи особливой нужды и надобности не бывало, и ревизори въ томъ по произволеніямъ писывали, ибо ревизіи сочиняемы были не для чего иного, но къ единому уравненію всѣхъ обще, какъ козацкаго, такъ посполитскаго званіевъ людей, ко одбуваню общенародныхъ

здѣсь показанъ „1 попъ“. [1]) По Шафонскому (стр. 515) это была церковь Рождества Богородицы, построенная, по его свѣдѣніямъ, въ 1618 г. Въ 1724 г. въ Прилукѣ было четыре церкви: Преображенская, Рождества Богородицы, Іоанна Предтечи (на Кваштинцахъ) и Трехсвятительская (въ Кустовцахъ). Преображенская церковь называется уже въ 1653 г. (Акты Ю. З. Р., X, 199); но затѣмъ, въ к. XVII или нач. XVIII в., церковь эта, вѣроятно, сгорѣла, такъ какъ вмѣсто ея построена была полковникомъ Игн. Галаганомъ новая, каменная. Главною церковью однакожъ считалась Рождество-Богородицкая. Къ к. XVII в., она настолько обветшала, что въ 1697 г. взамѣнъ ея была построена новая, деревянная же. Эта церковь сгорѣла въ 1781 г., въ большой пожаръ. (Шафонск., 315). [2])

Изъ Румянц. описи видно, что и въ 1765 г. въ Прилукѣ были тѣ же четыре церкви, при чемъ при каждой изъ нихъ была школа, а при Преображенской и Богородицкой еще и богадѣльнѣ (*шпиталь*). Въ школахъ жили „молодики и школьники“; напр., въ Преображенской школѣ жило семь человѣкъ „молодиковъ и школьниковъ“ слѣдующихъ возрастовъ: 39, 28, 25, 25, 24, 15 и 15 лѣтъ. Въ школѣ Предтеченской жило также семь человѣкъ „молодиковъ и школьниковъ“, слѣдующихъ лѣтъ: 25, 21, 20, 19, 16, 16, 15 и 12-ти. Кромѣ этихъ лицъ, при каждой церкви было по дьячку и по одному или по два пономаря; иногда у дьячка былъ помощникъ, называвшійся поддячимъ. Судя по возрасту указанныхъ „молодиковъ и школьниковъ“, это были молодые люди, повидимому, готовившіе себя

указныхъ повинностей и дабелей, отъ коихъ по указамъ, какъ козаки, такъ мѣщане и мужики, кромѣ обоихъ званіевъ чиновниковъ и урядовыхъ и протчихъ разночинцовъ, не виключаются». Подписали: Обозн. полк. Ѳедоръ Галенковскій. Судія полк. Яковъ Огроновичъ. Полков. писарь Иванъ Александровичъ. Полков. асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

[1]) Zródła Dziejowe, XX, 69.

[2]) Шафонскій упоминаетъ еще о Николаевской церкви, находившейся въ Преображенской каменной колокольнѣ; церковь эта сгорѣла въ тотъ же большой пожаръ 1781 г.

на дьячковскія должности и для того изучавшіе, при той или другой церкви, дьячковскую науку; изъ числа этихъ „молодичовъ“ вѣроятно и выходили такъ называвшіеся „мандрованные дьяки“, т. е. дьяки, блуждавшіе по гетманщинѣ, въ поискахъ за мѣстами. Показанные въ описи 1765 г. жильцы Прилуцкихъ школъ были, по своему происхожденію, большею частью, люди пришлые; напр., изъ семи школяровъ Преображенской школы,—уроженцовъ г. Прилуки было только двое; затѣмъ, два пришло изъ селъ Заизда и Половой, два—изъ Миргородскаго полка и одинъ—изъ Нѣжина. Изъ трехъ Прилуцкихъ дьяковъ, занимавшихъ эти мѣста въ 1765 г., Преображенскій дьякъ былъ родомъ изъ Обухова (ок. Кіева), Предтеченскій—изъ с. Фащовки (ок. Хорола) и только третій былъ уроженецъ Прилуцкій. Отсюда видно, что дьяковскія должности замѣщались преимущественно людьми *прихожими*.

Изъ списка лицъ, жившихъ въ церковныхъ богадѣльняхъ (*шпиталяхъ*) видно, что тутъ находили пристанище преимущественно калѣки, но были между ними люди и совершенно здоровые—изъ числа мужей или женъ калѣкъ.[1]) Въ богадѣльнѣ

---

[1]) «Григорій Журавленко, житель Прилуцкій, 40-ка лѣтъ, слѣпъ «на обѣ очи».—Семенъ Булденко, родимецъ полку Переяславского, 25 л., слѣпъ на оба глаза. Жена его Ульяна Куценкова, жителька Прилуцкая, 25 л., никакими болѣзнями не заражена; дочь ихъ Домникія 1-го года.—Тишко Тарановскій, родимецъ полку Сумского, 35 л., никакими болѣзнями не зараженъ, живетъ въ шпиталѣ 6 лѣтъ; жена его Феодосія Бугаенкова, жителка с. Припутень, 40 лѣтъ, слѣпа на обѣ очи.—Іосифъ Лещинскій, житель с. Половой, 30 л., на рукахъ и на ногахъ имѣетъ раны; жена его Пелагія Крившенкова, никакими болѣзнями не заражена, жителька с. Сергіевки, 30 л.; сынъ ихъ Иванъ 7-ми лѣтъ.—Ефимъ Столѣтненко, родимецъ Прилуцкій, 25 л., слѣпъ на обѣ очи.—Григорій Загородненко, родимецъ с. Дубоваго Гая, 23 л., едной ноги не имѣетъ.—Ярофей Хитрякъ, родимецъ с. Ювковецъ, 30 л., на ногахъ имѣетъ раны.—Яковъ Савченко, родимецъ полку Сумского, 35 л., зараженъ черною болѣзнію.—Яковъ Гладченко, родимецъ с. Линовицѣ, 18 л., слѣпъ на обѣ очи.—Иванъ Опищенко, родимецъ Прилуцкій, 14 л., слѣпъ на обѣ очи.—Ефимъ Ткаченко, родимецъ м. Борзны, 10 л., никакими болѣзнями не зараженъ; живетъ въ шпиталѣ будетъ одинъ годъ.—Якимъ Хиженко, родимецъ и.

Преображенской церкви въ 1765 г. жило 12 душъ и при нихъ дѣтей, имъ же принадлежавшихъ—4. Персоналъ богадѣльни церкви Рождества Богородицы приведенъ выше полностью.

Укрѣпленія Прилуки. Объ укрѣпленіяхъ Прилуки, кромѣ извѣстія, сообщаемаго Павломъ Алеппскимъ, имѣются свѣдѣнія относящіеся къ 1738 г., когда въ виду турецкой войны, по распоряженію Румянцова (А. И.), тогдашняго правителя Малороссіи, были осмотрѣны въ послѣдней всѣ города и городки, которые въ прежнее время были окружены валами. Осмотръ Прилуцкихъ укрѣпленій былъ порученъ бунч. тов. Степ. Томарѣ, который о состояніи ихъ доносилъ Румянцову слѣдующее: „Полковой городъ Прилука—отъ поля валомъ земляным вкругъ, а отъ р. Удая высокостью самородной горы—обнесенъ и палисадомъ укрѣпленъ. Около того города валъ во многихъ мѣстахъ осыпался, коло бойницъ земля поосововалась, рогатки вокругъ не всюди поставлены, а которые поставлены, тѣ не снозованы (не соединены между собою), а нѣкоторые и повалялись; стежки (дорожки) по валу пороблены, ровъ мисцями затаскався и не вычищенъ; въ пригородкахъ—воротъ, а въ вилазкахъ фортъ и запоровъ никакихъ не имѣется...“ Изъ другаго свѣдѣнія, относящагося къ 1781 г., видимъ, что и въ это время центръ Прилуки назывался *замкомъ*, а его окружность—*городомъ*. Въ этомъ году, 14 сентября, въ Прилукѣ случился большой пожаръ, о которомъ бригадиръ Андрей Салигнакъ доносилъ Румянцову (П. А), что сгорѣли: „въ *замкѣ*—острогъ, ворота одни, пустой пороховой погребъ и церковный домъ. гдѣ учились школяры, а въ *городѣ*: церкви Рождества Богородицы, Николая Чудотворца и великомуч. Варвары (недостроенная), лавки и дома: Горленка, майора Маркевича, Носенка, Ивана Маркевича, капитанши Сиповой, Пятигорскаго, Огроновича“. [1]) Шафонскій, въ своемъ описаніи Черни-

---

Кіевского, 12 л., кривій на обѣ ноги.—Параскева Конратовна, родимка п. Лубенского, 25 л., слѣпая на обѣ очи; сестра ея въ первыхъ Акилина, 13 л., никакими болѣзнями не заражена, родственниковъ въ себе не имѣетъ.—Карпъ Колюченко, родимецъ Прилуцкій, 21 года, кривій на ногу и руку». (Изъ Румянц. Описи).

[1]) Оба документа изъ бумагъ (въ копіяхъ) Н. А. Маркевича. Въ пожаръ 1781 г. пострадали и Прилуцкія предмѣстья, въ которыхъ

говскаго намѣстничества, о Прилукѣ говоритъ, что центръ города „составляетъ самый земляной старый городъ и въ немъ лежащій замокъ или цитадель, и за городомъ предмѣстье Квашинцы и тѣ два предмѣстья, которыя за валомъ, между Кіевскими и Пирятинскими воротами, лежатъ. Главная крѣпость имѣетъ четыре развалившіяся ворота: Кіевскія или Черниговскія, Глуховскія, Роменскія и Пирятинскія.

Предмѣстья Прилуки назывались: *Квашинцы*, по дорогѣ на Пирятинъ, *Кустовцы*—по дорогѣ на Роменъ и *Плескуновка*—за Кустовцами, по Роменской дорогѣ. Всѣ эти три предмѣстья соединены непосредственно съ городомъ. На противоположномъ берегу Удая находились два предмѣстья: *Замостье* и *Чернявщина*, иначе—*Лапинцы*. Замостье—поселеніе извѣстное уже съ 1618 г., когда оно называлось и *Гущинцами*.[1]) Судя по мѣстоположенію Замостья и близости его къ Прилукѣ, можно предполагать, что это поселеніе возникло, какъ защитное мѣсто для жителей Прилуки, на случай нападенія татаръ. *Чернявщина* поселена была, вѣроятно, полковникомъ Чернявскимъ.

Приложеніе. *Виденіе въ малороссійскую коллегію, какіе зборніе денги въ полковомъ Прилуцкомъ скарбцѣ найдовались, в чіемъ завѣдованю били и на якіе росходи оніе употреблени. 1725 року.*

За гетманства Ивана Самойловича с прибели арендовой, в городѣ Прилуцѣ будучой, обранно било грошей до скарбцу полкового належачыхъ, чрезъ десять годовъ, 900 рублей, а тіе денги Димитрій Горленко у килка годовъ, когда уручено ему урядъ полковництва Прылуцкого, забралъ до себе и не вѣдаемъ того, где оные подѣвалъ. Повторе, тотъ же Димитрій Горленко взялъ до своихъ рукъ готовыхъ денегъ з таковой же прибели арендовой, за гетманства уже змѣнника Мазепы, отъ року 1690 до року 1697, Василемъ шафаромъ собранной а до скарбцу полкового належачой, 800 рубл.; а если на якіе росходи з оной сумми употреблено що или нѣтъ, о томъ незвѣстни. А що

сгорѣло: мостъ, четыре мельницы на Удаѣ, винокурня Грудницкаго. Всего въ Прилукѣ сгорѣло въ этотъ пожаръ 74 двора:

[1]) Źródła Dziejowe, XXI, 209, 315 и XXII, 175, 233.

болшъ по томъ времени збиралося оной прибели, до запродання аренди, именно до року 1702 іюня 12, о томъ уже нѣхто не свѣдомъ, кромѣ помянутого Горленка, якъ тоею прибелю завѣдуючого и до рукъ своихъ обиравчого.—Потомъ, когда въ року 1702, знатніе мѣщане Прилуцкіе, человѣка шесть, закупили аренды въ Прилуцѣ, видали чрезъ 6 годовъ тожъ зъ прибели арендовой до рукъ оного жъ Горленка 1200 рубл., яко о томъ Ѳедоръ Кирпичъ, тогдашній арандиръ, посвѣдчаетъ, кромѣ ярмарковъ, которіе онъ же, Горленко, запродаючи, до рукъ своихъ отбиралъ гроши и що зъ оныхъ пошло в росходъ, того мы не свѣдомы, понеже оный Горленко тими усѣма, прибелними денгами самъ завѣдовалъ и реестра всѣ, приходніе и расходніе, въ его найдовалися. По отшествіи тежъ помянутого Горленка на противную сторону (т. е. послѣ его ухода съ Мазепою) немѣючи за що нѣ пороху купити, а нѣ жадной аммуниціи до артиллеріи полковой Прилупкой належной, справити, просили покойного гетмана Скоропадского о опредѣленне намъ певной части з добръ Горленковихъ въ награжденіе прибелной суммы, онимъ Горленкомъ забранной, и помянутій гетманъ опредѣлилъ былъ намъ куховъ сорокъ селѣтри, з которой продали 30—за 1100 рублей, а 10 куховъ оставили для пороху, з якой селѣтры дѣлаючи порохъ, всякіе походы войсковіе и прочіе въ городѣ нашемъ публѣчніе отправовали окказіи. А взятіе вишписанніе денги за оную селѣтру были въ завѣдованію Михайла Григорьева (Огроновича), бившого судіи, а нынѣшнего обозного; потомъ въ Андрея Васильева, тожъ судѣ полкового Прилуцкого, а по немъ въ Івана (Марковича), такожде судѣ Прилуцкого, и что которій зъ тоей суммы въ росходъ пустилъ, о томъ ниже сего слѣдуетъ. *Росходъ Михайла Григорьева.* Року 1710, когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ пришолъ з Прутовской баталіи въ Прилуку, на кватеру, далъ на поклонъ, за совѣтомъ всей старшины, 10 чирвонихъ, по 2 рубля розмѣненнихъ, а матерію купили въ Нѣжинѣ за 40 рублей.—Року 1711, по указу гетманскомъ, далъ Тимофѣю Василіеву, войтови прилуцкому, на росплатку долговъ ратушнихъ, за разніе рѣчи подъ дивизій великороссійскихъ, з под Полтавы чрезъ Прилуку простуючихъ, набратіе, 300 р.—Того жъ году, помянутому войтови, когда ездилъ в градской потребѣ до Глухова, далъ 8 рублей —На позолоченіе булави полковой далъ 6 чорвонныхъ, по два рубля розмѣненнихъ.—Року 1713, якъ пришолъ помянутій фелтмаршалъ г. Шереметевъ зъ Москвы въ Прилуку, далъ, за совѣтомъ же всей старшины, на поклонъ чирвонихъ 10, по 2 рубля розмѣненнихъ.—И того въ росходѣ Мих. Григорьева 400 рубл. А

остальныхъ 700 р. онъ Мих. Григорьевъ, отдалъ з рукъ своихъ в завѣдование Андрею Васильеву. *Росходъ Андрея Васильева.* Року 1716, априля 10, на узваръ велик. князя государя царевича Петра Петровича далъ 50 чирвонихъ, по 2 рубля розмѣненныхъ.—Когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ простовалъ чрезъ Прилуку въ Лубнѣ, за совѣтомъ всей старшины, на поклонъ далъ 10 чирвонныхъ, по 2 р. розмѣненныхъ.—Для купленя коней подемныхъ до артиллеріи полковой, далъ 137 руб.—Року 1717, марта 1, Безсалскому (изъ с. Безсалъ) пороховниковѣ Мартину Хведоренку, по указу полковничомъ, далъ р. 3 и 25 коп.—Марта 12, Прилуцкимъ пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ р. 4 и коп. 50. Марта 15, на сѣрку до ярмарку Борзенского, Онисковѣ Шапошниковѣ далъ р. 2.—Априля 3, Матвѣю Давидовичу на сѣрку далъ 2 р. и 40 коп.—Апр. 7, на казанъ пороховникамъ Прилуцкимъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ 3 р.—Априля 12, Грицку Дубелю, атамановѣ городовому, на сѣрку 3 р. 45 коп.—20, пороховникамъ Семидѣ и Джигеленку—2 р.—Мая 6, имъ же—2 р. 50 коп.—20, Грицку Дубелю на сѣрку 40 к. іюня 16, Ониску Шапочнику на камень (50 ф.) сѣрки.—2 р.— іюля 3, Гр. Джигеленку и Матв. Семидѣ, за 15 каменей пороха—7 р. 50 к.—Року 1718, апр. 17, ишелъ полкъ Прилуцкій до Царицына на ленѣйную работу, далъ для всякихъ войсковыхъ потребъ Мих. Григоръеву обозному полковому, рубл. 100. Итого в росходѣ Андрея Васильева—390 р. А попреставленію помянутого Андрея Васильева, принялъ за совѣтомъ всей старшины Иванъ Марковъ до своихъ рукъ оставшихъ 310 р. *Росходъ Ивана Маркова. В року 1719.* Леонтію людвисару, за вилитте арматъ, штукъ чотирохъ,—46 р. Книжокъ купилъ до церкви войсковой 4 р. За 30 дубовъ, якие пошли на рештованне для вилитя арматъ, заплатилъ 3 р. 60 к., на сѣрку—70 к.—Мих. Кгондзаку, отаману Прилуцкому, для заплаченя пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку за зроблене пороху 10 р. По словесному указу покойного п. гетмана Скоропадского, далъ въ Глуховѣ г. капитану Чевкину—60 р. Когда Федоръ Марковичъ, сотникъ тогдашній полковій Прилуцкій, ишолъ въ походъ Ладожскій, далъ для войсковой потребы—120 р.—Року 1722, идучи в походъ Дербенскій, купилъ коней до арматъ за 40 р.; въ томъ же походѣ далъ писару полковому Ѳ. Галенковскому для росходовъ войсковыхъ—16 р.—Да въ томъ же походѣ слугамъ войсковымъ, армашамъ и пушкарямъ, на провіантъ стратилъ 9 р. 70 к. Итого въ росходѣ Ивана Маркова 310 р. А всѣхъ денегъ въ расходѣ 1100 р.—Михайло Григоревичъ, обозній полковий Прилуцкій. Ѳедоръ Голенковскій, писаръ полк. Прил.

Михайло Мовчанъ, асулъ полк. Прил. Иванъ Семеновичъ, хоруж. полков. Григорій Николаевичъ, прапорщикъ полков. Петръ Носенко сотникъ полков. Леонтій Василіевъ, войтъ Прилуцкій». [1])

Полковая сотня. На основаніи „Реестровъ" 1649 г. можно полагать, что тогда было четыре полковыхъ сотенъ (см. стр. 304, 305 и 308); но изъ послѣднихъ свѣдѣній за XVII в. важна уже только одна полковая сотня, при чемъ Переволочанская сотня, показанная по „Реестрамъ"—отдѣльно, съ к. XVII в. сливается съ полковою. Полковая сотня была наибольшею въ полку; она занимала оба берега Удая и заключала въ себѣ до 50-ти поселеній, кромѣ хуторовъ.

Полковые сотники. Иванъ Шкуратовичъ, 1649. Иванъ Даниловъ, 1659. Федоръ Семеновъ, 1669 (Акт. Ю. З. Р., VIII, 61). **Остапъ Маценко, 1687—688. Яковъ Кондратьевичъ Золотаренко, 1690—1709. Иванъ Марковичъ, 1709—719. Федоръ Марковичъ, 1719—724. Петръ Ивановичъ Носенко (Вѣлецкій), 1724—733. Степанъ Степановичъ Лукомскій, 1737—744. Андрей Ивановичъ Гуленко, 1747—751. Георгій Петровичъ Вѣлецкій-Носенко,** ок. **1760 г. Григорій Гудима, 1769—781.**

Шкуратъ или **Шкуратовичъ**, по свѣдѣніямъ Максимовича, (с. 5) былъ потомъ полковникомъ и убитъ подъ Берестечкомъ. Сотникомъ онъ значится по „Реестрамъ" 1649 г., но болѣе раннее извѣстіе о немъ имѣется въ актѣ Іер. Вишневецкаго 1643 г., откуда видно, что въ это время онъ былъ Густынскимъ *мельникомъ*. [2])

---

[1]) Арх. генер. канцел., по Черниг. описи № 2559.

[2]) Приводимъ актъ полностью—«Іеремія Михаилъ **Корибутъ** князь на Вышневцу. Вѣдомо чинимъ симъ листомъ моимъ рукою власною подписаннымъ и печатію утвержденнымъ, яко назначилъ и назначаю *Иванови Шкуратовичу*, *мельникови Густынскому*, взглядомъ коштовъ его, роненныхъ на млинѣ на р. Удаи построеный, въ которомъ колъ двѣ—мучное, а другое ступное, конъ 80 литовской лѣчби, на томъ млинѣ ассекуруючи певность тоей суммы, ему и потомкомъ его или кому бы онъ... далъ, даровалъ, продалъ, съ права

Маценко—сынъ полковника—получилъ въ 1690 г., отъ Мазепы, с. Дѣдовцы, которое по смерти М—ка перешло къ сыну его Антону, бывшему полк. хоружимъ.

Золотаренко сотниковалъ при Мазепѣ, который уже въ 1690 г. далъ З—ку д. Буды. Сотникомъ З—ко отставался и въ 1709 г., когда Скоропадскій прибавилъ ему къ Будамъ и сосѣдніе Сезьки; но въ этомъ же году З—ко отъ сотничества былъ отставленъ, вѣроятно, потому только, что это мѣсто потребовалось для одного изъ братьевъ гетманши. З—ко въ 1717 г. былъ взятъ въ Москву, едва ли не будучи привлеченъ къ слѣдствію о Мазепинцахъ. Изъ Москвы З—ко писалъ къ одному изъ Густынскихъ монаховъ: „Честній отче Дамаскинъ, мой зичливій пріятелю. Узятій я по указу до Москви, прошу честности вашей—зволте поражать (рада—совѣтъ) мою господиню въ чемъ потребовать. Приказую честности вашей всѣ грунта Колесницкіи, за гроши купленіи, зволте, честность ваша, обѣхати и оглядѣти, где якіе есть. Ежели послетъ Господь мнѣ смерть—половина на монастырь, за душу мою, а половина жонѣ моей, а дворъ жонѣ моей у мѣстѣ (т. е. въ Прилукѣ) зо всѣмъ набиткомъ, що маетъ въ рукахъ; а зъ моихъ кревныхъ нѣхто не повиненъ ей турбовать; а

отъ мене принятого, вступилъ доброволнѣ; самъ ведлугъ обичая давного, употребляя пожитковъ поки похощетъ не отдаляти млина отъ себе, такъ въ мѣрочкахъ, яко и въ готовыхъ грошей (грошахъ?), сохранивъ и порядокъ здешнихъ мастностей. Податки жъ и повинности всякіе зъ нимми мелниками отдавати имѣетъ или до скарбу моего или кому то належати за правомъ, албо за особливою ласкою моею будетъ, которій вступати млина своего никому не обовязуется, естли-бы въ державѣ его хотѣлъ кто имѣти, своити, ижъ развѣ бы за доволнимъ награжденіемъ собѣ суммы тимъ листомъ вышеописаннымъ. Однакъ, когда бы не тщаливый былъ въ направи млина, можетъ арендаръ за вѣдомостью и рѣшеніемъ о томъ зъ державцею или самъ державца отобрати млинъ имѣетъ и отдати сумму, а иначе жадной не творитъ перешкоди, когда исполняти повинности своей никогда не занедбаетъ. Данъ зъ Лохвицѣ, 29 дня октоврія, року 1643». (Изъ Румянц. Описи). Смыслъ этого рѣдкаго акта не вездѣ понятенъ, конечно, отъ неточнаго перевода съ польскаго, но тѣмъ не менѣе отсюда мы получаемъ нѣкоторое понятіе о хозяйствѣ В—аго въ «Заднѣпріи».

родному брату що далемъ писмо на Голѣвщину, по волѣ вашой з отцемъ Дамаскиномъ, ежели будетъ жону мою слухать... Тое ознаймую, же я братови своему и шеляга не виненъ... И отчизна вся ему осталась. Кромѣ, далемъ на м—рь Густынскій въ Корсунѣ, на Росѣ, купленій отъ Кандиби млинъ на Вышшихъ Букахъ за душу отцеву и матчину... 1717 року, августа 5 дня. Яковъ Кондратовичъ Золотаренко рукою" [1]). Изъ этого письма видно, что З—ко былъ выходецъ съ праваго берега Днѣпра и что онъ былъ хорошо грамотенъ. Изъ Москвы З—ко повидимому не вернулся, потому что по акту 1721 г. жена его Марья отдала Густынскому м—рю разные „грунта, legованніе" покойнымъ мужемъ ея, а въ томъ числѣ „между Колесниками, Будами, Сорочинцями и Половою найдуючійся кутъ, прозываемій Пороховщина". Въ 1724 г. вдова З—ка уже была замужемъ за Климомъ Янжуломъ, сотникомъ Топальскимъ, продолжая владѣть Сезьками и Будами.

Марковичъ Иванъ—одинъ изъ сыновей „славетнаго пана Марка Аврамовича", отца гетманши Скоропадской [2])—былъ назначенъ полк. Прилуцкимъ сотникомъ, повидимому, вслѣдъ за поставленіемъ Скоропадскаго гетманомъ, такъ какъ въ универсалѣ, написанномъ въ Лукомлѣ, 21 марта 1709 г., М—чъ называется уже сотникомъ: „респектуючи мы на згодность до услугъ войсковыхъ п. Ив. М—ча, сотника полк. Прилуцкого, надаемъ ему часть войсковую въ млинахъ Семенюты Коломійця, на Новой Греблѣ, о чтирохъ колахъ"... Засимъ, Скоропадскій далъ М—чу еще пять универсаловъ на маетности: 1) 1709 г., 21 сент., на с. Кроты (при р. Удаѣ); 2) 1711 г., янв. 10, на укрѣпленіе за М—чемъ всего Новогребельскаго имѣнія Коломійца, сыновья котораго продали М—чу двѣ мельницы на Нов. Греблѣ за 1100 золот.; 3) 1711 г., 21 сент., на с. Колесники и на „сѣножать" при рч. Росоши; 4) 1714 г., 5 янв., на водяныя мельницы въ м. Переволочнѣ, „да къ тому гетманъ далъ М—чу четырехъ рыбалокъ и восемь человѣкъ

---

[1]) Изъ Румянц. Описи.

[2]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 419.

тяглыхъ людей, для помощи до двора Переволочанского, тамъ-же около двора его живущихъ, въ полное его владѣніе". 5) 1714 г., 10 сент., подтвержденіе „на десять хатъ посполитыхъ въ м. Переволочнѣ, данныхъ М—чу Прилуцкимъ полковникомъ" и 6) 1717 г., 15 іюня, подтвержденіе на мельницу въ уроч. Нежеровскомъ, данную М—чу тѣмъ-же полковникомъ, и „на людей около дворовъ Переволочанского и Нежеровского, на власныхъ его, М—ча, купленыхъ земляхъ живущихъ". Всѣ эти маетности были укрѣплены за М—чемъ царскою грамотою 7 іюля 1718 г. [2]) Нѣтъ сомнѣнія, что всѣми этими милостями М—чъ обязанъ былъ близкому своему родству съ гетманшею Скоропадскою.—На сотничествѣ М—чъ оставался до 1719 г., когда за смертью Андрея Себастіановича, былъ поставленъ полков. судьею. Любопытнымъ памятникомъ судейской дѣятельности М—ча сохранилось его письмо къ своему полковнику Галагану—о защитѣ юрисдикціи полковаго суда отъ „чина духовнаго". Какъ видно, этотъ вопросъ интересовалъ всю полковую старшину, которая и просила гетмана защитить „свѣтскую власть" отъ духовной. М—чъ, въ августѣ 1719 г., писалъ „Любо вм. м. п. и добродѣй, зо всею полку Прилуцкого старшиною, подалъ... его м. п. гетману, подъ часъ бытности его панской велм—ти въ Прилуцѣ, на санъ духовный суплѣку, же въ мирскіе наши дѣла интересуются; однакъ оніе и до днесь не занехаялы намъ чинити препятіа, поневажъ и самому вм. м. пану явно есть, же если где случится справа въ протопопіи Прилуцкой о блудодѣяніи или о забойствѣ (убійствѣ), то нѣмъ еще учинится передъ судомъ нашимъ розискъ и фероване справы (производство дѣла), наперед оніе особы духовніе на свой санъ поберутъ знатніе, по своему хотѣнію, неналежне вины (штрафы), чого нѣкогды въ полку нашемъ не бывало, ибо въ томъ не труждаючися, неприлично и брати. Якожъ и прошлого тижня, еще при битности вм. м. пана, Антоновского человѣка, въ семидесять годовъ далѣй будучого, учинивши забойцю, же яко бы жону свою

---

[2]) Изъ этой-же грамоты беремъ и свѣдѣніе о перечисленныхъ универсалахъ, кромѣ перваго и третьяго, подлинниками которыхъ мы пользовались изъ семейн. архива Н. А. Маркевича.

убилъ, прежде розиску и певного свидѣтелства, о. намѣстникъ Варвинскій озлѣ (возлѣ) тѣла (убитой) цѣлую ночь держалъ, и насилно взялъ въ оного человѣка на 70 золот. вини, которому теперь, при старости лѣтъ, нѣчимъ и контентоватися, бо хочай то тотъ человѣкъ и самъ признаетъ, же разовъ три жону свою ударилъ паличкою тоненкою, однакъ, потомъ, оная ходячи безъ стогнаня, що потребно бывало робила, и уже у килка днiй лѣгши, у тиждень померла. О чомъ изволь, вм. м. панъ, его панской велможности предложити и просити знову его панского респекту, чтобы зъ сану духовного в такіе дѣла не интересовался нѣхто, але своими би парафіалними доходами, якіе по своему хотенію, безъ всякой перепони, берутъ, контентовалися, бо если-бы мѣла духовная власть тіе себѣ неналежніе подгорнути приходи, *то зъ чого будетъ и власть свѣцкая жити*, развѣ зъ того, чтобы тилко градскіе порядки устроевати и всякіе трудности отбувати дармо! Да и се новий образецъ отъ духовнихъ особъ является, ижъ бы зъ мирской власти до настановленя ктиторовъ нѣхто не интересовался, развѣ для того самого, щобъ не вѣдали що въ приходахъ церковнихъ будетъ прибели, а до того, ижъ-бы волно было имъ ктиторовъ нѣбъ (какъ будто) своихъ поданныхъ, куда потреба посилати и поборы необычніе зъ ихъ брати, а общеналежитой бы повинности не отбувати“... Изъ этого любопытнаго письма видно, что „свѣтская власть“, отстаивая юрисдикцію полк. суда, боялась потерять тѣ доходы, на которыя она жила. Духовенство, съ своей стороны, боялось выпустить изъ своего вѣдѣнія тѣ преступленія, преслѣдованіе которыхъ можно было связать съ обязанностями пастырей... Какъ видно, обѣ власти ревниво боролись за получаемые доходы. [1])

М—чъ пробылъ на судействѣ пять лѣтъ и въ 1724 г. умеръ, оставивъ пространное духовное завѣщаніе, сущность котораго приводимъ здѣсь вкратцѣ.—Литературная часть въ завѣщаніи, по обыкновенію, забыта не была.—„Вѣдаючи не тилко отъ писанія божественного, но и отъ повседневного искуства и

---

[1]) Съ подлинника въ арх. Н. А. Маркевича.

досвѣдченія на всемъ родѣ человѣческомъ собивающагося декрету Божія исполненіе,—земля еси (человѣче) и въ землю паки возвратишися, по которомъ всякому рожшемуся предлежитъ конецъ житія смерть; тая же частокротъ безвѣстно, аки тать, прежде здравія, а потомъ и житія людского дражайшое похищаетъ сокровище. И себѣ таковаго, а иле (особенно) при слабости здоровя, опасуючися случая, еще при доброй и совершенной памяти, Богомъ данное мнѣ таковимъ чиномъ распоражаю имѣніе".—Прежде всего шла рѣчь о душѣ, причемъ указывается, что „молитвами и милостынями и по смерти творимими, очищаются грѣхи и душамъ на одолѣніе воздушнихъ митарей весма бываетъ помощъ", почему завѣщатель прежде всего назначаетъ „опредѣленную сумму" на „сорокоустныя прошенія", поручая женѣ и брату Федору роздать деньги по принадлежности. Тѣло свое М—чъ завѣщаетъ похоронить въ Густынскомъ м—рѣ, причемъ „на незабвенное въ той же обители моего недостоинства, говорится въ завѣшаніи, поминаніе, кромѣ суммы денегъ опредѣленной, ледую тому жъ святому мѣстцу зъ половины сребра и цѣни (олова), сколько оныхъ ваги винайдется, часть едну цѣлкомъ маетъ туда отдатися, а другая часть таковая жъ на м—рь Мутинскій повинна быть отдана". Затѣмъ идутъ слѣдующія распоряженія: 1) „Ясневелможной еи м—ти панеи Анастасіи Марковнѣ, гетмановой, *яко паче матиць и добродѣйиць моей дознанной, нежели сестрѣ*, на *Новой Греблѣ* коло едно млива, заразъ по смерти моей въ вѣчную ледую посессію". 2) Его мил. п. брату моему Андрею Марковичу, полковн. Луб—у, хуторъ мой *въ Перервинцяхъ*, на незабвенную и по смерти любовъ, отписую". 3) „Тысяча золотыхъ, по преставленіи славнія памяти покойного его м. п. родича моего, взятая мною за пай противъ млиновъ, которіе паномъ братомъ моимъ остались, маетъ данна быти въ вѣчную мою памятку, на ровній подѣлъ всѣмъ панѣямъ сестрамъ моимъ, кромѣ панеи Павловой (Имшенецкой), которая, яко потомства неимущая, всѣмъ певне подѣлу того не требуетъ". 4) „Другое коло млина, тамъ же на *Новой Греблѣ* будучого, дѣтемъ брата моего Феодора—Димитрію и Григорію—отписую, зъ которого мѣютъ они такъ на свои труда въ наукахъ будучи, якъ и потомъ доросши

лѣтъ, спокойне приходъ себѣ употреблять. А сукнѣ (платье) мои и ввесь войсковый аппараментъ и модерунокъ мой всѣмъ уже дѣтемъ того п. брата моего Федора легую". 5) „А понеже панѣ малжонка моя и сожителница моя одъ первого дне своего зо мною сожитія, честно и безъ всякого порока жизнь свою провождала, любовъ свою ко мнѣ всегда вѣрно и вѣрность малженскую всегда любовне хранила, въ господарскихъ (хозяйскихъ) дѣлехъ тщателно, сколко силъ ея ставало, труждалася къ собранію того, что Господь Богъ намъ, по богатству милости своеѣ, до шафунку (для жизни) благоволилъ дати, яко помощница мнѣ отъ его божественного промысла дарованная, прилежную денно и нощно помощъ подавала и моей къ себѣ любвѣ и пріязни супружеской, чрезъ все сожитіе свое зо мною, неповредити пилно старалася; того ради все имѣніе мое, движимое и недвижимое, зъ нею набитое, кромѣ того тилко что кому въ семъ же тестаментѣ легковалося и нижей въ реестрахъ положится, оной въ зуполное и безпрепятственное владѣніе *доколь живота ея и доколь на вдовиномъ столцу* (столу) *сидѣти будетъ*, симъ моимъ послѣднимъ тестаментомъ записую, а именно: *села Колесники и Кроты*, монаршою грамотою премилостиво створенные, *дворъ въ г. Прилуцѣ*, въ которомъ жию, *дворъ шинковній* за городомъ и *хуторъ надъ Муховцемъ* и комору въ ринку стоячую, *дворъ въ Сорочинцяхъ*, *хуторъ въ Колесникахъ*, *хуторъ въ Нежеровѣ*, *дворъ въ Переволочной* за мѣстечкомъ и людей на власныхъ моихъ купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тихъ, которіи по наданню гетманомъ, монаршою закрѣпленіи грамотою, тамъ же найдуются, *хуторъ въ Линовицѣ*, млины въ *Новой Греблѣ*..." (а за симъ слѣдуетъ перечисленіе разныхъ „сѣножатей"). „Сребра и цѣни, сколко того всего ваги винайдется, половина при ней же панѣ малжонце моей мѣетъ знайдоватись. Виключивши однакъ грунта Переволочанскіе, дворъ за мѣстечкомъ, дворъ въ мѣстечку, млинъ въ Новой Греблѣ и лѣсъ подъ Ичнею—Поповскій—ей, панеи малжонце моей, во вѣчность легую и даю волю ей же тими грунтами, яко и всѣмъ движимимъ имѣніемъ, такъ за живота своего, яко и при кончинѣ, якъ хотѣть владѣти, дати, продати или кревнимъ своимъ даровати, чили на церкви божественніе албо

монастыри леговати. Варую, жебы що кромѣ сихъ, во вѣчность ей легованныхъ грунтовъ, зъ того нѣчого не продала и не отдала нѣкому по смерть свою. По смерти же ея, грунтами мнѣ зъ дому отческого доставшіесь, такимъ маютъ и повинни будутъ роспорядитися чиномъ: его м. п. брату, полковнику Луб-му, дворъ шинковній на предградіи Прилуцкомъ, дворъ городовій, въ которомъ жию, синовцу моему, а п. брата моего Феодора синовѣ Димитрію, хуторъ надъ Муховцемъ и хуторъ въ Колесникахъ—другому синовцу моему, а синовѣ того жъ п. брата моего Григорію; хуторецъ въ Рудовцѣ отческій—п. сестрѣ моей Иринѣ Миклашевской, кутъ сѣнокосній подъ Варвою—сестрѣ моей Пелагіи Кондзеровской. Протчіими же всѣми грунтами ...по смерти сожителницы моей, тотъ зъ кревныхъ моихъ, а не ея, маетъ владѣти, кто оной будетъ во всемъ житіи ея приклоненъ, поволенъ и услуженъ, и кому она, зъ любвѣ своей и прихилности, изволитъ отписати и отказати, а именно зъ дѣтей п. брата моего Феодора непремѣнне или зъ дѣтей панѣ и сестеръ моихъ, если отъ нихъ яковая небудетъ на честь ея произиходити противность. *А мъло бъ, уховай Боже, что такового—одъ тихъ то намьненныхъ дьтей—чести и особъ ея бити когда колвекъ противного, то волно ей будетъ всъ тіи грунта, купно нами нажитіе, спродати и спродавши, всю сумму за оніе взятую, за въдомомъ кревныхъ моихъ и инныхъ людей годныхъ, на обители святіе и церкви божественнія, за души наши, а некому инному зъ кревныхъ своихъ или моихъ отдати,* а безъ выраженной тутъ вины до дѣтей братнѣхъ, не повинно иначей бити, тилко такъ, яко выше естъ воля моя выраженна... Если бы мѣла (хотя по статечной ея ко мнѣ чрезъ все житіе пріязни, того весма не надѣюся) тая жъ панѣ сожителница моя, оставивши столецъ удовинній празденъ, війти за мужа второго, то волно ей будетъ толко виключенними вишеименованними грунтами, якіе ей въ вѣчность записалемъ, якъ хотя владѣти и движимій тилко набитокъ, яко то гроши, бидло, сребро, цѣнь и свое все ношеніе женское зъ собою взяти", а всѣ другія имѣнія завѣщатель назначилъ разнымъ своимъ роднымъ, преимущественно сыновьямъ брата Федора,—Дмитрію, Григорію, Михаилу, Андрею и Василію. Въ заключеніе слѣдуетъ заклинаніе

противъ тѣхъ, кто отважился бы завѣщанію „чинити противность и насиліе“,—„таковій, яко неправдолюбецъ и права натуралного... гвалтовникъ и разоритель, праведнымъ судомъ Божіимъ и отмщеніемъ да будетъ проклятъ, яко же Каинъ и да будетъ жена его—вдова, дворъ его—пустъ и въ жилищи его да не будетъ живущого, и его самаго жива суща да пожретъ земля, якоже Дафана и Авирона, и часть его во второе пришествіе нелицемѣрного Судіи да будетъ съ невѣрными и нечестивими, которіе не воскреснутъ на судъ, но во осужденіе и не узрятъ слова Господня“. Къ духовному завѣщанію приложенъ списокъ монастырей, церквей и духовенства, которымъ завѣщаются деньги (всѣхъ 586 рубл.). Наибольшія суммы назначены: „до катедры Кіевской“ и монастырямъ: Никольскому Пустынскому, Кирилловскому, Петропавловскому и Густынскому—по 20 р.; затѣмъ Гамалѣевскому (устроенному сестрою завѣщателя)—18 р., „до пещеръ обохъ, ближней и далекой“—16 р., на Прилуцкую Рождество-Богородицкую церковь—16 р., „до великого Печерского м—ря“—15 р., Прилуцкой Прображенской церквѣ—10 р. „до катедри Чернѣговской“—12 р., „Замѣской (Квашинской) церкви св. Іоанна настоятелевѣ“—2 р., Кустовскому (т. е. Трехсвятительскому) священнику—2 р. Всѣхъ монастырей, исключительно Малороссійскихъ, указано 36. Въ концѣ завѣщанія завѣщатель, находя назначенную на молитвы сумму недостаточною, прибавилъ еще „двѣ тысячи золотыхъ за душу“, уже не указывая кому именно слѣдуетъ роздать эти деньги.

Приведенные отрывки изъ завѣщанія М—ча указываютъ, что тѣ условія, которыми завѣщатель старался обезпечить свою вдову, не вовсемъ согласовались съ литовскимъ статутомъ, но писанный законъ тогда исполнялся нестрого, и грамотный завѣщатель хорошо зналъ, что обычай признавалъ за всякимъ „тестаментомъ“—силу того же закона. Сколько знаемъ, воля, выраженная въ этомъ завѣщаніи, была нарушена только относительно с. Кротовъ; нарушена она была братомъ Федоромъ, который въ 1729 г. село это успѣлъ выпросить себѣ у Апостола. Вдова жаловалась гетману, что деверь ея выпросилъ себѣ универсалъ на Кроты, скрывъ братнее завѣщаніе, по которому и

Кроты, и Колесники, завѣщаны были по смерть ей, вдовѣ; но разъ универсалъ былъ выданъ,—уничтожать его не приходилось...

Иванъ М—чъ умеръ ex obstructione hepatis, какъ записалъ его племянникъ Яковъ.

Марковичъ Федоръ—младшій изъ сыновей Марка Аврамовича,—службу свою началъ „у войску козацкомъ", какъ онъ самъ говоритъ, „року 1700, когда покойный гетм. Ск—ій былъ на урадѣ асаулства енералного; въ тотъ часъ оный (Ск—ій) былъ посланъ наказнымъ гетманомъ и стоялъ зъ войскомъ за Днѣпромъ, на Омелнику, при которомъ войску и я служилъ". Въ это время еще былъ живъ отецъ Федора, который и женилъ его на дочери Переяславскаго полковника Томары—Катеринѣ, при чемъ сватами были—будущій полковникъ Носъ и Прилуцкій протопопъ Магеровскій. При этомъ сватовствѣ отецъ жениха обѣщалъ своему „свату", что онъ отдастъ сыну все свое тогдашнее имѣніе, такъ какъ остальныя дѣти его, Марка, уже отдѣлены. Обѣщаніе это однакожъ исполнено не было, какъ увидимъ ниже. Самъ М—чъ смолоду уже началъ пріобрѣтать себѣ разнаго рода „грунта", какъ видно изъ слѣд. универсала Скоропадскаго:—„презентовалъ намъ п. Федоръ Марковичъ, знатн. товар. войск., купчіе записи на кгрунта у рожныхъ людей за власніе свои гроши покупленніе, около хуторовъ своихъ же: Рудковского и Туровского знайдуючіеся, и просилъ на оніе нашего потверженя... Респектуючи на ронячіеся въ Войску Запорозкомъ услуги, помянутіе кгрунта ствержаемъ и... варуемъ особливе сусѣдовъ его на тыхъ кгрунтахъ, въ хатахъ его мешкаючихъ, аби до жаднихъ не потягано повинностей, пилно приказуемъ". (Въ Кіевѣ, 1713 г.) Черезъ три года, въ 1716 г., М—чу былъ выданъ другой универсалъ на купленные грунта: „на фолварки" Рудовскій, Туровскій и Стрѣльницкій, млины—подъ Журавкою и подъ Переволочною, и на „сѣножати, едну у Двохъ-Могилъ, а другіе въ Пяти-Могилъ, за Рудовкою лежачіе". Немало и другихъ грунтовъ пріобрѣлъ Федоръ М—чъ, какъ видно, свободно располагая деньгами. Изъ населенныхъ маетностей Ф. М—ча получилъ, въ 1711 г., отъ Лубенскаго полковника Савича

с. Гурбинцы,[1]) а въ 1712 г. отъ гетмана—с. Туровку; кромѣ того, при женитьбѣ онъ получилъ отъ тестя с. Козловъ,[2]) какъ бы въ приданое. А въ 1719 г., когда старшій братъ получилъ судейство, на мѣсто его полков. сотникомъ поставленъ былъ Федоръ. Изъ общественной его дѣятельности извѣсто, что когда въ 1721 г., отрядъ козацкаго войска отправленъ былъ на канальную работу подъ Ладогу, то М—чъ былъ наказнымъ полковникомъ Прилуцкаго полка. Пользуясь этимъ случаемъ и жалуясь на убытки отъ похода, онъ просилъ гетмана, изъ-подъ Ладоги, дать ему во временное подданство крестьянъ с. Высокаго, чтобы они „маленко помогли домашнимъ его“ въ полевыхъ работахъ.[3]) Письмо это успѣха не имѣло, можетъ быть и по-

---

[1]) Такъ говоритъ Ф. М—чъ въ одномъ своемъ прошеніи 1729 г.—«посполитые люде села Гурбинецъ чрезъ 18 годъ во владѣніи моемъ найдовалися по универсалному опредѣленію перве, покойного полковника Лубенского Савича, а опосля и гетманскимъ универсаломъ умершаго п. Скоропадского ствержение...»

[2]) Универсалы на Козловъ въ «Сборн. матеріал. для исторіи общ. земель», Лучицкаго, стр. 139.

[3]) «Ясневелможний мосцѣ пане гетмане, премилостивѣйшій мнѣ пане и добродѣю. Служебничой довлетворя должности, не оставляю до в. панской велможности листовного моего восписати посѣщенія, чрезъ которое яко желаю, абы Господь Богъ в крѣпкомъ своемъ защищеніи здравіе велможности вашой, всему отечеству нашему благопотребное, в долготу дний содержати благоизволилъ; такъ при обятіи добродѣйскихъ ногъ вашой п. в—сти, отважаюся всенокорнѣе о таковой его п. особу благати респектъ, аби в—сть ваша, по своей природной милости, отчески на мя милосердуя, в награжденіе вѣрнихъ моихъ нынѣ ронячихся трудовъ, при которыхъ надстрадавши здоровя, до немалого въ сей многобѣдной краинѣ прийшолемъ убитку, благоволилъ высоцеповажнимъ своимъ реймментарскимъ повелѣть указомъ, абы сотнѣ моей села прозиваемого Высокого обивателѣ принаймнѣй маленко помогли домашнимъ моимъ подъ сее время только—сѣна подкосити да хлѣбъ в полю надпорати. На що, ежели панское в—сти в. взблаговолитъ сердце, теди указъ о томъ братови моему, п. судіи полк. Пр—му, опредѣлити до обявленія его м. п. полковникови нашему, ибо ежели тое высокое в. п—ской в—сти повеленіе

тому, что Ф. М—чъ особою пріязнью сестры-гетманши не пользовался, какъ это видно изъ его духовнаго завѣщанія, о которомъ скажемъ ниже. Да и вообще Ф. М—чу судьба не благоволила. Въ 1722 г. умеръ Скоропадскій и положеніе Марковичей сильно пошатнулось, бывшая ихъ заступница—сестра потеряла всякое значеніе и помогать братьямъ уже не могла; а между тѣмъ Марковичей въ гетманщинѣ вообще не любили и имъ пришлось испытать отъ новыхъ правителей разныя невзгоды. Такая невзгода прежде всѣхъ постигла Ф. М—ча, который въ 1724 г., въ пріѣздъ А. И. Румянцова въ Малороссію, былъ отставленъ отъ сотничества и очутился заурядным бунч. товарищемъ. Послѣ этого Ф. М—чъ прожилъ еще тринадцать лѣтъ и умеръ должно быть въ 1734 г., судя по томъ, что въ этомъ году онъ написалъ свое завѣщаніе, а „тестаменты“ въ гетманщинѣ писались обыкновенно тогда, когда завѣщатель находился уже на „божьей дорогѣ“. Въ этомъ завѣщаніи, *предисловіе* котораго *буквально* списано съ завѣщанія старшаго брата Ивана М—ча, Ф. М—чъ разсказываетъ, какъ обдѣлили его братья и сестры по смерти отца, отъ котораго онъ надѣялся получить все его наслѣдство, еще нерозданное другимъ дѣтямъ.

Списавъ начало съ братниного завѣщанія, далѣе Ф. М—чъ говоритъ: „Прошенія и поминанія за убогую мою душу мѣтъ любезнѣйшая моя жена Екатерина Томаровна по возможности зъ трудовъ нашихъ не оставить и христіанскимъ обрядкомъ должна учинить задосить, а тѣло мое грѣшное да будетъ похоронено въ обители св.-тр. Густинской вкупѣ, где покойный братъ мой Иванъ М—чъ лежитъ, узъ его, вчинивши склепъ, непремѣнно...[1])

з листомъ *самому его м. п. п—ковъ достанется, певне вѣдаю, что его м—ть до событія оного привести не похощетъ*, в чомъ всемъ на м—ть и благоупотробіе в—ти вашой несумѣнную полагая надежду, неокончаемо есмъ ясн—ти в. всего добра вѣрне желаючий слуга и подножокъ Федоръ Марковичъ, сотникъ полковой Прилуцкій. З Новой Ладоги, отъ каналу. Июля 21, року 1721». (*Съ подлинника*).

[1]) Но въ концѣ завѣщанія имѣется такая приписка:..... «однакъ я розсудивши себѣ тое, что не мѣстце человѣка святитъ, но человѣкъ мѣсце, желаю я того, дабы тѣло мое, сдѣлавши склепъ, поховали тутъ въ Сорочинцахъ».

Даби всякому било вѣдомо, якіе и исъ чего имѣются у мене зъ сожителницею грунта и протчая субстанція, симъ остатней волѣ моей тестаментомъ... обявляю. Покойный отецъ мой Марко съ покойнимъ тестемъ моимъ Томарою, чиня приговоръ сваталній за мене, утверждалъ тимъ, что всѣ его отческіе грунта и вся движимость—по смерти его мѣютъ при мнѣ, яко при меншому его сину, во владѣніи моемъ вовся найдоватись, яко о томъ приговорѣ и утвержденіи того слова отческого—листы отъ покойнихъ полковника Прилуцкого Ивана Носа и протопопи Прилуцкого Ивана Магеровского, до покойного жъ тестя моего Томары писаніе, свидѣтелствуютъ. [1]) А когда отецъ умеръ и сестри мои

---

[1]) Оба эти «листа» сохранились въ арх. Н. А. М—ча въ подлинникѣ; изъ нихъ—писанный Носомъ въ 1712 г.—приводимъ здѣсь: «Велце естемъ того памятенъ, же когда милое пріятелство славной памяти его мил. п. Марка зачиналося з вм. м. м. паномъ въ сопряженіе дочери, вм. м. м. пана, з милимъ паномъ сыномъ его Ѳеодоромъ, тогда чинилъ вм. м. панъ таковий упоминокъ покойному свату своему—на чомъ, мовитъ, п. сынъ вм. м. м. пана, а мой п. зять, взявши дочеръ мою за себе, зоставати будетъ?—И за тимъ упоминкомъ вм. м. м. пана, при причести. г. отцу прототопѣ нашомъ Прилуцкомъ и при мнѣ, в дому вм. м. м. пана, была отъ небожчика его мил. п. свата вашего таковая словесне объявлена лекгація, щжъ нихто инший толко милий синъ мой Ѳеодоръ домови моему и пнѣшнимъ добрамъ моимъ, якіе я мѣю, по зестю моемъ, посессоромъ и владцею будетъ; що готовъ такъ я, яко и его мил. отецъ протопопа нашъ, который при зачинанню того пріятелского домовъ вм. м. панства союзу, купно зо мною ходатаемъ былъ и чулъ овую доброхотную покойного его мил. п. Марка словескую сыновi своему п. Ѳеодору, на сей часъ милому п. зятю вм. м. м. пана таковую дому своего, в якомъ самъ мешкалъ, и всѣхъ добръ своихъ лекгацію, если того будетъ указовати потреба праведно сознати. А якъ чинился остатней волѣ небожчика п. свата вашего тестаментъ, чили реестръ споражался, при томъ не билемъ и не вѣдаю що кому лекговано. О томъ вм. м. м., пану и брату, извѣстно чинячи, и его жъ неотмѣнной братерской себе навсегда полѣцаючи зичливости, зостаю вм. м. м. пану зичливому пріятелевi и брату, всего добра упрейме щирозичливий пріятелъ, братъ и радъ служитъ. Его царск. пресв. величества Войска Запор. полковникъ Прилуцкій Іванъ Яремовичъ Носъ. С Прилуки, сентевр. 15 д., 1712 року». (Съ подлинника, писаннаго вмѣстѣ съ подписью, однимъ и тѣмъ же писарскимъ почеркомъ, указывающимъ, что самъ Носъ не умѣлъ и подписаться;

тое отческое завѣщаніе вовся уничтожили, и якая осталась въ рухомости субстанція, тую всѣ они, брати мои и сестри, по смерти родителской—заразъ отъ мене позабирали и на десять частей оную дѣлили и между себе розобрали, и якъ имъ хотѣлось, такъ мене меншого отъ себе обидрали, ошарпали и совсѣмъ обибрали и оставили нѣ при чомъ... Денги всѣ панѣ гетманова Скоропадская одибрала на Кондзеровскую, а мнѣ съ тихъ отческихъ денегъ оставила на господарство копъ семь... Маетности, которыми отецъ владѣлъ, а именно двѣ селѣ Мал. и Вел. Дѣвицы,—въ тиждень по смерти отческой отъ мене одибрано. Зъ срѣбра, сколко осталось ложокъ и чарокъ срѣбнихъ, тое все при подѣлѣ—сестри мои себѣ позабирали; сукнѣ отческіе блаватніе, сколко било, съ футрами рисѣми, лисѣми и попеличатими (sic) и легкие, то оние всѣ братъ мой Андрей М—чъ зъ дядкомъ нашимъ обознымъ полк. Прилуцкимъ Михайломъ Огроновичемъ, на три части раздѣлили, едну часть (Андрей) себѣ взялъ, другую братъ Иванъ М—чъ взялъ себѣ, а третую часть минѣ оставили. Зъ грунтовъ отческихъ брати мои Андрей и Иванъ взяли себѣ двѣ части, а мнѣ оставили третую... Итакъ, по смерти отческой, зосталъ я совсѣмъ ошарпанъ и обибранъ. То покойный тесть мой Томара и теща, видя меня такъ совсѣмъ разоренного, стали мене знатне всѣмъ по своей родителской милости спомогати... А то по таковому ихъ родителей вспоможенію, стало въ грунтахъ и въ другихъ достаткахъ въ домѣ моемъ разшириніе и всякое доволствіе. До того любимѣйшая моя сожителница Екатерина Томаровна, проводячи житіе свое зо мною честно и непорочно, чрезъ все оное свое житіе около господарства нашего совокупного денно и нощно неуспино имѣла тщателное радѣніе и попеченіе... Что било у нея сожителницы моей вношеня знатнихъ клейнотовъ и протчіихъ отческихъ ей даннихъ сплендоровъ (драгоцѣнностей), тое все она спродавши, грунта въ домъ мой покупила...“ За симъ

отсюда видна его неграмотность). Это свидѣтельство Носа подтверждено и тогдашнимъ Прилуцк. протопопомъ Іоаномъ Магеровскимъ, добавившимъ: «а когда вже панъ Марко мѣлъ сей свѣтъ жегнати и духовницу распоражалъ, того вже не вѣдаю...»

М—чъ перечисляетъ земли, купленныя главнымъ образомъ, какъ онъ говоритъ, на деньги жены. Куплено было *множество* грунтовъ, млиновъ, лѣсовъ, сѣножателей... (*Перечень ихъ занимаетъ нѣсколько страницъ*). Всѣ эти земли М—чъ завѣщалъ женѣ: „Всѣ выше выраженніе покупленніе, обополне набутіе и отческіе мои грунта въ зуполную диспозицію и волю отдаю и вручаю наилюбезнѣйшей моей панїи малжонцѣ Екатеринѣ Томаровнѣ, такожъ и маетности всѣ, якіе имѣю я по милости монаршей и по универсалахъ гетманскихъ... вручаю ей сожителници моей владѣть ними маетностями до кончини житія ея спокойне, до волѣ монаршой и рейментарской. А зъ дѣтей моихъ, по моей смерти, со всѣхъ вишеписаннихъ грунтовъ нѣкому не легую и не записую ни единого кутка; да и она сожительница моя зъ грунтовъ моихъ отческихъ и нѣ зъ якихъ—за своего живота—нѣкому би зъ синовъ нашихъ не опредѣляла и не отдавала, и по ихъ желанію отнюдь бы того не чинила, Богомъ въ Тройци св. славимого ея за сіе упоминаю и приказую, ибо зъ того бываетъ такъ, же дѣти маючи у себе въ рукахъ доволство, бываютъ роспустніе и легкомисліи и родителницѣ своей непослушливіе, по отцу своему оставшіеся, а до того, якъ видимо по сторонамъ, по синахъ, же матерей своихъ родныхъ лестію подпишовши, грунти и маетности отъ матки своей потбирали и самы панують, а матки онихъ нищету терплять. И когда по годности мѣлъ бы которій ожинитись, тогда бы всякъ зъ синовъ нашихъ зъ рукъ у сожительницы нашей, а своей матки, смотрѣтъ що дастъ, тое бъ и взялъ, а ежели ничего не дастъ, то нехай терпитъ и самъ о о себѣ старается...“ И здѣсь, какъ видно, главная забота завѣщателя сосредоточена была на томъ, чтобы вдову какъ нибудь не обидѣли дѣти. Въ этомъ отношеніи завѣщаніе Ф. М—ча было точно исполнено, не смотря на то, что вдова его вышла вторично замужъ (за какого-то Александра Сакевича).[1]) Только въ 1747 г. вдова М—ча составила „уступное письмо“, по которому распредѣляла земельныя угодья между дѣтьми своими

[1]) Въ завѣщаніи Ф. М—ча нѣтъ тѣхъ условій на случай вторичнаго замужества его вдовы, которыя помѣщены въ завѣщаніи Ив. М—ча

и то лишь на случай своей смерти. („Все то мною владѣемое имѣніе утверждаю раздѣлить дѣтямъ между себе слѣдующимъ порядкомъ, дабы по окончаніи жизни моей во вѣчномъ владѣніи ихъ состояли сіи угодіи...“). Въ этомъ актѣ названы слѣдующіе наслѣдники: дѣти умершаго сына Ивана, сыновья—Дмитрій, Андрей и Василій и дочь Марья, бывшая замужемъ за Шираемъ. Кромѣ трехъ селъ, Туровки, Гурбинецъ и Козлова, вдова М—ча перечислила длинный рядъ всякаго рода земельныхъ угодій, которыя точно до мелочей—распредѣлила между своими наслѣдниками. Не былъ забытъ и второй мужъ. „Александру Саковичю, мужу моему, утверждаю, дабы онъ по оконченіи жизни моея, все движимое мое имѣніе, яко то хлѣбъ въ ямахъ и стогахъ, что въ тѣ поры будетъ накошено сѣна, все безъ остатка, особливо-же сребра и цени и 12 котловъ винокурныхъ и при нихъ 30 трубъ—ему-жъ, мужу моему, такожъ скотъ весь рогатой, якото: коровы, волы, яловникъ и овцы, лошадѣ и кобылици, оставя толко на упѣминовеніе яловицъ 10 да барановъ 15...“

О потомствѣ Ф. М—ча можно сказать, что изъ четырехъ его сыновей,[1]) Василій былъ капитанъ-лейтенантомъ Преображенскаго полка. Это былъ *первый* гвардеецъ изъ сыновей малороссійской старшины перв. полов. XVIII в. Попалъ В. М—чъ въ гвардію, повидимому, при помощи Ал. Разумовскаго.

Носенко Петръ былъ внукъ Настасьи Раковичъ, на который—по смерти перваго ея мужа Бѣлецкаго—женился Ив. Носъ (с. 29). Отъ брака съ Бѣлецкимъ у Настасьи остался сынъ Иванъ, бывшій потомъ сотникомъ Сребрянскимъ; онъ умеръ рано, оставивъ сыновей Петра и Ѳедора. Оба они писались Носенками, п. ч. уже и отецъ ихъ Ив. Бѣлецкій, живя у вотчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. (См. сотники Сребрянскіе). Изъ этихъ

---

[1]) Можетъ быть и другіе у Федора М—ча сыновья, но ясныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. См. въ брошюрѣ А. И. Маркевича— «Марковичи», прилож. къ Кіевск. Стар. 1890 г. Отъ Федора Марковича происходятъ всѣ Прилуцкіе Марковичи, которые, съ нач. настоящ. столѣтія, стали писаться, полонизуя свое прозвище—Маркевичими. Марковичами—пишутся потомки старшаго изъ сыновей Марка Аврамовича—Андрея.

двухъ Носенковъ—Петръ сталъ виднымъ въ Прилуччинѣ человѣкомъ, благодаря своей ловкости. Къ нему очень расположенъ былъ и Носъ, который ставъ полковникомъ, уже въ 1709 г. далъ этому сыну пасынка с. Рудовку. (См. это село). Затѣмъ, Петру Н—ку въ его исканіяхъ очень помогалъ его зять Ив Даровскій, бывшій «господаремъ» у Скоропадскаго. Благодаря «старательству» послѣдняго, Н—ко въ 1720 г. получилъ полк. хоружество и универсалъ на с. Щуровку. Хоружимъ Н—ко оставался до 1724 г., когда поставленъ былъ полк. сотникомъ, послѣ смѣщенія Ф. М—ча. Какъ извѣстно, этотъ моментъ былъ очень тревожный для Малороссіи: въ этомъ году пріѣзжалъ въ гетманщину А. И. Румянцовъ для личной повѣрки настроенія въ ней народа—послѣ того, какъ протесты Полуботка родили у правительства разныя подозрѣнія относительно этого края. Извѣстно, что Румянцовъ объѣхалъ при этомъ всю Малороссію, при чемъ нѣкоторыхъ изъ старшинъ смѣстилъ и на мѣсто ихъ поставилъ новыхъ.[1]) Въ этотъ моментъ и Н—ко поставленъ былъ сотникомъ, послѣ смѣщенія Марковича.[2]) Очень вѣроятно,

---

[1]) См. въ Русск. Арх. 1880 г., I, статью «Павелъ Полуботокъ».

[2]) Назначеніе Н—ка на сотничество Румянцовымъ виднѣется, между прочимъ, и изъ слѣд. незначительнаго факта, въ которомъ Н—ко обнаружилъ необычайную для того времени самостоятельность въ столкновеніи съ такимъ сильнымъ въ полку человѣкомъ, какимъ былъ любимецъ полковника—полк. писарь Галенковскій. Въ окт. 1724 г. послѣдній жаловался на Н—ка только что устроеннымъ Румянцовымъ «правителямъ» генер. канцеляріи: «Въ семъ 1724 г., по милости *вашего императорскаго величества*, велѣно намъ, нижеподписаннымъ, за прошлій 723 годъ выбрать належитость грошовую (денежный сборъ) по давному обыкновенію, зо всѣхъ сотенъ полку Прилуцкого зъ козаковъ; яко жъ зъ иншихъ сотенъ помянутую належность и вибралисмо, а сотникъ полк. Прилуцкій Петръ Н—ко, выбравши нашой грошовой належитости зъ сотнѣ полковой—50 талерей, удержалъ у себе оніе, не вѣдаемъ ради якихъ причинъ, и до тихъ часъ намъ не отдаетъ». Поэтому Галенковскій и полк. хоруж. Ив. Семеновичъ—просили генер. к—рію распорядиться о возвратѣ имъ захваченной «належитости». Дѣло шло о денежномъ сборѣ съ козаковъ на жалованье

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ *за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями* (въ общемъ *до 1000 стр.* текста и *около 500 снимковъ*), безъ дост. *8 р.*; съ дост. и пер. *10 р.*; за гран. *12 р.*

Въ отдѣльной продажѣ—отъ *75 к.* до *1 р.* за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается *наложеннымъ платежомъ* за *2 руб.* съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться *преимущественно* въ Главную Контору: *С.-Петербургъ, Мойка, 83.*

Книгопродавцамъ дѣлается уступка *отъ 40 до 60 коп.* съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

—

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по *10 руб.*, съ перес. по *12 руб.*

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяцъ 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

1—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатью выпусками*, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ кни-

жныхъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна *три* рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

1—3

ЗАПИСКИ
Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(*1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября*).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почтенныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: *диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Овсянико-Куликовскій.**

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

(КІЕВСКИХЪ)

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер,, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

въ 1901 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **16** р.; на 6 мѣс. **9** р.; на 3 мѣс. **4** р. **50** к.; на 1 мѣс. **1** р. **80** к. Съ пересылкой иногородн. на годъ **17** р.; на 6 мѣс. **10** р.; на 3 мѣс. **5** р. **50** к.; на 1 мѣс. **2** р. За границу на годъ **26** р.; на 6 мѣс. **14** р.; на 3 мѣс. **8** р.; на **1** мѣс. **3** р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **18** р.; на 6 мѣс. **10** р. Съ пересылкою иногородн. на годъ **19** р.; на 6 мѣс. **11** р. За границу на годъ **28** р.; на 6 мѣс. **16** р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: **12** руб. въ годъ или по **1** руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 30); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, *иногородные адресуютъ:* Петровскія линіи № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій.**

4-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ. На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой заграницу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

1—3